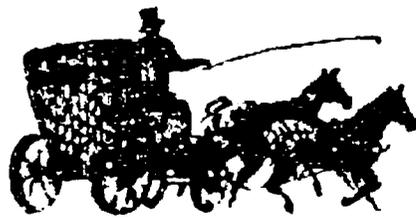

Ежи Брошкевич

ОБРАЗ ЛЮБВИ

Повесть о жизни
Фридерика ШОПЕНА

ПИСЬМА
ШОПЕНА

Москва
Издательство «Правда»
1989

Перевод Г. Кухарского

Избранные письма¹

- 1818-1849

---

1. ОТЦУ В ДЕНЬ ИМЕННИ

Варшава, 6 декабря 1818

Любимый Папа!

Мне было бы легче выразить свои чувства, если бы их можно было переложить в звуки, но так как даже самое лучшее музыкальное творение не сумеет отразить моей привязанности к Тебе, Любимый Папа, я вынужден поэтому простыми словами моего сердца выразить Тебе самую искреннюю благодарность и сыновнюю привязанность.

Ф. Шопен

2. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шифирня*, 10 августа 1824

Вторник, 10 августа 1824

Любимые Родители!

Я, слава богу, здоров и время провожу приятнейшим образом. Не читаю, не пишу, а играю, рисую, бегаю, дышу свежим воздухом, отправляясь ли в коляске на прогулку или же, как, например, вчера, объезжая поля на сивом *patricipe du verbe connaître*^{2*}. Ем с

¹ Некоторые письма печатаются с незначительными сокращениями.

² Причастие от глагола «знать» (фр.).

Пояснения к словам, отмеченным знаком *, смотри в конце книги.

необыкновенным аппетитом, и для полного удовлетворения моей тощей, начинающей уже полнеть утробы мне ничто так не требуется, как разрешение употреблять деревенский хлеб. Жирардо, правда, не разрешил мне есть ржаной хлеб, но этот запрет отпосылался только к варшавскому хлебу, а не к деревенскому. Он не разрешил мне его есть, потому что он кислый, а в шафарском нет ни малейшей кислоты. Тот хлеб черный, а этот — белый. Тот из грубой муки, а этот из презосходной; этот хлеб больше пришелся бы по вкусу Жирардо, чем варшавский, и если бы он мог его попробовать, он, наверно, разрешил бы мне его есть, потому что доктора обычно разрешают своим пациентам то, что сами любят. —

Но это еще не все; Варшава — город, а Шафарня — деревня. Там для всех булки, а здесь почти только для одного меня. А поэтому может ли статья, чтобы Мама не разрешила есть ржаной хлеб? Разве я недостаточно ясно объяснил причины, по которым могу есть деревенский хлеб? Если б я только знал, что Жирардо в Варшаве, я тотчас же попросил бы Пани Дзевановскую дать мне каравай хлеба и переслал бы его по почте в коробочке. И как только Жирардо отведал бы краюшку, он сразу же позволил бы мне его есть. Итак, в надежде, что получу столь необходимое мне разрешение (и с позволения панны Людвики и панны Юзефы, которые мне уже это позволили, надеясь на скорое разрешение), я заканчиваю свои рассуждения на эту тему.

<...> Пилюли принимаю регулярно и ежедневно, не пропуская, выпиваю по полграфинчика тизаны¹. За столом ничего не пью, лишь немного сладкого вина, фрукты ем, но только самые спелые и одобренные панной Людвикой. — С величайшим нетерпением ожидаем Папу; а я прошу, чтобы он был так добр и купил у Бжезины и привез *Air Moore variée pour le pianoforte á quatre mains par Ries*², потому что хочу их играть с пани Дзевановской; кроме того, прошу Папу привезти мне или рецепт [слово зачеркнуто], или баночку пилюлек, так как тех, которые у меня имеют

---

¹ Т и з а н а (от фр. tisane) — настойка трав или отвар ячменя или овса.

² Вариации Риса для фортепиано в четыре руки на темы Мура (фр.).

ся, хватит, согласно сегодняшнему подсчету, на двадцать семь дней.

Впрочем, писать больше не о чем, разве только попросить Людовику сообщить мне о здоровье Мамы и Папы, хотя я и не сомневаюсь, что он вполне поправился и что боли в пояснице прекратились.

<...> Целую ручки и ножки Любимейших Родителей.

Преданнейший сын

Ф. Ф. Шопен*

Пани Дзеваноская, панны Дзеваноскиес, пан Юльош и Домусь шлют поклоны Маме, Папе и детям*.

Пану Живному, пану Зиберту, пану Войцицкому — мое почтение.

Nb. Пан Камергер Пивницкий шлет поклон Папе и радуется, что увидится с ним.—

3. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 16 августа 1824

«Курьер Шафарский»*

Сего 16 августа
1824 года

Историческая памятка
В 1820 г. был очищен от ила
пруд во дворе.—

ВНУТРЕННИЕ ИЗВЕСТИЯ

Сего 11 Августа т[екущего] г[ода] Я[сновельможный] п[ан] Фридерик Шопен ездил на лихом коне; он скакал наперегонки; и хотя не смог перегнать идущую пешком пани Дзевановскую (в чем виноват не он, а лошадь), однако одержал викторию над паниой Людвикой, которая пешком подошла почти к самому финишу.— Я[сновельможный] п[ан] Франчишек Шопен каждый день выезжает на прогулку. Однако с такими почестями, что всегда сидит сзади.— Я[сновельможный] п[ан] Якуб Шопен выпивает ежедневно шесть чашек желудевого кофе, Миколайчик же съедает в день по четыре булки, *potà bene* — это не считая сытного обеда и ужина, состоящего из трех блюд.—

Сего 13 т[екущего] м[есяца] и г[ода] Я[сновель-

можный] пан Беттер с необыкновенным талантом играл на фортепиано. Сей виртуозус, Берлинец, играет во вкусе Я[сновельможного] пана Бергера (того сколимовского пианиста), а в штрихе¹ и в постановке пальцев превосходит пани Лаговскую, к тому же он играет с таким чувством, что почти каждая нота кажется исходящей не из сердца, а из мощного его брюха.

Сего 15 т[екущего] м[есяца] и г[ода] было получено важное сообщение о том, что Индюшка случайно в уголке за амбаром вывела Индюшонка. Сей важный случай не только принес ожидаемое увеличение семейства Индюков, но и способствовал увеличению доходов казны и обеспечил накопление оных.— Вчера ночью кошка, прокравшись в гардероб, разбила Бутылку с соком: и если, с одной стороны, она достойна виселицы, то с другой — она достойна похвалы, так как среди прочих выбрала самую маленькую.— Сего 12 т[екущего] м[есяца] охромела курица, а селезень в битве с гусем лишился ноги. Корова же столь сильно расхворалась, что ее даже пустили пастись в сад.— Сего 14 т[екущего] м[есяца] объявлено решение, по которому, под страхом смерти, ни один поросенок не смел бы входить на территорию сада.

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Некоему помещику из нашей округи захотелось почитать «Monitor» *. Итак, посылает он слугу к ксендзам-кармелитам в Оборы с просьбой прислать ему эту периодическую газету. Слуга, ни разу в жизни не слышавший про периодические издания, спрашивает у ксендзов газету г е м о р р о и д и ч е с к у ю.—

В Бохенце лиса сожрала двух беззащитных гусей; поймавшего ее просят уведомить бохенецкий суд, который незамедлительно и в соответствии с законами и предписаниями накажет преступника.— Поймавшему лису эти два гуся будут отданы в качестве достойного вознаграждения.—

Послать дозволено.
Цензор
Л. Д.

¹ Ш т р и х — термин скрипичной игры; в данном случае имеется в виду фортепианное туше.

Ковалево, лето 1825

Ковалево, пятница

Любимые Родители и вы, милые сестрички!

Так как здоровье служит мне, как дрессированный пес, и так как мы едем в Плоцк, то с моей стороны было бы безумием не сообщить Вам об этом. Итак, сегодня в Плоцке* завтра в Росьцишеве, послезавтра в Киколе, несколько дней в Тужне, два дня в Козлове и быстренько в Гданьск,— и обратно! Может быть, мне кто-нибудь скажет: «Видно, что он спешит домой, раз вспоминает о нем». Нет, нет, совсем нет. Ваша милость очень ошибаются, потому что я написал это только для возбуждения того приятного чувства, какое обычно испытываешь при встрече.— И кто бы стал тосковать?.. Во всяком случае не я. Может быть, кто-нибудь другой тоскует, но не я!..

А из Варшавы все-таки нет письма; сегодня в Плоцке я переверну вверх дном всю почту, чтобы найти там что-нибудь для себя. Как же Вам там живется на новой квартире? Как там парятся перед экзаменами? Вздыхает ли Тытус по деревенскому житью?.. И Прушак тоже?.. Как там пан Скарбек съел обед этого третьего, когда у меня было намерение поехать с ним в деревню?.. Мне все любопытно, как бабе. Но что поделаешь, не дадут собаке мяса, она постится, а что ей еще остается делать, как не бегать по сторонам в поисках добычи? Вот я еду в Плоцк за мясом*, так как догадываюсь, что Вы не знали, что последняя почта ждет в Леце. Теперь снова наступит большой перерыв в переписке! А поэтому не буду беспокоиться, так как трудно угадать, где искать меня, я же буду писать регулярно и почти шаг за шагом буду давать вам знать, куда адресовать, чтобы до меня дошли письма.—

<...> Хотел Вам, сестрицы, послать свой вальсик, но у меня нет времени писать, потому что мы уже садимся [в экипаж]; сейчас утро, восемь часов (так как раньше семи мы никогда не встаем). Воздух свежий, солнышко светит чудесно, птички щебечут, ручейка здесь нет, а то бы и он мурлыкал; зато есть пруд, и лягушки поют прелестно! — Но забавнее всего дрозд, выводящий рулады под окном, а после дрозда самая

младшая [дочка] пана Збоиньского, Камилка, которой нет еще и двух лет; она меня полюбила и лепечет, что «Кагила пана люби». Как она меня, так я в бильон раз больше Папу и Маму. Папу и Маму «люби», уважать и в ножки, ручки целовать.

Наипреданнейший

Ф. Шопен

Сестренку целую, целую, целую.

5. ЯНУ МАТУШИНЬСКОМУ В ВАРШАВУ

Шафарня, начало августа 1825

Милый, Дорогой Ясь!

Ах! Мадам Севиньи не была бы в состоянии описать Тебе мою радость от Твоего столь неожиданно полученного письма, потому что скорее я мог ожидать смерти, чем такого сюрприза. Никогда мне в голову не пришло бы, чтобы такой отчаянный книгоед, чтобы филолог, которому только бы рыться в Шиллере, взял в руки перо с намерением написать разболтанному чуть ли не как дедовский кнут цимбалисту, тому, кто до сих пор не прочитал еще ни одной латинской странички, этакому поросенку, который толстая на пойле, задумал нагнать хоть десятую часть твоего жира.

Поистине, это милость бóльшая, а точнее, большая милость моего Яська; и никому иному, как мне, и именно теперь она чрезвычайно дорога; и я не простил бы себе, если бы оскорбил жирную тушу Вашей милости, не потрудившись взяться за перо. Все вышенаписанное было всего лишь *exordium*¹, а теперь я приступаю к делу, и если Ты своими Пулавами* и зайцем хотел нагнать на меня страху, то я своим Торунем и своим зайцем, который, наверно, покрупнее Твоего, и четырьмя куропатками, которых я позавчера принес с поля, собираюсь унизить некоего неопытного охотника.

Что же Ты видел в Пулавах? Что? Ты видел лишь малую часть того, что мой взор обозревал полностью. Ты, верно, видел в [храме] Сивиллы кирпичик, вынутый из дома, в котором родился Коперник. А я ви-

¹ Вступление (лат.).

дел весь этот дом, все это место, хотя теперь оно и несколько профанировано. Представь себе, Милый Ясь, в том углу, в той комнате, где этот знаменитый астроном появился на свет, стоит кровать какого-то немца, который, объевшись картофелем, наверно, довольно часто пускает зефиры, а по тем кирпичикам, один из которых с такими церемониями был отправлен в Пулавы, ползает не один клопик. Так-то, братец мой! Немец вовсе не обращает внимания на то, кто жил в этом доме; и на всей стене творится такое, чего княгиня Чарторыская* не допустила бы и на одном кирпичике.

Однако, оставив Коперника, обращусь к торуньским пряникам*. Нельзя сказать, чтобы Ты их вовсе не знал, а возможно, что Ты знаешь их лучше, чем Коперника. Но все же я сделаю Тебе о них важное сообщение, которое, может быть, Тебе пригодится в каком-нибудь ученом трактате; сведения эти такие. По обычаю здешних пряничников, лавки, где продают пряники,— это сени, уставленные крепко запирающимися на ключ ларями, в которых почивают пряники, рассортированные и уложенные дюжинами. Ты, конечно, не найдешь этого в *Adagiorum Niliades**, но я, зная Твой интерес к столь важным вещам, сообщаю это Тебе, чтобы Ты, переводя Горация, мог справиться с сомнительными и запутанными местами. Вот и все, что я в состоянии написать Тебе о Торуне; может быть, при встрече расскажу Тебе побольше, но сейчас напишу лишь о том, что самую большую импрессию, alias впечатление, на меня произвели пряники.

Правда, видел я и укрепления со всех сторон города и во всех подробностях, видел знаменитую машину для переноски песка с одного места на другое, машину чрезвычайно просто устроенную, но крайне любопытную, которую тамошние немцы зовут Sandmaschine¹; кроме этого, готические костелы, построенные крестоносцами, один из которых заложен в 1231 году*. Видел я и наклонную башню, и знаменитую ратушу, как снаружи, так и внутри, важнейшей особенностью которой является то, что она имеет столько окон, сколько дней в году, столько залов, сколько месяцев, столько комнат, сколько недель, и

¹ Песочная машина (нем.)

все великолепное здание выдержано в готическом стиле*. Однако все это не лучше пряников, ах, пряников, один из которых я послал в Варшаву. Но что я вижу? Едва присел, а уже передо мной последняя страница! Мне кажется, что я только принялся за письмо, что я только что начал с Тобой болтать, а уже надо кончать!

Милый, Дорогой Ясь, мне остается лишь сердечно обнять Тебя. Уже десять, все ложатся спать, приходит и мой черед. В Варшаве, 22-го (ибо раньше не буду), устно доскажу Тебе и сердечно Тебя обниму, Дорогой Ясь. Теперь за двадцать миль прижимаю Тебя к губам и сердечно прощаюсь, до свидания.

Твой самый искренний, самый преданный друг

Ф. Шопен

Как жажду Тебя увидеть, уж я бы пошел на жертву и не играл две недели, лишь бы увидеть Тебя сейчас в действительности, ибо в воображении вижу Тебя ежедневно. Никому не показывай этого письма,— мне стыдно. Сам не знаю, есть ли в нем смысл, потому что я не перечел его.

6. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Шафарня, 26 августа 1825

С[его] 26 августа 1825

Любимые Родители!

Я здоров, глотаю пилюли, но их у меня уже осталось немного; часто вспоминаю о доме, и мне грустно, что на протяжении всех каникул я не видел самых дорогих для меня лиц. Однако, предполагая, что в будущем мне придется уехать из дому не на один месяц, а на более длительный срок, я рассматриваю нынешнюю разлуку как прелюдию к будущей. Это прелюдия теоретическая, так как музыкальную я должен буду пропеть при своем отъезде. Так же и тут, в Шафарне, когда я буду покидать ее, я пропою куранту, потому что, вполне возможно, не так-то скоро попаду сюда вновь, ибо нет той надежды [...], что в прошлом году. Но, оставив в стороне излишняя, которыми я в состоянии заполнить целую страницу, вернемся к позавчерашнему, вчерашнему и сегодняшнему дням.

Самым интересным, возможно, за все мое пребывание в Шафарне, был позавчерашний день, принесший с собою два важных события. Primo, панна Людвика благополучно вернулась из Оброва в сопровождении самой пани Божевской и с панной Теклой Божевской; во-вторых, в тот же день состоялся праздник последнего колоса в двух деревнях. Мы как раз сидели за ужином, доедая последнее блюдо, когда издали донесся хор фальшивых дискантов, и уже бабы [...], фальшиво гнусавящие через нос, и девичьи голоса, во всю глотку немилосердно пищащие на полтона выше, и всему этому аккомпанировала одна-единственная скрипка, и та всего о трех струнах, которая после каждой пропестой строфы отзывалась сзади альтовым голосом. Встав из-за стола, мы с Домусем покинули общество и выбежали во двор, где целая толпа народа медленно продвигалась, все ближе подходя к дому.

Я [сновельможная] панна Агнешка Гузовская и Я [сновельможная] панна Туровская-Бонкиевна (sic), ведомые двумя замужними женщинами — Я [сновельможными] пани Яськовой и Мачковой, со снопами в руках, с венками на головах, торжественно выступали впереди жниц. Образовав этакie колонны перед самым домом, они пропели все строфы, в которых каждому воздавалось по заслугам, а среди прочих две строфы касались меня:

Перед домом [...] зеленый куст,
Наш варшавянин худ, как пес.
На гумне торчат жерди,
Наш варшавянин очень прыток.

Сперва я не сообразил, что это относится ко мне; но потом, когда Яськова диктовала мне всю песню, то, когда дошло до этих строф, она сказала: «А теперь про Вас».

Я догадался, что вторая строфа является шуткой той девки, за которой я несколькими часами раньше гонялся по полю с переяслом [...]. Итак, пропев эту кантату, две вышеуказанные панны с венками идут в дом к Хозяину, в то время как два парня с ведрами, полными грязной воды, поджидают их у дверей в сенях и так здорово обсих пани Агнешек [...] приветствовали, что у тех аж с носа капало, а в сенях образовался ручеек; сложили снопы и венки, а Фрыц¹ как рванет на скрипке добжиньского*, так что на дворе все удари-

¹ Фрыц — уменьшительное от Фридерика.

лись в пляс. Ночь стояла прекрасная, месяц и звезды светили, но все же пришлось вынести две свечи — для потчевавшего водкой эконома и для Фрыца, который хоть и на трех струнах, но так пиликал, как иной и на четырех не сумеет. Начались танцы, вальс и оберек, и, чтобы вовлечь [в танец] парней, тихо стоявших по сторонам и только переступавших на месте, я пошел в первой паре вальса с панной Теклой, а потом и с пани Дзевановской.

Потом все так разохотились, что танцевали до упаду; «до упаду» — я употребляю в буквальном смысле, потому что несколько пар упало, задев босыми ногами за камень. Было уже почти одиннадцать, когда Фрыцу принесли контрабас; он был еще хуже скрипки, всего лишь с одной струной. Дорвавшись до запыленного смычка, я начал подыгрывать на контрабасе, так что все сбежались посмотреть на двух Фрыцев — одного сонного, [пиликающего] на скрипке, второго пиликающего на однострунном монохордном, пыльном [...] контрабасе; но тут панна Людвика закричала «гаус»¹, так что пришлось вернуться, пожелать всем спокойной ночи и идти спать. Вся компания разошлась со двора и направилась к корчме для продолжения веселья; там еще долго веселились, но хорошо ли, плохо ли — не знаю, так как я об этом не спрашивал.

Я был очень весел в этот вечер, — и бесконечно доволен по двум причинам. Недоставало четвертой струны; что тут делать? откуда ее взять?.. Пошел я во двор, а там пан Леон и Войтек, с низкими [поклонами] просят меня раздобыть струну; я получил от пани Дзев [ановской] девять ниток и отдал им, а они скрутили из них струну; но уж так судьбе было угодно, чтобы танцевали при трех струнах, потому что, только скрутили новую, как лопнула квинта, которую пришлось заменить только что сделанной. Во-вторых, панна Текла Божевская дважды со мной танцевала; я с ней, по своему обыкновению, много болтал, и поэтому меня называли ее милым и женихом, и лишь потом кто-то из парней вывел всех из заблуждения, и уж тогда даже мое имя знали, а портняжка, когда я собрался танцевать в первой паре с пани Дзевановской, отозвался: «Теперь пан Шопэ с их светлостью».

В сегодняшнем письме я обещал прислать Я [сновельможную] панну Марьяну Куропатковну, сестру

¹ Вон (нем.).

той славной Вероны Куропатки, которая вчера выдержала великую битву с граблями пани Кашубиной, которой досталось по лбу и толстощекому лицу; к счастью, эта баталия причинила лишь незначительный урон, так что г-жа Кашубина слегка только жалуется на головную боль, а у м-ль Пердри эн маль де нэ.* [...], который ненароком испытал эн ку дра то*. Так что посылаю вам этот на редкость удачный естапире¹. Моя техника сегодня хуже, но сходство сохранилось. Это сходство я не стану приписывать себе, подобно художнику, ослепленному величием своего творения, сначала мне и самому казалось, что ничего не выходит, как вдруг проходящий через комнату Ясь, взглянув на картину, которую я рисовал, воскликнул: «а вель это точь в точь Куропаточка». Мнению столь просвещенного соппаиссеига,² я должен был поверить и признать сходство, тем более, что оно было подтверждено как пани Франецкой, так и кухонными девушками. Завтра с утра едем в Тужно, откуда должны вернуться лишь в среду, так что маловероятно, чтобы я успел написать до ухода почты в среду; поэтому пусть Людвика ждет письма только через неделю.

Почти каждый день езжу на возах. Книжки спят, потому что стоит очень хорошая погода. Мошель в работе. Принял восемь ванн, последняя уже почти из одной барды³.

Всех детей сердечно обнимаю. Маме и Папе ножки и ручки сердечно целует

преданнейший сын

Ф. Шопен

7. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена. 1 августа 1829

Мои горячо любимые Родители и Сестры!

Благополучно, весело, невредимо, великолепно и почти что удобно прибыли мы вчера в Вену. От Крако-

¹ Гравюра (фр.).

² Ценитель (фр.).

³ Барда — гуща, остатки от перегонки хлебного вина; ванны из барды считались целебными.

ва мы ехали *Serapatwagen*'ом * лучше, чем если бы ехали в собственном экипаже. Прекрасные виды Галиции до самого Бельска, затем Верхней Силезии и Моравии делали наше путешествие тем более приятным, что дождь, иногда падавший по ночам, избавлял нас от несносной пыли на *chossée*¹.

Прежде чем я начну описывать Вену, расскажу, что случилось в Ойцуве². В воскресенье после обеда, наняв за четыре талера краковскую телегу, запряженную четверкой, мы щеголяли в ней оригинальнейшим образом. Миновав город и прекрасные окрестности Кракова, мы велели нашему вознице ехать прямо в Ойцув, полагая, что там живет п[ан] Индык, крестьянин, у которого обычно все ночуют, где и панна Таньская тоже ночевала. К несчастью оказалось, что пан Индык живет в расстоянии мили от Ойцува, и наш возница, не знавший дороги, заехал в Прондник — речку, или, вернее, прозрачный ручей, — а другой дороги нельзя было найти, потому что и справа и слева были скалы. Около девяти часов вечера нам, кочующим таким образом и не знаящим, что делать, повстречались два человека; сжалившись над нами, они взялись проводить нас к пану Индыку. Нам пришлось идти пешком добрых полмили, по росе, среди множества скал и острых камней. Иногда приходилось переходить речку по круглым бревнам, и все это в ночной темноте. Наконец, с великими трудами и канителью, подталкивая друг друга, мы все же добрались к пану Индыку. В столь поздний час он не ждал гостей. Он предоставил нам комнатку под скалой, в домике, выстроенном специально для туристов. Изабелла!.. Там же, где останавливалась панна Таньская! Итак, каждый из моих спутников раздевается и сушится у огня, разведенного в камине достойной пани Индык. Один лишь я, усевшись в уголке, мокрый до колен, размышляю — должен ли я раздеваться и сушиться или же нет; и тут я вижу, как пани Индык направляется к рядом находящемуся чулану, чтобы принести постельное белье. Влекомый спасительным предчувствием, я следую за ней и вижу множество краковских шерстяных шапок. Это двойные шапки, вроде ночных колпаков. С отчаянья я за злотый покупаю одну, разрываю ее пополам, снимаю башмаки,

---

¹ Дорога, шоссе (*фр.*).

² Ойцув — старинный замок в гористой местности нынешнего Краковского воеводства.

обертываю ею ноги и, крепко привязав ее веревкой, таким образом спасаюсь от неизбежной простуды. [Затем], подойдя к камину, я напился вина и вволю посмеялся с моими добрыми товарищами, а тем временем пани Индык постелила нам на полу, где мы отлично выпались...

8. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 8 августа 1829

Я здоров и весел. Не знаю, в чем дело, но немцы удивляются мне, а я, со своей стороны, удивляюсь, что они во мне находят чему удивляться. Письмо пана Эльспера произвело такое впечатление, что Хаслинггер положительно не знал, куда меня посадить. Он сейчас же заставил своего сына сыграть мне, показал мне все, что у него было интересного в музыкальном отношении, и извинялся, что не может представить меня своей жене, так как ее не было дома. Тем не менее он все еще не напечатал моих вещей. Я его о них не спрашивал, но он, показывая мне свои самые лучшие издания, сообщил, что мои *Вариации* должны будто бы через неделю выйти в «Одеоне» в таком же издании. Этого я уж совсем не ожидал. — Он уговаривает меня дать концерт. Здесь говорят, что Вена много бы потеряла, если бы я уехал, не дав себя услышать. Всего этого я не могу понять. Шуппанциг, к которому у меня тоже были письма, сказал мне, что хотя сезон окончен и он уже не устраивает квартетных вечеров, но тем не менее постарается устроить хотя бы один за время моего пребывания в Вене.

У Гуссажевских я был [только] раз; старик восхищался моей игрой и пригласил меня на обед. На обеде было много венцев, и все, словно сговорившись, уговаривали меня играть публично, Штейн хотел сейчас же послать один из своих инструментов мне на дом, а затем и на концерт, если бы я таковой дал. Графф, у которого инструменты лучше, чем у Штейна, предлагал мне то же самое. Вюрфель утверждает, что если хочешь показать нечто новое и прогреметь — играть надо непременно. Здешний журналист, п[ан] Блахетка, с которым я познакомился у Хаслинггера, также угова-

ривает меня выступить. *Вариации* им чрезвычайно нравятся.

Граф Галленберг познакомился со мной там же; он управляет театром, где я уже слышал несколько убогих концертов. Хаслингер утверждает, что для моих сочинений было бы очень полезно, если бы их услышала Вена, — газеты их тотчас расхвалят, за что все ручаются. Словом, всякий, кто только меня слышит, советует мне играть, а Вюрфель еще добавил, что уж раз я в Вене и мои сочинения вскоре должны выйти из печати, то я непременно должен выступить, в противном случае мне пришлось бы, пожалуй, приезжать сюда специально. Он ручается, что сейчас самое подходящее время, так как венцы жаждут новой музыки. Не следует молодому музыканту упускать такую возможность. Наконец, если бы я выступал только как исполнитель, это имело бы гораздо меньшее значение, я же выступаю со своими сочинениями и поэтому смело могу отважиться и т. п. Он хочет, чтобы я играл сначала *Вариации*, затем, чтобы поразить новизной, *Краковское Rondo*, а в конце импровизировать. Выйдет ли из этого что-нибудь? Еще не знаю.

Штейн очень со мной предупредителен и по-дружески расположен; и все же на его инструменте я не смог бы играть, уж скорее на инструменте Граффа; так же думают Хаслингер, Блахетка и Вюрфель. Сегодня решу.

Куда ни повернусь, все морочат мне голову, чтобы я играл. У меня нет недостатка в музыкальных знакомствах; только Черни еще не знаю, но Хаслингер обещал меня с ним познакомить. — Из опер я слышал три: *Белую даму*, *Золушку* и *Крестоносца* Мейербергера*. Оркестр и хор великолепны. Сегодня — *Иосиф в Египте**.

В Музыкальной академии* я дважды слышал Майзедера как солиста. — Город красивый, мне нравится; меня уговаривают остаться здесь на зиму. — Сейчас пришел Вюрфель, иду вместе с ним к Хаслингеру.

P. S. Я уже решился. Блахетка говорит, что я произведу фурор, так как я виртуоз первого ранга; что меня можно поставить рядом с Мошелесом, Герцем, Калькбреннером. Вюрфель представлял меня сегодня гр[афу] Галленбергу, капельмейстеру Зейфриду и

каждому встречному как юношу, которого он уговорил дать концерт (*nota bene*: без всякого гонорара), что очень понравилось гр[афу] Галленбергу, потому что дело касается его кармана. Все газетчики таращат на меня глаза; оркестранты почтительно кланяются, потому что пан директор итальянской оперы, которой уже нет, ходит со мной под руку. В сущности, мне все уладил Вюрфель: он будет сам присутствовать на релетиции и от всего сердца помогает подготовить мое выступление. Он и в Варшаве был ко мне добр; Эльснера он вспоминает с большой теплотой.

Здесь удивляются, как Кесслер, Эрнеман и Чапек могут оставаться в Варшаве, когда там нахожусь я. Но я им объясняю, что играю *bloss aus Musikliebe*¹ и не даю уроков. Для концерта я выбрал инструмент Граффа и боюсь этим задеть Штейна, но я искренно благодарю его за любезность.

Надеюсь, что бог мне поможет — не тревожьтесь!

Adieu! Ваш нежно любящий

Фридрих

9. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 12 августа 1829

Среда, 12 августа 1829

Из предыдущего письма Вы, горячо любимые Родители, знаете, что я позволил уговорить себя дать концерт; и вот вчера, то есть во вторник, в семь часов вечера, в императорско-королевском театре я явился в свете!

Такие выступления в театре, как мое вчерашнее, называют здесь *eine musikalische Akademie*^{2*}. И поскольку я ничего за свое выступление не получил и не стараюсь получить, то граф Галленберг ускорил его срок, составив следующую программу.

Увертюра Бетховена

Мои Вариации

Пение панны Вельхтейм

Мое Rondo

---

¹ Только из любви к музыке (*нем.*).

² Музыкальная академия (*нем.*).

Потом снова пение, после чего небольшой балет для заполнения вечера.

На репетиции оркестр так плохо аккомпанировал, что вместо *Rondo* я играл *Freie Phantasie*¹. Когда я появился на сцене, меня встретили аплодисментами, и после исполнения каждой вариации были такие аплодисменты, что я не слышал tutti оркестра. После окончания так аплодировали, что мне пришлось выйти второй раз и поклониться. На долю *Freie Phantasie*, хотя она мне и не особенно удалась, выпал еще больший успех, и я должен был опять выйти на сцену. Она [импровизация] прошла так хорошо потому, что немцы умеют это ценить. Замысел, возникший в субботу, уже во вторник был приведен Вюрфелем в исполнение, за что я ему чрезвычайно благодарен.

В субботу я познакомился с Йировцем, Лахнером, Крейцером, Зейфридом и долго разговаривал с Майзедером. Стоя перед театром, я увидел гр[афа] Галленберга; он подошел ко мне и предложил играть во вторник; я согласился — и не был освистан! Когда приеду, расскажу все это лучше, чем сумел бы описать. Вы можете быть спокойны и за меня, и за мою славу.

Журналисты меня полюбили; может быть, они и поиздеваются над чем-нибудь, но ведь это необходимо, чтобы оттенить похвалы. Галленбергу понравились мои сочинения. Режиссер театра п[ан] Деммер необычайно предупредителен и добр ко мне. Перед моим выходом на сцену он меня настолько ободрил, настолько поднял мое настроение, что я не очень трусил, особенно потому, что зал не был полон. Мои друзья и товарищи заняли места в разных углах зала, чтобы услышать различные мнения и критические замечания. Целинский может сказать, насколько мало слышно было порицаний; самое серьезное слышал Хубе. Одна дама сказала: «Schade um den Jungen dass er so wenig Tournüge hat»². Если я заслужил лишь это порицание, а они клянутся, что слышали одни похвалы и сами ни разу не начинали аплодисментов, то выходит, что мне нечего беспокоиться!

Я импровизировал на тему *Белой дамы*, а режиссер, которому на репетиции чрезвычайно понравилось мое *Rondo*, вчера после концерта, крепко пожимая мне руку, сказал: «Ja, das *Rondo* muss hier gespielt wer-

¹ Здесь: импровизация (нем.).

² Жаль, что юноше не хватает осанки (нем.).

den»¹, — и он попросил меня, чтобы я взял еще польскую тему, — я выбрал *Хмель*², который наэлектризовал непривычную к таким мотивам публику. Мои партерные шпионы уверяют, что на скамейках прямо подпрыгивали.

Вельтхейм, случайно приехавший вчера с женой из Карлсбада, тотчас отправился в театр и никак не мог сообразить, что это играю я; сегодня он уже приходил ко мне с поздравлениями. В Карлсбаде он встретился с Гуммелем и сказал мне, что Гуммель говорил обо мне с ним и что сегодня он напишет ему и сообщит о моем выступлении. — Хаслингер печатает мои сочинения; афишу концерта я сохранил.

И все же общее мнение таково, что для здешней публики, привыкшей к пианистам, сокрушающим инструменты, я играл слишком тихо, вернее, слишком нежно. Ожидаю этого упрека и в газетах, тем более что дочь одного из редакторов страшно колотит по инструменту. Но это несколько не повредит, потому что невозможно же не иметь никаких но. Это мне все-таки приятней, чем если бы сказали, что я играю слишком сильно.

Вчера приходил на сцену гр[аф] Дитрихштейн, лицо близкое к императору, он много говорил со мной по-французски, хвалил меня и советовал подольше остаться в Вене. Оркестранты бранили мои дурно написанные ноты и дулись до самой импровизации, после которой тоже аплодировали и кричали вместе со всей публикой. Вижу, что они на моей стороне; о других музыкантах пока ничего не знаю; но они не должны ко мне враждебно относиться, потому что они знают, что играл я не ради материальной выгоды.

Таким образом, мой дебют был столь же неожиданным, сколь и удачным. Хубе утверждает, что человек, идя обычным путем и по намеченному им самим плану, ничего не достигнет, — надо и на долю судьбы что-нибудь да оставить. Вот, положившись на судьбу, я и дал уговорить себя на это выступление. Если в газетах меня отхлестают так, что я не смогу больше показаться людям на глаза, то я уже принял решение — займусь окраской комнат, потому что водить кистью по трафарету легче всего и при этом все-таки остаешься сыном Аполлона.

¹ Да, Рондо здесь надо сыграть (нем.).

² «Хмель» — одна из старых польских обрядовых песен.

Мне интересно, что скажет обо всем этом пан Эльснер; может быть, он будет недоволен тем, что я играл? Но мне так заморочили голову, что я не мог отказаться. Впрочем, мне кажется, что ничего плохого не случилось. Нидецкий был ко мне вчера особенно мил; он просматривал оркестровые голоса, исправлял их и искренно радовался моему успеху.— Я играл на инструменте Граффа.

Сегодня я стал умнее и опытнее по крайней мере на четыре года. Ах! Вы, наверное, удивились, что прошлое письмо я запечатал Мадерой; но я был так рассеян, что взял у кельнера первую оказавшуюся под рукой печатку и наскоро запечатал письмо.

10. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 13 августа 1829

Четверг, 13 августа

Никогда еще мне так не хотелось быть вместе с Вами. Сегодня я познакомился с гр[афом] Лихновским; он не переставал меня расхваливать. Меня к нему привел Вюрфель. Это тот самый, который был лучшим другом Бетховена. Все говорят, что я понравился здешнему свету. Шварценберги, Врбны и т. п. чрезвычайно хвалили нежность и элегантность моей игры; доказательством этому — гр[аф] Дитрихштейн, который пришел ко мне на сцену. Пани Лихновская с дочерью, у которой я был сегодня на чашке чая, бесконечно рады тому, что в следующий вторник я даю второй концерт. Она мне сказала, чтобы я не забыл навестить их, когда поеду через Вену в Париж, потому что они дадут мне письмо к некоей графине, сестре самого Лихновского. Столько любезностей. Черни наговорил мне много лестного, Шуппанциг и Йировец тоже.

Сегодня в Antiken-gabinett¹ меня заметил какой-то немец; едва я вымолвил слово, как он спрашивает Целиньского: не Шопен ли это? стремительно подскакивает ко мне, радуется, что имеет удовольствие ближе познакомиться с таким Künstler'ом², и говорит: «Sie haben mich vorgestern wahrhaft entzückt und

¹ Кабинет древностей (нем.).

² Артист (нем.).

begeistert»¹. Это был тот самый, что сидел рядом с Мацеёвским и страшно восторгался Хмелем.

Я не буду давать третьего концерта; я не дал бы и второго, если бы так не настаивали, а кроме того, мне пришла мысль, что в Варшаве могли бы сказать: «Велика важность, дал один концерт и уехал; возможно, он не имел успеха». Мне обещают хорошие рецензии. Был сегодня у одного журналиста: к счастью, я ему понравился. Я не пишу о том, до какой степени добр ко мне Вюрфель, потому что этого и описать невозможно.

И второй раз я тоже играю бесплатно, для завоевания благосклонности господина графа, у которого в кармане пусто (но это по секрету). Буду играть *Rondo* и потом импровизировать.

Впрочем, я здоров и весел, ем и пью хорошо. Вена мне нравится, и поляков здесь достаточно; один есть даже в балете; он во время моего выступления так обо мне заботился, что сам принес мне сахарной воды, ободрял меня и т. п.— Расскажите все это, пожалуйста, пану Эльснеру и попросите у него прощения, что я не пишу, но меня так рвут на части, что я не знаю, куда у меня девается время.

Я очень благодарен пану Скарбку, который особенно уговаривал меня дать концерт, потому что это уже выход в широкий мир.

11. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Вена, 19 августа 1829

Сего 19 августа 1829

Если в первый раз меня принимали хорошо, то вчера еще лучше*. Когда я появился на сцене, трижды возобновились аплодисменты; публики собралось гораздо больше. Театральный финансист Барон..., уже не помню, как его зовут, благодарил меня за *гесетте*², говоря: «уж если собралось так много публики, то, разумеется, не ради балета, который все хорошо знают». Своим *Rondo* я покори́л всех музыкантов-профессионалов. Начиная с капельмейстера Лахнера и кончая настройщиком фортепиано — все восхищаются

¹ Вы меня позавчера поистине увлекли и очаровали (нем.).

² Сбор (фр.).

красотой сочинения. Я знаю, что понравился дамам и артистам. Йировец, стоявший рядом с Целиньским, аплодировал и кричал браво. Не знаю только, угодил ли я закоренелым немцам. Вчера один из них вернулся из театра, когда я уже сидел за ужином; его спросили: как ему понравилось? «Прекрасный балет»,— ответил он. «Ну а как академия [концерт]?» Он, по-видимому, узнал меня, хотя я и сидел к нему спиной, потому что стал говорить о чем-то постороннем. Чувствуя себя обязанным не мешать ему изливать свои чувства, я пошел спать, говоря себе:

Еще тот не родился,
Кто бы всем угодил! ¹

Я играл два раза, и во второй раз был принят еще лучше; дело идет *crescendo*, следовательно, так, как я люблю.

Так как я выезжаю сегодня вечером в девять, то должен с утра делать визиты. Шуппанциг говорил вчера, что раз я так скоро покидаю Вену, то мне нужно вскоре снова сюда наведаться. Я ответил, что приеду учиться; после чего в разговор вмешался барон, заметив: «в таком случае вам незачем приезжать»,— это подтвердили и другие. Это всего лишь комплименты, но все-таки приятно. Здесь никто не считает меня учеником. Блахетка говорил, что его больше всего удивляет, как я этому научился в Варшаве. Я ответил ему, что у Живного и Эльснера даже величайший осел выучился бы. Жаль, что до сих пор не могу переслать Вам ни одного печатного отзыва; мне известно, что в редакции газеты, на которую я подписался и которую в Варшаву будет пересылать редактор пан Бейерле, уже лежит рецензия*. Не знаю, может быть, они ждали второго выступления. Она [газета] выходит два раза в неделю, по вторникам и субботам; возможно, вы раньше меня прочтете что-нибудь хорошее или плохое обо мне. Знатоков и чутких я расположил к себе. Нам будет о чем поговорить.— Я собирался писать о чем-нибудь другом,— но вчерашний день так засел у меня в голове, что я не в состоянии собраться с мыслями...

С моими финансами пока все обстоит хорошо.

Только что я простился с Шуппанцигом и Черни. У Черни больше чувств, чем во всех его сочинениях.— Я уже уложил свою укладку, остается еще пойти к

¹ Польская поговорка.

Хаслингеру, а оттуда в кофейню напротив театра, где я застаю Йировца, Лахнера, Крейцера, Зейфрида и др.

Через две ночи и день мы будем в Праге; в девять вечера садимся в Eilwagen¹; это будет прекрасное путешествие, и компания прекрасная.

12. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Дрезден, 26 августа 1829

Глубокоуважаемому Профессорскому семейству Шопенов в Варшаве и моим Дорогим Родителям, от сына, ныне находящегося в Дрездене.

Я весел и здоровехонек. Неделю тому назад в Вене я еще не знал, что буду в Дрездене. Мы осмотрели Прагу молниеносно, но не без пользы. Ганка был очень рад получить от меня известия о пане Скарбке. Мы должны были расписаться в его книге*, предназначенной для посетителей Пражского музея, особенно для тех, кто разделяет его взгляды. Бродзиньский, Моравский и др[угие] уже находятся в их числе. Так что каждому из нас пришлось расплатиться какой-нибудь выдумкой.— Один — стихами, другой — прозой. Швейковский написал торжественное обращение. Что тут было делать музыканту? К счастью, Мацеёвскому пришла мысль сочинить четыре строфы в размере мазурки; я придумал к ним музыку, и мы вместе с моим поэтом постарались все это записать как можно оригинальнее. Ганка был доволен этой *Мазуркой*, обращенной к нему и прославляющей его заслуги перед славянством. Он дал мне для пана Скарбка виды Праги для пополнения его коллекции.

Я не буду распространяться обо всем, куда он нас водил, о прекрасных видах; мне не хватит места для описания великолепного кафедрального собора с серебряным св. Яном Непомуком, прекрасной часовни Вацлава, украшенной аметистами и другими драгоценными камнями... когда приеду, расскажу обо всем этом.— Письма Блахетки и Вюрфеля к Пиксису снискали мне самый дружеский прием. Пиксис отменил свои уроки, задержал меня у себя и о многом расспра-

¹ Скорый дилижанс (нем.).

шивал. Взглянув на его письменный стол, я заметил визитную карточку Кленгеля; спрашиваю, не однофамилец ли это знаменитого дрезденца находится в Праге? «Сам Кленгель здесь,— отвечал Пиксис.— Он хотел навестить меня, но не застал дома». Я обрадовался, потому что у меня было письмо из Вены к Кленгелю; когда я упомянул об этом Пиксису, он пригласил меня к себе во вторую половину дня, когда должен был прийти Кленгель. Случайно мы с ним встретились на лестнице у Пиксиса и там впервые познакомились.— Я слушал, как он два часа играл свои *Фуги*. Я не играл, потому что меня об этом не просили. Красиво играет, но я желал бы лучшего (об этом молчок!).—

Кленгель дал мне письмо: «All Ornatissimo Signor, Cavaliere Morlacci, primo maestro della Cappella Re[g]ale»¹, в котором, как он мне сказал, просит последнего познакомить меня со всею музыкальной *Wessen*² Дрездена и представить меня его [Кленгеля] ученице панне Пехвель, по его мнению, первой тамошней пианистке. Он был очень любезен; я провел у него часа два перед своим отъездом. Он едет в Вену и Италию,— нам было о чем поговорить.— Замечательное знакомство, которое я ценю гораздо больше знакомства с беднягой Черни (об этом молчок!).

В Праге мы провели лишь три дня. Я не успел оглянуться, как пролетело это время. Вы знаете, как я рассеян; накануне отъезда, выйдя не застегнутый из кабинета, я попал в чужую комнату, и только когда оказался уже посреди [комнаты], какой-то веселый путешественник сказал мне с удивлением: «Guten Morgen!» — «Verzeihen Sie, ich habe mich in der Nummer des Zimmers geirrt!»³ — сказал я и как можно скорее бросился прочь.

Мы выехали из Праги *Separatwagen*'ом⁴ в полдень и вечером прибыли в Теплиц. Наутро в *Badelist'e*⁵ я нашел имя Людовика Лемпицкого и сейчас же пошел с ним повидаться; он очень обрадовался и сказал

---

¹ Его высокопревосходительству кавалеру Морлакки, главному директору Королевской капеллы (ит.).

² Сливки общества (нем.).

³ «Доброе утро!» — «Прошу прощения, я ошибся номером!» (нем.).

⁴ Отдельным дилижансом (нем.).

⁵ Список курортников (нем.).

мне, что тут много поляков, среди них Прушак старший, Юзеф Кохлер и Кретковский из Камиионны. Они всегда обедают вместе *im deutsche Saale*¹, но сегодня он не будет обедать, потому что приглашен в Замок, к княжеской чете Клари. Это очень знатный, почти что удельный княжеский род, владеющий огромными поместьями, в том числе и самим городом Теплицем. Княгиня Клари — сестра чешского наместника Хотека. Лемпицкий попросил меня доставить ему удовольствие и пойти с ним вместе на вечер к княжеской чете, так как у них он как дома и за обедом предупредит их об этом. Поскольку этот день мы посвятили осмотру окрестностей, то я принял приглашение.

Мы повсюду ходили, побывали также в Дуксе, дворце Валленштейнов; там находится кусочек черепа этого великого полководца*, алебарда, которой он был убит, и много других достопримечательностей. Вечером, вместо того чтобы пойти в театр, я оделся, надел белые перчатки, оставшиеся от последнего выступления в Всне, и в половине девятого отправился с Лемпицким к князю.

Входим: *kleine aber honnête Compagnie*². Какой-то австрийский князь, какой-то генерал, фамилию которого я забыл, какой-то английский капитан корабля, несколько молодых франтов, кажется, тоже австрийских князей, и саксонский генерал, по фамилии Лайзер, весь в орденах и со шрамом на лице. — После чая, перед которым я долго разговаривал с самим кн[язем] Клари, его мать попросила меня, чтобы я «соблаговолил» сесть за фортепиано (хороший инструмент Граффа). Я «соблаговолил», но со своей стороны тоже попросил, чтобы «соблаговолили» дать мне тему для импровизации. Сейчас же среди дам, сидевших вокруг большого стола и занятых вышиванием, вязанием и плетением кружев, стали шептаться: «*un thème*»³. Три очаровательные княжны стали совещаться, затем одна из них обратилась к пану Фриче (если не ошибаюсь, гувернеру молодого Клари), и тот, с общего согласия, дал мне тему из *Моисея* Россини*. Я импровизировал — и, кажется, так удачно, что генерал Лайзер долго со мною потом разговаривал и, узнав, что я еду в Дрезден, тут же написал следующее письмо барону фон Фризену:

¹ В немецком зале (нем.).

² Небольшое, но избранное общество (нем. и фр.).

³ Тема (фр.).

Monsieur Frédéric Chopin est recommandé de la part du Général Leiser à Monsieur le Baron de Friesen, Maître de Cérémonie de S. M. le Roi de Saxe, pour lui être utile pendant son séjour à Dresde, et de lui procurer la connaissance de plusieurs de nos premiers ¹ sçavoirs. А под этим по-немецки: Herr Chopin ist selbst einer der vorzüglichsten Pianospiele, die ich bis jetzt kenne². Переписано слово в слово с написанной карандашом и незапечатанной записки генерала Лайзера.—

Я играл в этот вечер четыре раза, и княжны выразили желание, чтобы я остался еще в Теплице и на следующий день был у них на обеде. Лемпицкий даже обещал взять меня с собой в Варшаву, лишь бы я остался здесь дольше. Но я, не желая расставаться с товарищами, поблагодарил и отказался.

Итак, тронувшись из Теплица вчера в пять часов утра, с нанятым за два талера извозчиком, мы прибыли в Дрезден в четыре часа пополудни. Здесь я сразу же встретил Левинского и Лабенцких. Мне очень везет во время этого путешествия: сегодня *Фауст* Гёте, а в субботу, как говорил мне Кленгель, итальянская опера.

Начал это письмо вчера вечером, заканчиваю сегодня утром.

Я одеваюсь и, чтобы не терять времени, иду к барону Фризену и Морлакки. Через неделю мы собираемся тронуться отсюда, но до этого, если позволит погода, посетим Саксонскую Швейцарию. Потом мы пробудем несколько дней во Вроцлаве и уже оттуда домой. Я так спешу к Вам, горячо любимые Родители, что предпочел бы не заезжать к Весёловским. Сколько я Вам расскажу историй, приключений, и каких чудесных, чудесных.

P. S.

«Maître de Cérémonie»³ барон де Фризен принял меня любезно, спросил, где я остановился; выразил сожаление, что камергера, которому подчинена капел-

---

¹ Генерал Лайзер рекомендует господина Фридерика Шопена господину барону Фризену, церемониймейстеру двора короля Саксонского, с просьбой быть ему полезным во время его пребывания в Дрездене и познакомить его с нашими лучшими артистами (*фр.*).

² Господин Шопен является одним из самых выдающихся пианистов, каких я до сих пор знал (*нем.*).

³ Церемониймейстер (*фр.*).

ла, сейчас нет в Дрездене, но он узнает, кто его замещает, и, несмотря на кратковременность моего пребывания в этом городе, приложит все старания, чтобы оказаться мне хоть чем-нибудь полезным. Масса любезностей, поклонов. Остальное приберегаю для письма, которое напишу из Вроцлава не раньше, чем через неделю-полторы. Я осмотрел здешнюю картинную галерею, выставку плодов, лучшие сады, отдал визиты, а сейчас иду в театр. Надеюсь, что для одного дня достаточно!

Р. S. ьторой.

Мое письмо пролежало до поздней ночи. Я вернулся с *Фауста* *. С половины пятого пришлось стоять у театра; спектакль продолжался с шести до одиннадцати. Девриент, которого я уже видел в Берлине, играл Фауста. Как раз сегодня праздновали восьмидесятилетие Гёте. Чудовищная, но величественная фантазия. Во время антрактов играли отрывки из одноименной оперы Шпора... Иду спать... Завтра утром жду Морлакки, с которым пойду к панне Пехвель. Не я к нему, а он ко мне приходит! Ха-ха-ха... Спокойной ночи!

Ваш

Фридерик

13. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Варшава, суббота, с[его] 14.XI.1829

Дражайший Тытус!

Твое последнее письмо, в котором Ты велишь себя поцеловать, я получил в Антонине у Радзивилла. Я провел там неделю. Ты не поверишь, как мне было у него хорошо. Я вернулся с последней почтой, — мне с трудом удалось отговориться от дальнейшего пребывания. Что касается меня и моих тамошних занятий, то я бы там оставался, пока бы меня не прогнали; но мои дела, а в особенности мой *Концерт* *, еще не законченный и с нетерпением ожидающий завершения своего финала, заставил меня покинуть этот рай.

Там были две Евы, молодые княжны, необычайно приветливые и добрые, музыкальные, чувствительные

создания. Старая княгиня понимает, что не происхождение красит человека, и так привлекает своим обращением, что нельзя ее не любить. А он, Ты знаешь, как он любит музыку. Он показал мне своего *Фауста*, и я нашел там много вещей, настолько хорошо задуманных, даже гениальных, что этого я никак не мог ожидать от наместника.— Среди прочих есть сцена, в которой Мефистофель искушает Гретхен, играя на гитаре и напевая под ее окном, а одновременно слышится пение хора из близлежащего храма; этот контраст производит большое впечатление в исполнении; в рукописи видно, как искусно сочинена вокальная партия, а еще более — дьявольский аккомпанемент к очень строгому хоралу. Это может Тебе дать представление о его принципах понимания музыки; к тому же он заядлый глюкист. В театре музыка имеет для него значение лишь постольку, поскольку она отображает драматические ситуации или чувства — поэтому даже увертюра не имеет финала, а прямо переходит в интродукцию; оркестр же все время остается за сценой, чтобы не было видно ни движения смычков, ни усилий и напряжения [при игре] на духовых инструментах.—

Я написал у него *alla polacca** с виолончелью. В нем лишь блестящие безделушки для салона, для дам,— мне, видишь ли, хотелось, чтобы его разучила к[няж]на Ванда.— Во время моего пребывания я давал ей как бы уроки. Молодое существо, ей лет семнадцать, красива, и, право же, одно удовольствие было ставить ей пальчики. Но шутки в сторону, у нее много подлинного музыкального чутья, так что ей не нужно говорить: здесь *crescendo*, а тут *piano*, здесь скорее, тут медленнее и так далее.— Я не мог отказать им в присылке моего *f-minor*'ного *Полонеза*, который заинтересовал к[няж]ну Элизу; поэтому прошу Тебя прислать мне его ближайшей почтой, так как я не хочу, чтобы меня сочли невежливым,— а по памяти писать не хочу, дорогой мой, потому что мог бы написать иначе, чем оно есть на самом деле.—

О характере к[няж]ны Ты можешь судить по тому, что она заставляла меня каждый день играть ей этот *Полонез*, и ей больше всего нравилось *As-dur*'ное *Трио* [...]

К[няги]ня Радзивилл желает, чтобы я в мае был в Берлине, поэтому ничто не мешает мне поехать на зиму в Вену. Думаю, что раньше декабря я не поеду.—

Шестого Папины именины, — следовательно, я смогу уехать только к концу декабря, поэтому надеюсь увидеться с Тобой, но планов пока не строю; если бы мне случилось уехать до Твоего прибытия, чего, по всей вероятности, произойти не может, то я написал бы Тебе, потому что я ничего так не жажду, как повидать Тебя, — особенно за границей. Не поверишь, как мне теперь чего-то недостает в Варшаве. Мне и двух слов не с кем сказать, некому довериться. — Ты хотел иметь мой портрет, и я, разумеется, послал бы Тебе его, если бы мог украсть один у княжны Элизы; она два раза нарисовала меня в своем альбоме * и, как мне говорили, очень похоже. — У Мирошевского сейчас нет времени. Ты, жизнь моя, так хорош — и поверь мне, что я поистине всегда рядом с Тобой, что я Тебя не покину, и так будет до самой смерти. Твой преданнейший

Ф. Ш.

Еще раз напоминаю Тебе о f-minor'ном *Полонезе*; пришли мне его, жизнь моя, первой почтой.

Я написал несколько ехегсисс'ов¹ — в Твоем присутствии я бы их хорошо сыграл.

Тебе кланяются Папа, Мама, дети, Живный. — Енджеевич написал из Вены, он возвращается. Давали *Дворец Люцифера* Курпиньского, но неудачно.

В прошлую субботу Кесслер играл в Купеческом Собрании E-dignый *Концерт* Гуммеля. Сервачиньский тоже играл. — В будущую субботу, может быть, я буду играть, — в этом случае я сыграю твои *Вариации* *. — Пани Буржуа-Широли, прекрасный альт, два раза пела на музыкальных вечерах у Соливы; мне говорил об этом Тейхман. Панна Волкова в трауре по матери, а Панна Гладковская с завязанным глазом. Даже Жилиньский пел с Пани Широли, но говорят, что рядом с ней он был похож на крысу. — Вот и все известные мне новости. — Макса я давно не видел, но он, наверное, здоров. — Гашиньский написал для театра «Rozmaitości» комедийку в стихах, на которую ломится теперь весь свет. Она называется *Приемная врача*. Гонсё здоров, Ринальди всякий раз при встрече со мною спрашивает о Тебе. В будущее воскресенье пойдет маленькая комическая опера Дрехслера *Миллионер* (*Bauer als Millionair*). Не знаю, зачем дают у нас

¹ Упражнение, этюд (фр.).

эту немецкую чепуху, разве что ради декораций и разных комических метаморфоз, интересных одним детям. А все-таки будут туда стремиться.— Писать декорации должен был Сакетти.— Вот и все, что мне попало под перо. Мне не хочется писать о новостях, а лишь ласковые слова.— Позволь еще раз Тебя обнять.

Ф. Ш.

14. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИИ

Варшава, 12 октября 1830

Вторник, 12 окт[ября] 1830

Дражайшая жизнь моя!

Вчерашний концерт* мне удался — спешу донести об этом. Сообщаю Вашей милости, что я совсем, совсем не боялся и играл так, как будто я один,— и получилось изрядно.

Был полный зал. Началось *Симфонией* Гёрнера. Затем моя милость с *Allegro e-moll*, которое на штрейхеровском фортепиано прошло как по маслу. Шумные аплодисменты. Солива доволен; дирижировал он по случаю исполнения его арии с хором, которую хорошо спела панна Волкова, одетая в голубое, как ангелочек. После этой арии следовали *Adagio* и *Rondo*, а за ними антракт между первым и вторым отделением.— Когда вернулись из буфета и ушли со сцены, куда многие приходили сообщить мне благоприятные сведения о произведенном эффекте,— началось увертюрой к *Вильгельму Теллю* второе отделение. Солива хорошо ею дирижировал, и она произвела большое впечатление. На этот раз Итальянец действительно оказал мне столько любезности, что я, право, в долгу перед ним,— потом он дирижировал арией панны Гладковской, которая была очаровательно и к лицу одета в белое, с розами на голове, и так спела каватину с речитативом из *La donna del lago**, как еще ничего до сих пор не пела, кроме арии из *Агнешки**. Знаешь, это: «Oh quante lagrime per te versai»¹. Она так произнесла *tutto detesto*²; до нижнего *h*, что Зелиньский уверял, что одно это *h* стоит тысячу дукатов. Надо тебе ска-

¹ О, сколько слез я пролила из-за тебя (ит.).

² Все ненавижу (ит.).

зять, что эта ария была транспонирована для ее голоса, отчего он сильно выиграл. Проводив со сцены панну Гладковскую, мы принялись за *Попурри* на *Месяц поднялся** и т. д. На этот раз и я себя понимал, и оркестр себя понимал, и партер разобрался. На этот раз дождалась последней мазурки, после которой раздались большие овации, и затем (обычная учтивость) — меня вызывали. — Ни разу не шикнули, и у меня было время четыре раза поклониться. Но уже как следует, ибо меня научил Брандт. Если бы Солива не взял моих партитур домой, не просмотрел их и не дирижировал так, чтобы я не мог мчаться сломя голову, то не знаю, как было бы вчера. Но он так сумел нас всех все время сдерживать, что никогда, говорю Тебе, еще мне не случилось играть с оркестром так спокойно. Фортепиано очень понравилось, а панна Волкова еще больше; со сцены она прелестна. Теперь она выступит в [Севильском] *Цирюльнике*; это будет в субботу, если не в четверг. —

Я же ни о чем больше не думаю — только об укладке вещей и либо в субботу, либо в среду отправлюсь в путь через Краков. Вчера я узнал, что Винценты, может быть, тоже поедет в Краков; я должен точнее об этом разузнать, так как мы могли бы ехать вместе с ним, если он уезжает не слишком поздно. На этих днях я видел в Варшаве Кароля; он здоров, весел и живо расспрашивал, когда вы должны встретиться в Люблине. Он рассчитывал, что, вернувшись, найдет дома письма от Тебя. Что касается Костуся, то [его] Отец сказал мне, что он сейчас был с Северыном и Кинцлем на коронации, следовательно, он еще не в Париже; однако они думают все же вернуться в Париж и, вероятно, уже находятся в дороге.

Я кончаю, жизнь моя, потому что меня ждет п[ан] Лясоцкий, чтобы я поехал с ним к Эрнеману пригласить того давать уроки его дочери. После [приложусь] к каше, а пока — к Твоим устам.

Преданнейший

Ф. Шопен

Дети, Мама, Папа, Живный, все — здоровы и обнимают Тебя.

Вена, 26—29 декабря 1830

Вена. День рождества Христова.
Воскресенье утром. В прошлом году
в это время я был у бернардинов.
Сегодня сижу один в халате, грызу
колечко и пишу.

Горячо любимый Ясь.

Я как раз возвращался от Славика (известного скрипача, с которым подружился; после Паганини не слышал ничего подобного—девянство шесть нот staccato берет на один смычок и т. д., просто невероятно); у него мне пришла мысль, вернувшись домой, погрузить за фортепиано и выплакать *adagio* к *Вариациям* на тему Бетховена *, которые мы вместе с ним пишем; но то, что я заскочил на почту, которую, проходя мимо, никогда не пропускаю, придало моим чувствам иное направление.

Слезы, которые должны были упасть на клавиши, оросили Твое письмо; я жаждал письма от Тебя. Знаешь почему? Да, Ты знаешь. Но не только [чтобы узнать] относительно моего ангела покоя *, клянусь ее любовью, если бы я мог, то разбудил бы все звуки, какие бы только внушило мне слепое, бешеное, неистовое чувство, чтобы хоть отчасти угадать те песни, которые пело войско Яна * и рассеянные отзвуки которых до сих пор еще где-то блуждают по берегам Дуная. Посоветуешь мне—выбрать поэта? Ты ведь знаешь, что я самое что ни на есть нерешительное существо на свете и только раз в жизни сумел сделать правильный выбор *. Боже мой, и она и сестры хоть корпией ¹ могут помочь, а я... Если бы не то, что отцу и без того тяжело, я бы немедленно вернулся. Я проклинаю час своего отъезда, и Ты, зная мои дела, должен согласиться, что с отъездом Тытуса слишком много сразу свалилось на меня.

Все эти обеды, вечера, концерты, танцы, которыми я сыт по горло, надоели мне: так мне тут тоскливо, глухо, мрачно. Я это люблю, но не при таких жестоких обстоятельствах. Я не могу поступить, как мне хочется, а должен наряжаться, завиваться, обуваться; в гостиных притворяюсь спокойным, а вернувшись до-

¹ К о р п и я — перевязочный материал, употреблявшийся в то время вместо ваты.

мой, бушую на фортепиано. Никто мне не близок, со всеми я вынужден быть любезным. Есть люди, которые меня как будто любят, рисуют меня, заигрывают со мной, угождают мне. Но что мне в том, если не дано мне покоя,— разве что достану все ваши письма, открою картинку с видом на короля Зыг[мунта] *, посмотрю на колечко.

Прости, Ясь, что я Тебе так жалуясь, но мне кажется, что так мне вполонину легче, что так я спокойнее; с Тобой я всегда делился своими чувствами. Получил ли Ты записочку? Наверно, мои письма Тебе ни к чему, потому что Ты дома; я же читаю и персчитываю Твое письмо без конца.

[...] Правда ли, что произошла хоть небольшая перемена? Не захворала ли? Я легко допускаю нечто подобное у столь нежного создания. А не показалось ли это Тебе? Может быть, испуг 29-го *? Не дай бог, чтобы я был причиной этого. Успокой [ее], скажи, что пока сил хватит... что до смерти... что и после смерти прах мой будет стлаться [ей] под ноги. Но того, что Ты сможешь ей сказать, слишком мало... я напишу. Я бы уже давно написал, не мучился бы так долго; но люди!— если бы мое письмо случайно попало в чужие руки, это могло бы повредить ее доброму имени,— поэтому лучше Ты будь моим толмачом, говори за меня, *et j'en conviendrai*¹. Эти Твои французские выражения меня доконали.— Немец, который шел со мной по улице, в то время как я читал Твое письмо, едва удержал меня под руки и никак не мог понять, что со мной случилось. Мне хотелось хватать и целовать всех прохожих,— у меня еще никогда так не было на душе, ведь это было первое письмо от Тебя! Я надоедаю Тебе, Ясь, своим глупым восторгом, но мне трудно прийти в себя и написать о чем-нибудь постороннем...

Третьего дня я был на обеде у одной дамы, польки, по фамилии Байер, по имени Констанция. Я люблю там бывать из-за реминисценций; все ноты, носовые платки, салфетки помечены ее именем; обыкновенно мы ходим туда вместе со Славиком, к которому она неравнодушна. Третьего дня мы играли все время до и после обеда, и так как это был Сочельник и прекрасная (совершенно весенняя) погода, то мы вышли от Байеров ночью. Попрощавшись со Славиком, который должен

¹ И я с этим ссглашусь (фр.).

был идти в Император[скую] часовню, я один в двенадцать медленным шагом направился к св[ятому] Стефану*.

Пришел: никого еще не было. Не ради богослужения, а для того, чтобы в этот час поглядеть на это гигантское здание, я стал в самом темном углу у подножия готической колонны. Невозможно описать все великолепие, все величие этих грандиозных сводов — было тихо — только иногда шаги прислужника, зажавшего в глубине храма светильники, нарушали мое забытие. За мною гробница, подо мною гробница... Только надо мною недоставало гробницы. Мрачная звучала во мне гармония... Больше чем когда-либо чувствовал я свою осиротелость; я упивался этим величественным зрелищем до тех пор, пока люди и огни не стали прибывать. Тогда, подняв воротник плаща, как не раз бывало, помнишь? Через Краковское Предместье, — я отправился на музыку в Императорскую часовню. По дороге, уже не один, а среди множества компаниями идущих веселых людей, я пробежал по самым прекрасным улицам. Вены до самого Замка, где прослушал три номера неважно, заспанно исполненной мессы, после часа ночи вернулся домой спать. Снились мне Ты, вы, они — мои милые дети.

На следующий день [...] я отправился на обед к Мальфатти; Шанасё, ныне истый поляк, поедал зразы с капустой, как, ручаюсь, никто у Кармелитов¹. Я не отставал от него; Ты должен знать, что док[тор] Мальфатти, этот редкий человек (в полном смысле слова человек), — так обо всем помнит, что всякий раз, когда мы у него обедаем, потчует нас польскими блюдами. После обеда пришел Вильд, известный, лучший, пожалуй, в настоящее время немецкий тенор. Я проаккомпанировал ему наизусть арию из *Отелло*, которую он мастерски спел. На нем и на Гейнефеттер держится вся здешняя опера, а все остальное так убого, что совершенно недостойно Вены.

У панны Гейнефеттер почти полностью отсутствует эмоциональность. Подобный голос мне вряд ли скоро удастся услышать, — все великолепно спето, каждая нота выдержана безупречно, чистота, гибкость, portamento, — но все так холодно, что я чуть было не отморозил себе нос, сидя в первом ряду кресел, вблизи от

---

¹ Варшавская харчевня.

сцены. Со сцены она хороша, особенно в мужском наряде. В *Отелло* она лучше, чем в [*Севильском*] *Цирюльнике*, где вместо невинной, живой, влюбленной девушки изображает многоопытную кокетку; в моцартовском [*Милосердии*] *Тита* она хороша в роли Сексты, а также и в *Крестоносце* [*в Египте*]. Скоро она выступит в *Сороке*[-воровке]; мне очень любопытно. Волкова понимала [*Севильского*] *Цирюльника* лучше, только ей не хватает горла панны Гейнефеттер. Она, несомненно, одна из первых певиц, но все же не первая.—

Я собирался поехать слушать Пасту*. Ты ведь знаешь, что у меня есть письма от саксонского двора к вице-королеве Миланской.— Но как же ехать? Родители велят мне делать то, что я хочу, а я этого не люблю. В Париж? Здесь мне советуют еще подождать. Вернуться?— Остаться здесь?— Покончить с собой?— Не писать Тебе? Ты мне посоветуй, что мне делать. Спроси у тех людей, которые мной управляют, и напиши [их] мнение, и пусть так и будет. Будущий месяц еще пробуду здесь. Итак, пиши, прежде чем отправишься на северо-восток* (но я надеюсь, что Тебе не надо будет уезжать). Стало быть, напиши мне прежде чем уедешь (*posterestante*, в Вену), побывай у Родителей, прежде чем выедешь, у Конс[танции]... Замени им меня, пока Ты там. Бывай часто, пусть сестры видят Тебя, пусть думают, что Ты приходишь ко мне, а я в другой комнате: сядь рядом, и пусть думают, что я сижу сзади. Иди в театр, и я туда приду.

Я внимательно читаю [здешние] журналы; мне обещаны польские газеты.— О концерте не думаю.— Здесь Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, известный своими очень хорошими *Этюдами*, человек лет сорока с лишним. Я познакомился с ним, он обещал меня навестить. Собирается дать концерт, надо уступить первенство; он мне кажется человеком дельным, и я надеюсь, что мы как музыканты пойдем друг друга. Потому что Тальберг отлично играет, но человек он не в моем вкусе. Он моложе меня, нравится дамам, из *Немой* [из *Портичи*] делает. по пурри*, *piano* — педалью, а не рукой, децимы берет, как октавы, на сорочках у него бриллиантовые пуговицы, Мошелес не поражает его, и поэтому не диво, что ему понравились только *tutti* из моего *Концерта*. Он тоже пишет концерты.

Дописываю Тебе письмо три дня спустя. Перечитал тот вздор, который намарал Тебе; прости, Ясь, что Тебе придется за него платить. Как раз сегодня за обедом в итальянском кабачке я услышал: «Der liebe Gott hat eine Fehler gemacht, dass die Polen geschaffen hat¹», поэтому не удивляйся, что я не в состоянии хорошо написать то, что чувствую. И новостей ты тоже не жди от поляка, потому что другой прибавил: «In Polen ist nichts zu hollen²». — Мерзавцы! Между тем на деле они радуются [нашим несчастьям], хотя и не хотят этого показать.

Сюда приехал француз колбасник, перед его элегантной лавкой уже около месяца собирается пропасть народу, и они постоянно открывают в этом французе что-то новое; одни думают, что это последствие французской революции, и с состраданием взирают на вывешенные на полотнах кишки; другие возмущены тем, что французскому мятежнику разрешили открыть колбасную лавку, в то время как они в собственной стране сами имеют достаточно свиней. Куда ни повернись, всюду говорят о французе и боятся, что если бы что-нибудь произошло, то как бы не началось это от француза *...

Кончаю, Ясь, потому что должен кончать. Обними от меня всех дорогих товарищей. Поцелуй меня. Я перестану Тебя любить только вместе с жизнью, с Родителями, перестану любить разве только вместе с нею. Дорогой мой, пиши мне. Даже покажи [ей] это письмо, если найдешь возможным, потому что у меня уже нет времени его перечитать. Нынче еще на вечер к Мальфатти, а перед этим сам [отнесу] на почту. — Как только случится минута времени, снова Тебе напишу. Родители, может быть, знают, что я Тебе пишу; скажи им, но письмо не показывай.

Все еще не могу оторваться от милого Яся! Ступай, Паскудник! Если Ватсон Тебя любит так же, как я, то, верно, радуется революции. Не повесили ли ее мать? Жаль, однако, что Усач (ты меня понимаешь), усач, плакса, — что этот гнусный музыкальный папа не звонит *. Как бы хорош был такой охраняющий звон, напр[имер], в финале *Сороки* [-воровки]... Конст... (не могу даже имени написать, моя рука недостойна). Ах! Я рву на себе волосы, когда подумаю, что обо мне мо-

¹ Господь бог сделал ошибку, сотворив поляков (нем.).

² С Польши взятки гладки (нем.).

гут забыть. Грессеры! Безобразов! Писажевский! Сколько их! Сегодня я — Отелло.

Я хотел сложить это письмо и запечатать без конверта, забыв, что у Вас умеют читать по-польски. И так как у меня еще осталась бумага, позволь мне описать Тебе мою здешнюю жизнь. Живу я на четвертом этаже, правда, на прекраснейшей улице, но мне пришлось бы порядком высунуться из окна, если бы я захотел увидеть, что творится внизу. Моя комната (которую ты увидишь нарисованной молодым Гуммелем в моем новом альбоме, когда я вернусь к вам) удобная, просторная, в три окна. Кровать стоит напротив окон; справа (чудный) панталеон, с левой стороны диван. Между окнами зеркала, посередине великолепный круглый стол красного дерева; паркет натертый. Тихо.

После обеда Барии не принимает, и поэтому я могу всецело перенестись мыслями к Вам. Утром меня будит невыносимо глупый слуга, я встаю, мне приносят кофе, я играю, и часто завтрак оказывается простывшим. Потом около девяти приходит учитель немецкого языка; затем я чаще всего играю, после чего — как было до сих пор — меня рисовал Гуммель, а Нидецкий учил мой *Концерт*. Все это в халате до двенадцати; тут только приходит очень достойный немчик, Лейденфрост, немчик, работающий в тюрьме, с которым, если погода хороша, мы идем на прогулку вокруг города по *glacis* *. После чего я отправляюсь на обед, если куда-нибудь приглашен; если же нет, мы идем вместе туда, где обедает вся здешняя студенческая молодежь, то есть «*Zur Boemischen Köchin*» ¹. После обеда пьем черный кофе в самой красивой *Kaiffenhaus* ² (такая здесь мода, даже Шанасё бывает; после чего я делаю визиты, а в сумерках возвращаюсь домой, завиваюсь, об у в а ю с ь — и на вечер. Около десяти, одиннадцати, иногда двенадцати (никогда не позже) возвращаюсь [домой], — играю, плачу, читаю, смотрю, смеюсь, иду спать, гашу свечу и вы мне всегда снитесь.

Твое письмо должно было уйти в среду, но было слишком поздно, — значит, пойдем в субботу. Поцелуй Эльснера.

[...] Мой портрет, о котором должны знать только Ты и я, — малюсенький; если ты думаешь, что он мог

¹ «У Богемской поварихи» (нем.).

² Кофейня (нем.).

бы доставить [Констанции] хоть немножко удовольствия, то я пришлю Тебе его через Шуха, который может выехать с Фрейером около пятнадцатого буд[ущего] месяца], если обстоят[ельства] того потребуют.

В Вене много разговоров о Клопики, жалеют Потоки, и какие-то Волики говорили с кн[яз]ем*. Мне смешно: то, как они искажают наши имена, превосходит всякое воображение.

Без крайней необходимости не отдавай записочку. Не знаю, что написал. Можешь прочитать первую и, может быть, последнюю*.

Ш.

16. ЮЗЕФУ ЭЛЬСНЕРУ В ВАРШАВУ

Вена, 29 января 1831

Милостивый Пан Эльснер!

Мне стыдно, что Ваша доброта, столько доказательств которой я получил еще перед отъездом, и на этот раз опередила исполнение мною моего долга: мне следовало написать Вам сразу же по прибытии моем в Вену. Но я все медлил, отчасти потому, что был уверен, что мои родители не преминут сообщить Вам малоинтересные сведения обо мне, а также потому, что ждал, когда буду в состоянии сообщить Вам о себе что-либо определенное.

Однако с того дня, как я узнал о событиях 29 нояб[ря], и до настоящего времени я не испытывал ничего, кроме щемящей тревоги и тоски; и Мальфатти напрасно старается меня убедить, что каждый артист — космополит. Если даже это так, то как артист я еще в колыбели, а как поляк уже начал третий десяток; поэтому надеюсь, что Вы, зная меня, не осудите, что во мне берут верх более старые чувства и что я до сих пор не думал об устройстве концерта. Потому что теперь мне во всех отношениях предстоят гораздо большие трудности.—

Не только непрерывный ряд скверных фортепианных концертов, искажающих этот род музыки и отпугивающих здешнюю публику, но, кроме того, события в Варшаве, быть может, настолько изменили в неблагоприятную сторону мое положение, насколько в Париже они могли бы ему содействовать*.

Тем не менее надеюсь, что все как-нибудь образуется и еще во время карнавала мне удастся исполнить любимый Вюрфелем мой первый *Концерт**. Славный Вюрфель все хворает; я часто его вижу; он всегда с удовольствием вспоминает Вас.— Если бы не интересные знакомства со здешними первоклассными талантами, как Славик, Мерк, Боклет и т. д., немногим бы я здесь мог воспользоваться. Опера действительно хороша; Вильд и Гейнефеттер заинтересовали здешнюю публику; жаль только, что Дюпор ставит мало новых вещей и больше думает о своем кармане, чем об опере. Abbé¹ Штадлер скорбит об этом и говорит, что теперь Вена уже не та, что в прежнее время. Он печатает у Мекетти *Псалмы*, произведение, которое я видел в рукописи и восхищался им.

Что касается Вашего *Квартета*, то Йозеф Черни торжественно обещал мне, что он будет готов ко дню св. Иосифа.— Он говорит, что не мог заняться им до сих пор, потому что печатал произведения Шуберта, многие из которых еще ждут издания; это, вероятно, задержит выход в свет другой Вашей рукописи. Однако, насколько я мог до сих пор понять, Черни не принадлежит к числу богатых здешних издателей и поэтому не может смело вкладывать средства в такие произведения, которых нельзя играть у Шперля или «Zum Römischen Kaiser»². Они здесь вальсы называют сочинениями! а Штрауса и Ланнера, которые играют им для танцев,— капельмейстерами. Из этого все же не следует, что все тут так думают: напротив, почти все над этим смеются, но все-таки печатают только вальсы. Мне кажется, Мекетти более *entreprant*³ и с ним легко будет договориться о ваших мессах, так как он задумал издавать партитуры наиболее значительных духовных сочинений. Его бухгалтер — любезный и просвещенный саксонец; когда я напомнил ему о ваших чудесных мессах, он несколько не был против этого, а ведь он всем заправляет в деле.

Я сегодня обедаю с Мекетти, поговорю с ним серьезно и вскоре Вам напишу. Хаслингер теперь издает последнюю мессу Гуммеля. Он только Гуммелем и живет, однако последние его вещи, за которые он, должно быть, дорого ему заплатил, плохо раскупаются. По-

¹ Аббат (фр.).

² «У Римского императора» (нем.) — Модные венские кафе.

³ предприимчив (фр.).

этому он задерживает все рукописи и печатает только Штрауса. Как сейчас каждая шарманка играет Штрауса, так, может быть, через несколько месяцев будет играть Нидецкого, только в другом смысле. Вчера я был с ним у Штейнкеллера, который заказал ему оперу. Он сильно на нее рассчитывает. В ней выступит знаменитый комик Шустер. А Нидецкий может этим создать себе имя. Надеюсь, что Вас это обрадует. Заказ от комиссии он получил, а деньги — нет.

Вы мне пишете о моем втором *Концерте* *, который учил Нидецкий, — это было по его собственному желанию. Зная, что перед отъездом из Вены ему следовало бы выступить публично, он решил дать концерт — но, не имея собственного [*Концерта*], а только красивые вариации, он попросил у меня рукопись. Но все уже изменилось, и выступит он не как виртуоз, а как композитор. Вероятно, он Вас сам об этом уведомит. Я постараюсь, чтобы на моем концерте была исполнена его увертюра. Уж мы Вас порадуем! (если не доставим стыда, потому что Алоиз Шмидт, пианист из Франкфурта, сильно тут получил по носу, хотя ему больше сорока лет, а музыку сочиняет восьмидесятилетнюю).

Выражая почтение всему дому, прошу принять уверения в преклонении, с которым навсегда остаюсь вашим благодарным и преданным учеником.

Ф. Ф. Шопен

Знакомым и коллегам поклоны.

17. ИЗ «АЛЬБОМА-ДНЕВНИКА» Ф. ШОПЕНА

Вена, апрель 1831

Газеты и афиши уже оповестили о моем концерте *, который должен состояться через два дня, а меня это так мало трогает — словно он никогда не состоится. Не слышу [сверху исправлено «слушаю»] лестных отзывов, которые мне кажутся все более глупыми — [несколько фраз зачеркнуто] — мне хочется смерти — и снова хотел бы видеть родителей. — Ее * образ у меня перед глазами — мне кажется, что я не люблю ее, а ведь не выходит из головы. —

Все, что я до сих пор видел за границей, кажется мне давно известным, невыносимым и лишь заставляет тосковать по дому, по тем блаженным часам, которых я не умел ценить. То, что прежде казалось мне великим, сегодня [кажется] обыденным, а то, что раньше [казалось] обыденным, сегодня [кажется] невероятным — удивительным — слишком великим — слишком высоким. —

Здесь люди мне чужды, они хороши, но [зачеркнуто: «невероятно хороши»] хороши по привычке, и они все делают слишком правильно — [два слова зачеркнуто] — плоско — посредственно [вычеркнуто: «а это то»] что меня убивает. — Не хочу даже капли посредственности.

Н —

18. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ПОТУЖИН

Париж, сего 12 дек[абря] 1831

Дражайшая жизнь моя!

Я ожил, получив Твое письмо. Твоя коптузия! Разные вести доходили до меня, по-разному я толковал себе некоторые выражения в письмах из дому, а Кот, который мне писал, так странно выразился, что я боялся преследовавших меня мыслей. Но мы еще встретимся в этой жизни!

Сколько перемен, сколько бедствий — кто бы мог это когда-нибудь предвидеть. — Помнишь в Вене ночное совещание накануне Твоего отъезда! Меня ветер занес сюда, — тут дышится сладко, — но, может быть, и вздыхается больше, оттого что легко.

Париж — это все, что хочешь: можешь веселиться, скучать, смеяться, плакать, делать все, что Тебе угодно. и никто на Тебя не взглянет, потому что здесь тысячи делающих то же, что Ты, — и каждый по-своему. Я не знаю, есть ли где-нибудь больше пианистов, чем в Париже, — не знаю, есть ли где-нибудь больше ослов и больше виртуозов, чем тут. Надо Тебе сказать, что я приехал сюда с очень небольшим числом рекомендаций. Мальфатти дал мне письмо к Паэру, несколько писем из Вены у меня было к издателям — и это все. Лишь в Штутгарте, где до меня дошла весть о взятии Варшавы, только там я окончательно решил отправить.

ся в этот мир иной. Через Паэра, который здесь придворным капельмейстером, я познакомился с Россини, Керубини и т. д., с Байо и т. д. Через него также познакомился с Калькбреннером. Ты не поверишь, как мне были любопытны Герц, Лист, Хиллер и т. д.— но все это нули по сравнению с Калькбреннером.

Признаюсь Тебе, что я играл, как Герц, а хотел бы играть, как Калькбреннер. Если Паганини—совершенство, то Калькбреннер — параллель ему, но только совсем в другом роде*. Трудно описать Тебе его calm¹, его чарующее туше,— неслыханную плавность и мастерство, проявляющееся в каждой его ноте,— это гигант, попирающий Герецев, Черни, и т. п., а вместе с ними и меня.— Что же происходит? — После знакомства Калькбреннер просит, чтобы я ему что-нибудь сыграл. Волей-неволей, не слыхав его раньше и зная, как играет Герц, я, подавив в себе спесь, сажусь. Я сыграл ему свой e-moll'ный (*Концерт*), который без усталости расхваливали прирейнские Липдпайнтеры, Берги, Штунце, Шунке и вся Бавария. Я удивил пана Калькб[реннера], который тотчас же спросил меня, не ученик ли я Филда, и сказал, что игра у меня Крамера, а туше — Филда.— В душе это меня обрадовало, а еще больше то, что, сев за фортепиано, Калькбр[еннер], желая передо мной показаться, сбился и должен был остановиться! Но надо было слышать, как он сыграл репризу; я не ожидал ничего подобного.

С тех пор мы видимся ежедневно,— или он у меня, или я у него,— а узнав меня ближе, он сделал мне предложение поучиться у него три года, а уж он делает из меня нечто весьма, весьма. Я сказал ему, что знаю, сколь многого мне не хватает, но что я не хочу ему подражать, а три года — это слишком. Между тем он убедил меня, что я могу играть прекрасно, когда найдет вдохновение, и плохо, когда его нет,— чего с ним никогда не случается. Присмотревшись ко мне, он сказал, что у меня нет школы — что я на прекрасном пути, но могу с него *derouter*².— Что после его смерти или когда он совсем перестанет играть, не останется больше представителей высокой фортепианной школы. Что я не смогу, даже если бы захотел, создать новой школы, не зная старой,— словом, что я еще не являюсь совершенной машиной и тем самым стесняю

¹ спокойствие (*фр.*).

² сбиться (*фр.*).

бег своих мыслей. Что в моих сочинениях есть своеобразие и было бы жаль, если бы я не стал тем, чем обещаю, и т. д., и т. д.

Если бы Ты был здесь, Ты сам сказал бы: учись, хлопче, пока есть время. Однако многие мне отсоветовали — полагая, что я смогу играть ничем не хуже, чем он, и что он поступает так из тщеславия, чтобы потом называть меня своим учеником и т. д., и т. п. Все это чепуха. Надо сказать, насколько здесь все, решительно все, высоко ценят талант Калькб[реннера], настолько же не терпят его особы, — потому что он не панибратствует со всяким дураком, и, право, в нем есть нечто, его возвышающее над всеми, кого я слышал. Я писал об этом Родителям. — Они до некоторой степени соглашались, но Эльснеру это кажется завистью.

Кроме того (надо Тебе сказать, что у меня уже здесь большое имя среди музыкантов), я даю концерт 25 декабря *. Участвует Байо — тот славный соперник Паганини, Бродт, знаменитый гобойст; я играю свой *i-moll'*ный [Концерт], *Вариации В-dur*, на которые несколько дней назад я получил рецензию в десять листов от одного немца из Касселя, пришедшего от этих *Вариаций* в пламенный восторг. В ней, после огромных предисловий, он приступает к их разбору и, объясняя их такт за тактом, — говорит, что это вовсе не вариации как всякие другие, а какие-то фантастические *tableaux*¹. — Про вторую *Вариацию* он говорит, что это бегают Дон-Жуан и Лепорелло, про третью — что он [Дон-Жуан] обнимает Церлинку, а Мазетто * в левой руке сердится на это, — а про пятый такт *Adagio* говорит, что Дон-Жуан целует Церлинку в *Des-dur* и т. д. Плятер спрашивал меня вчера, где у нас эта *Des-dur* и т. п. Умереть можно от воображения немца, который настаивает, чтобы его зять передал это Фетису для «*Revue Musical*», от чего меня едва спас славный Хиллер, юноша с огромным талантом (бывший ученик Гуммеля; *Концерт* и *Симфония* его произвели недавно большой эффект, — это человек вроде Бетховена, но полный поэзии, огня и вдохновения), он сказал этому пану Зятю, что это вовсе не умно, а очень глупо.

Но вернемся к концерту. Кроме того, я играю с Калькбреннером на двух фортепиано, с аккомпанементом четырех других, его *Мари suivie d'une Polonaise*².

¹ картины (фр.).

² сопровождаемый Полонезом (фр.).

Это безумная идея. Один [из инструментов] — огромный панталеон—предназначенный Калькбреннеру, другой, маленький, монохордный, но звучный, как звоночек — жирафик * предназначен мне, а остальные четыре сильные, как оркестр. На них будут играть Хиллер, Осборн, Стамати и Совиньский. Последнему далеко до покойного Алекса[ндра] (с ученицей которого я тут познакомился). Умом не блещет, только что статный и сердце доброе. Мне сопутствуют Норблин, Видаль и знаменитый Уран — альтист — какого я еще никогда не слышал. Билеты распространяются. Труднее всего было достать певицу. Россини позволил бы мне взять какую-нибудь из оперы, если бы он мог это сделать сам без пана Робера, второго директора, который опасается навлечь на себя двести или триста подобных же просьб.

Однако я Тебе до сих пор еще ничего не написал об опере. Такого [Севильского] *Цирюльника*, как на прошлой неделе в исполнении Лаблаша, Рубини и Малибран (Гарсиа), я еще никогда не слышал. Никогда еще не слышал такого *Отелло*, как с Рубини, Паста и Лаблашем,— *Итальянки [в Алжире]* с Рубини, Лаблашем и г-жой Рембо. Теперь больше чем когда-либо я имею в Париже все. Ты не представляешь себе, что такое Лаблаш! Говорят, что Паста много утратила, но я еще ничего более возвышенного не видел. Малибран поражает своим чудесным голосом и поет как никто! Чудо! Чудо! Рубини совершенный тенор, поет настоящим [голосом], а не фальцетом и иногда два часа делает рулады (правда, иногда его фиоритуры слишком длинны, он умышленно вибрирует голосом и, кроме того, без конца делает тремоло, что, однако, вызывает наиболее сильные аплодисменты). Его *mezza voce* несравненно.

Здесь Шрёдер-Девриент — но она не производит такого фурора, как в Германии. Пани Малибран играет роль *Отелло*, а она — *Дездемону*. Малибран маленькая, а немка огромна; казалось, что немка задушит *Отелло*. Это был дорогой спектакль, ни много ни мало двадцать четыре франка за место,— и это за то, чтобы посмотреть Малибран черной и неважно играющей эту роль. Собираются ставить *Пирата и Сомнамбулу* и т. д. Паста уже уехала — говорят, она больше не будет петь. Оркестр чудесный, но не может сравняться с настоящей французской оперой (*l'Academie Royale*).—

Если когда-нибудь в театре бывала роскошь, то не знаю, достигала ли она такой пышности, как в *Robert le diable*¹, повехонькой пятиактной опере Мейербера, автора *Crociato*². Это шедевр новой школы, — где дьяволы (огромные хоры) поют при поддержке туб, где души встают из гробов, но не так, как в *Шарлатане**, а группами, по пятьдесят, шестьдесят человек, где в театре [сооружена] диорама*, где в конце виден intérieur³ храма, и весь храм, как на рождество или пасху, сияет огнями, с монахами и со всей публикой на скамьях, с кадилницами, болсе того: с органом, звуки которого на сцене чаруют и изумляют и почти покрывают весь оркестр. — Нигде не смогут поставить ничего подобного. — Мейербер обессмертил себя! Но зато и просидел три года в Париже, прсжде чем ее поставил, и, как говорят, истратил двадцать тысяч франков на артистов.

Пани Цинти-Даморо тоже поет так, что лучше петь невозможно, — ее пение я предпочитаю пению Малибран. Малибран поражает, Цинти пленяет, — и хроматические гаммы она исполняет лучше, чем знаменитый Тюлон на флейте. Невозможно обладать голосом, отработанным более совершенно, а ей притом это так мало стоит, что кажется, будто она просто дует на публику. Ну р р и, французский тенор, изумляет своей эмоциональностью. — А Ш о л е в *Opéra Comique*, где играют *Фри-дьяволо*, *La Fiancée** и *Цампу* (новая прекрасная опера Герольда), — он у них тут первый любовник, séducteur⁴ — волнующий — чудесный гений, с настоящим романтическим голосом. Он создал свою собственную манеру.

<...> Напиши мне, что Ты обо всем этом думаешь; однако знай при этом, что я не одурел — и не намерен быть одураченным. — Пиксис* относится ко мне с большим уважением — или потому, что я играю, или потому, что ревнует ко мне свою девицу*, которая охотнее смотрит на меня, чем на него! — Пиши мне, ради бога, — или присзжай; Твой до смерти, может быть, недалекой.

Ф. Шопен

---

¹ «Роберт-дьявол» (фр.).

² «Крестоносец» (фр.)

³ внутренний вид (фр.).

⁴ соблазнитель (фр.).

19. ФЕРДИНАНДУ ХИЛЛЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, 2 августа 1832

Один изысканный любитель музыки из Нового Орлеана, г-н Джонс (которого я Вам настоятельно рекомендую), любезно согласился передать Вам это послание. Я шлю его, одновременно испытывая удовлетворение и стыд, ибо должен сознаться, что даже самый грубый невежа на моем месте оказался бы учтивее меня и наверняка догадался написать первым.

Я сознаю также свою вину в том, что не ответил на Ваше письмо, благодаря которому получил возможность познакомиться с *Paulus'ом* Мендельсона.—

Ваши *Трио*, мой Дорогой, уже давно готовы, и благодаря моей прозорливости я поспешил включить Ваши рукописи в свой репертуар.— Ваш *Концерт* будет исполнен в этом месяце на конкурсе Консерватории учениками Адама — м-ль Лион играет его очень хорошо.

Искушение, опера-балет Галевни и Жиды, не ввела в искушение никого из тех, кто обладает хорошим вкусом, потому что она столь же мало интересна, сколь мало соответствует духу нашего времени ваш германский сейм.

Морис, вернувшись из Лондона, куда он съездил для постановки *Роберта*[-*дьявола*] (который не имел успеха), уверял нас, что Мошелес и Филд приедут на зиму в Париж,— вот новости, которые я могу Вам сообщить. Что касается известных Вам лиц, то они очень любезно о Вас расспрашивали. Не сообщил ли Вам наиболее к Вам расположенный, что самый безнравственный из нас пошел по Вашим стопам? —

<...> Все, кто Вас знают, ждут Вас с распростертыми объятиями. Лист ниже скажет Вам два слова.

Прощайте, дорогой друг *.

Всем сердцем Ваш
Ф. Шопен

20. ДОМИНИКУ ДЗЕВАНОВСКОМУ В БЕРЛИИ

Париж, середина января 1833

Милый Домусь!

Если бы у меня был друг (друг с большим кривым носом, потому что о других тут нет речи), который не-

сколько лет тому назад бил баклуши со мной в Шафарне и всегда меня любил, и моего отца и тетку любил, и испытывал к ним признательность, и если бы он, покинув родину, не писал мне ни слова, я бы думал о нем очень плохо, и, хотя бы он потом плакал и просил прощения, я не простил бы его,— а у меня, Фрыца, еще хватает наглости защищать свою *n é g l i g a n s e*¹, и я после долгого молчания откликаюсь, как выпь, которая высовывает голову из воды тогда, когда ее об этом никто не просит.

Однако ж я не стану выдумывать объяснений, а предпочитаю признать свою вину, которая издалека, быть может, кажется большей, чем вблизи, потому что меня со всех сторон рвут на части. Я вошел в высшее общество, вращаюсь среди послов, князей, министров; и даже не знаю, каким чудом это случилось, потому что сам я туда не лез. Но сейчас для меня это самое нужное, ибо там якобы средоточение хорошего вкуса; у тебя сразу же оказывается большой талант, если тебя слышали в английском или австрийском посольстве; ты сразу же играешь лучше, если тебе протектировала княгиня Водемон. Я не могу написать — протектирует, потому что баба умерла неделю назад, это была дама вроде покойной Зелонковой или каштелянши Поланецкой*, у которой бывал двор, она делала очень много добра и спрятала многих аристократов во время первой революции. После И ю л ь с к и х д н е й* [она] первой из дам явилась при дворце и была последней из древнего рода Монморанси (обладательница множества белых и черных сучек, канареск, попугаев и владелица самой забавной в здешнем большом свете обезьяны, которая у нее на вечерах кусала других графинь).

Среди артистов я пользуюсь и дружбой, и уважением; я не стал бы писать этого раньше, чем спустя, по крайней мере, год после моего приезда сюда. Доказательством уважения является то, что люди с большим именем посвящают мне свои сочинения прежде, чем я им; так, Пиксис свои последние *Вариации* с военным оркестром посвятил мне; во-вторых, пишут вариации на мои темы,— так, Калькбреннер сварьировал мою мазурку. Ученики Консерватории, ученики Мошелеса, Герца, Калькбреннера—словом, законченные артисты берут у меня уроки, ставят мое имя рядом с име-

¹ небрежность (фр.).

нем Филда — словом, если бы я был еще глупее, то думал бы, что достиг вершины своей карьеры; а между тем я вижу, как много мне еще недостает, и вижу это особенно ясно, потому что общаюсь с первоклассными артистами и знаю, чего недостает каждому из них.

Однако мне стыдно, что я Тебе написал столько чепухи; расхвастался, как ребенок или тот, на ком шапка горит и он сам заранее начинает оправдываться; я бы это все зачеркнул, но у меня нет времени писать другое письмо; а впрочем, Ты, верно, не забыл еще моего характера и поэтому вспомнишь того, кто и сейчас совершенно такой же, каким был вчера, с той лишь разницей, что с одной бакенбардой, а другая так и не хочет расти.—

Мне надо дать сегодня пять уроков. Ты, наверное, подумаешь, что я составляю себе состояние. Кабриолет и белые перчатки, которых здесь требует хороший тон, стоят дороже.— Люблю карлистов, не терплю филиппистов, сам революционер, поэтому деньги не ставлю ни во что, а ценю лишь дружбу, о которой прошу Тебя и молю.

Ф. Шопен

21. КАЛАСАНТЫ ЕНДЖЕЕВИЧУ В ВАРШАВУ

Карлсбад *, 16 августа 1835

Любимые мои Дети!

Вы получаете первое письмо, написанное мной и Папой. Наша радость неопишима! Мы обнимаемся и обнимаемся — и что же можно еще? Жаль только, что мы не все вместе. Малыш чудесен! * Как бог милостив к нам! Пишу бестолково, но лучше сегодня ни о чем не думать: наслаждаться счастьем, которого мы дождались. Нынче я весь в этом.

Родители те же, все те же, только немножко постарели. Мы вместе ходим, ведем Мамочку под руку, говорим о Вас, изображаем несносных племянников, рассказываем, как часто вспоминали друг о друге. Вместе пьем и едим. Л а с к а е м с я и покрикиваем друг на друга. Я ai comble de mon bonheur ¹. Те же привычки,

¹ На вершине блаженства (фр.).

та же манера движения, среди которых я вырос, та же самая рука, которую я так давно не целовал. Ну, Дети мои, обнимаю Вас, и простите, что я не в состоянии собраться с мыслями и написать о чем-либо ином, кроме того, насколько мы счастливы в данный момент; об этом я всегда только мечтал,— и вот оно осуществилось, это счастье, счастье и счастье.

От радости я задушу Вас вместе с зятьями — самых моих любимых на этом свете.

П[ану] Живному тысячу поцелуев за музыку, а п[ану] Весёловскому, который на несколько десятков миль приблизил ко мне счастье, миллион поклонов. Пану Фрид[ерику] Скарбку ditto¹.

22. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, 18 июня 1837

Милостивейшая Пани!

Антось в Сарагосе; он здоров * и на днях писал мне, заклиная, чтобы я Вам о нем напомнил.— Их легион после стычки под Уэской совершенно дезорганизован: многие возвращаются, и он сейчас больше, чем когда-либо, нуждается в Вашей спешной помощи. В прошлом месяце я, насколько мог, пошел навстречу его желаниям (сразу же после получения его письма перед Уэской, которое и переслал Вам); но это капля в море. Винценты и Маурыцы также в Сарагосе; опекуны последнего советуют им возвращаться; было бы хорошо, если бы и он [Антоний] мог вернуться с ними, как с ними и отправился туда.

В то время как по соседству горе и смятение *, здесь об этом не беспокоятся: свадьбы, балы и празднества*. Веселятся так, что душат и топчут друг друга: во время фейерверка на Марсовом Поле несколько десятков человек в давке заплатились жизнью за свое любопытство, вследствие чего был отложен бал á l'hôtel de ville², на который было роздано свыше пятнадцати тысяч билетов. Новая герцогиня всем нравится; хва-

¹ тоже (лат.).

² в ратуше (фр.).

лят не красоту ее, а ум; она не совершает никаких *gaucherie*¹ и держится непринужденно, словно выросла среди подобных празднеств (а не в Людвигсбурге * на бутербродах). — Я нигде не был: даже в Версале *, о котором рассказывают чудеса сторонники не только Филиппа, но и прошлой династии *. Это превзошло ожидания всех. Погода благоприятствовала церемонии; на версальском обеде удалось все, за исключением супа, ждатель которого *maître d'hotel*² заставил короля. Опасались, как бы повар не последовал примеру Вателя. Парижан ждет еще бал национальной гвардии в Опере и празднество, которое Ротшильд устраивает в честь молодой герцогской четы, в *à F e r r i è r e*, своей очень красивой усадьбе в окрестностях Парижа.

Хорошее ли лето в Служевае? Много ли тепи? Можно ли сесть под деревьями и рисовать? Есть ли у Терезы удобное местечко для изготовления куличиков? Не недостает ли ей для этого занятия панны Юзефы или панны Малле? Не собираетесь ли Вы вскоре увидеться с ними? * Я задал бы тысячу вопросов. Меня интересует все, только не эти празднества. Во время въезда Герцогини я был в имении, на Энгленском озере. Мне уже трудно усидеть в Париже. Мой доктор посылает меня в Эмс, но я еще не знаю, куда и когда поеду.

Как-то вечером на днях у меня были пани Зофья с княгиней Зайончек и сердечно о Вас расспрашивали. Не звенело ли у Вас в ушах? Вчера — пани Анат [ольева] с Плятерами; она слегка жалуется на нервы, но тем не менее полнеет, а Леося прекрасно растет. Герман не может забыть Терезу и всякий раз, как видит или слышит мою крестную доченьку (а надо Вам сказать, что я здесь уже давно крестный папа), в своих восторгах неизменно возвращается к *мадемуазель иль*³.

Понравилось ли фортепиано? Дай-то бог! Если нет, то прошу меня лучше поколотить, но не сердиться.

Напоминаю Вам еще раз, что Антось ждет (при этом и мне перепадет несколько слов).

Наипреданнейший

Ф. Шопен

---

¹ неловкости (фр.).

² метрдотель (фр.).

³ мадемуазель он (фр.).

Мое почтение пану Водзиньскому. Панне Марии, Казю, Терезе, Феликсу — кому что полагается.

23. ТЕРЕЗЕ ВОДЗИНЬСКОЙ В СЛУЖЕВО

Париж, 14 августа 1837

Милостивейшая Папи!

Опасаясь, чтобы кто-нибудь со стороны не сообщил Вам неправды, предпочитаю переслать письмо Антося от 3-го с[его] м[есяца], чтобы Вы из его собственного письма узнали, что с ним. Я не писал, что под Уэской он был легко ранен в ногу, так как это случилось примерно в мае, и я предпочел бы лучше об этом рассказать*, нежели тревожить письмом; но уж если случилось иначе и эта муха может дойти до Вас, превратившись в огромного слона, то я прилагаю его самое последнее письмо, в котором он пишет, что рана совершенно зажила. Из этого письма также видно, что он намерен вернуться, и это на те три тысячи франков, которые я 9-го с[его] м[есяца] получил от банкира Лео и в день получения прилагаемого письма Антося, то есть 10с[его] м[есяца], послал в Логронио¹ через Ротшильда. В Логронио много наших, в частности, он там застанет славного Воронецкого. Ему будет веселей, если Вы или панна Мария сооблаговолите переслать ему через меня несколько слов; потому что, как видите, он и в этом письме жалуется, что из дома никто ему не пишет, хотя я сообщал ему о Вас всякий раз, когда имел сведения.

Ваше последнее письмо дошло до меня в Лондоне, где я проболтался прошлый месяц. Я думал, что оттуда я через Голландию поеду в Германию... А вернулся домой, время уходит, и для меня, вероятно, оно так и пройдет в моей комнате* — Жду от Вас менее печального письма, чем последнее. Возможно, что мое будущее письмо будет лишь припиской к письму Антония.

Преданнейший

Ф. Шопен

---

¹ Логронио — город в Старой Кастилии на реке Эбро.

Пальма¹, 15 ноября 1838

Мой милый! —

Я в Пальме — среди пальм, кедров — кактусов — олив, померанцев, лимонов — алоэ, фиговых деревьев — гранатов — и т. п., что есть только в оранжереях Jardin des Plante*. — Небо, как бирюза — море, как лазурь — горы, как изумруд — воздух, как на небесах. Днем солнце, все ходят по-летнему, и жарко, — ночью — гитары и пение по целым часам. — Огромные балконы, доверху оплетенные виноградом, — мавританские стены. Все здесь, и сам город напоминает Африку. — Словом, чудесная жизнь!

Люби меня.

Будь добр, зайди к Плейелю, потому что фортепиано еще не прибыло. Каким путем его послали? — Скоро получишь *Прелюдии* *. Жить буду, вероятно, в чудеснейшем монастыре — расположенном в самом красивом месте на свете: море, горы, пальмы, кладбище, храм крестоносцев, развалины мечетей — старые, тысячетлетние оливковые деревья. — Ах, жизнь моя, я живу немного полнее. Нахожусь вблизи того, что всего прекраснее, — и сам стал лучше. — Письма моих родителей и все, что Тебе надо переслать мне, отдай Г ж и м а л е: он знает самый верный адрес.

Обними Яся. — Как бы он тут поправился! — Скажи Пл[ейелю], что он скоро получит рукописи. — Знакомым говори обо мне поменьше. Потом я Тебе напишу много. Говори, что вернусь, когда пройдет зима. — Почта отходит здесь раз в неделю — я пишу через здешнее Консульство. Пошли мое письмо родителям, так, как есть. —

Сам отнеси на почту. Твой

Ш.

Ясю напишу потом.

¹ П а л ь м а — главный город Майорки (Мальорка), одного из Балсарских островов на Средиземном море.

Париж, 8 Novembre 1842

Любимый, всегда Любимый пап Эльснер.

Ты можешь себе представить, сколько радости приносят мне каждая Твоя буковка и нотка, — горячо благодарю Тебя за музыку, присланную с Турчиновичами. — Им здесь повезло — они многим понравились — и должны быть счастливы этим — пан Дамсе также; я ему не отвечаю, но, пожалуйста, будь добр, расскажи ему, какое впечатление произвели здесь его «дети», как он их называет. —

Сердечно Вас обнимаю. Люблю всегда, как сын, как старый сын, как старый друг.

Шопен

26. ЕЛИЗАВЕТА ШЕРЕМЕТЕВА — В. П. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
В ПЕТЕРБУРГ

Париж, 9 ноября 1842

В 4 часа к нам пришел замечательный человек — господин Шопен. Он дал первый урок Марии [Крюденер]. Внешность его малоинтересна. Небольшого роста, худой, блондин, у него серые, довольно большие, слегка воспаленные глаза, крупный нос, рот маленький, со страдальческим выражением, — он, должно быть, очень нервный. Когда Мари, разбирая новую вещь, взяла фальшивую ноту, он застонал. — В комнате не было чужих, да ведь ничего особенного и не случилось.

[Шопен] необычайно приятен как учитель — каждую ноту объяснял на редкость тщательно и был удивительно доброжелателен.

В сущности, его не стесняешься, и если бы он жил у нас в России, с какой радостью я брала бы у него уроки.

<...> Для меня довольно и того, что я слушаю объяснения, которые он дает на уроках с Мари. [На уроках] он много играет — сегодня вечером играл пьесу Бетховена (ля бемоль мажор). Он доставил нам истинное наслаждение, его игра была преисполнена

душевности, очарования и доброты. Мне не терпится услышать, как он играет свои произведения, которые, говорят, очень милы.

27, ЕЛИЗАВЕТА ШЕРЕМЕТЕВА — В. П. ШЕРЕМЕТЕВОЙ
В ПЕТЕРБУРГ

Париж, 11 ноября 1842

В четыре часа приехал Шопен. Сегодня его игра произвела на нас сильное впечатление.

После урока он нам играл мазурки и ноктюрны. Он настолько любезен, что не заставляет себя уговаривать.

Я не сумею выразить словами впечатление от его игры. Она была столь волшебна, что инструмент звучал просто неузнаваемо под его пальцами. Наконец-то я слышала человека, игра которого воплощала мою грезу, то есть была само совершенство. Он вдохнул душу в фортепиано. Его игра так воздушна и прозрачна, это — нежность... и вместе с тем звучание глубокое и наполненное. Слушая его, уносишься в беспредельную высь; в том, как он выражает свои мысли за инструментом, есть нечто божественное. Каждый звук его несет мысль, переданную с удивительной ясностью. Сколько бы его ни хвалили, уверяю Вас, — это не преувеличение. Он чувствует всю глубину сочинения, ему все доступно. Это гений, возвышающийся над всеми пианистами, теми, кто вас сперва ошеломляет, а затем приедается. Этот же, сколько бы он ни играл, все будет мало. Каждый звук проникает прямо в сердце. [...]

Он сыграл два ноктюрна. Мы слушали его, затаив дыхание, ибо боялись разрыдаться. На него было больно смотреть. Он ужасно кашлял, а закончив играть, был так взволнован, что, когда достал часы, чтобы посмотреть, не пора ли ехать, рука его дрожала, как в лихорадке.

Я думаю, что играть его сочинения — это профанация. Никто их не понимает, а сам он играет ритмически свободно, вдохновенно.

Как бы Вы радовались, если б Вам довелось услышать Шопена; он бы Вам тоже очень понравился. У него красивый лоб, такой, как Вы любите, лоб мыслящего человека [...] Складки у рта придают лицу

горькое выражение. Когда он улыбается, чувствуешь, что этот человек много страдал, вид его улыбки вызывает боль. Его здесь называют последним лучом заходящего солнца. Он и вправду такой. Неудивительно, если он скоро исчезнет...

Ему не суждено долго жить — у него, мне кажется, слишком возвышенная душа. Такова участь всех гениев.

28. ОГУСТУ ЛЕО В ПАРИЖ

Ноан 2 октября 1843

Дорогой господин Лео.

Я только что вернулся из продолжавшейся несколько дней прогулки, слегка утомительной, по очень живописным берегам Крёза* — и нашел ваше письмо. Я с радостью узнал из него, что с вами семья Мошелеса, — и питал надежду, что в связи с этим что-нибудь достанется и на мою долю. — Но, прочтя дальше, я узнал, что они пробудут лишь до 5-го сего месяца, и моя радость уступила место печали. —

Вы знаете, как я люблю Мошелеса и восхищаюсь им, и вы лучше, чем кто-либо другой, поймете то огорчение, которое причиняет мне невозможность немедленно отправиться в Париж; чтобы успеть вовремя, мне надо было бы выехать самое позднее завтра. —

Я надеюсь, что море пошло на пользу госпоже Лео и всей вашей очаровательной маленькой семье — и что вам выпал такой же прекрасный Сентябрь, какой стоял у нас здесь. Г-жа Виардо, гостившая несколько недель у г-жи Санд, пела всего лишь два или три раза, — небо было столь заманчивым, что все время приходилось отдавать прогулкам. Осень — почти всегда лучшее время года в Берри¹ — и потому на какой-то срок я еще задержусь здесь. —

Свое письмо я адресую на улицу Louis le Grand, поскольку в точности не помню номера по улице St. Nonagé. Я уверен, что оно попадет к вам, так как

---

¹ Берри — название французской провинции, в которой находится Ноан.

ваше я получил, несмотря на его фантастический адрес.

Свидетельствуйте мое почтение вашей Супруге, а также семье Мошелеса.

Ваш преданный

Шопен

Не забудьте, прошу вас, передать мои наилучшие пожелания г-ну и г-же Валаентен.

2 Окт.

З[амок]* Ноан, близ Ла-Шатра, Эндр.

29. ЖОРЖ САНД В НОАИ

Париж, 2 декабря 1844

Понедельник, 3 часа

Какие-то у вас дела? Я только что получил ваше чудесное письмо. Здесь идет такой снег, что я очень рад, что вы не в дороге, и упрекаю себя за то, что, быть может, подсказал вам мысль ехать на почтовых в такую погоду. В Солони*, должно быть, очень скверно, потому что снег идет со вчерашнего утра. Ваше решение выждать несколько дней мне кажется наилучшим — и у меня будет больше времени натопить ваши комнаты. — Главное, вам не следует пускаться в путь по такой погоде, сулящей одни мучения. — Ян взял все ваши цветы на кухню. Весь ваш садик под снегом — как сахар — как лебедь — как горноста́й — как творог со сливками — как руки Соланж и зубы Мориса.

Только что пришли печники, потому что вчера я не решился как следует протопить без них.

Ваше платье будет из черного левантина — самого лучшего качества. — Я выбрал его, согласуясь с Вашими пожеланиями. — Портниха унесла материал со всеми вашими указаниями. Она нашла, что материя очень красива, простая, но в хорошем вкусе. Я думаю, вы будете довольны ею. Портниха мне показалась очень толковой. Материя была выбрана из десятка других — по девять франков за метр, так что качество самое наилучшее; кажется, она будет превосходна; все было обдуманно портнихой — она хочет сделать как можно лучше.

Здесь много писем для вас. Я посылаю вам одно, кажется, от матери Гарсиа. Одно — из Колоний, другое — из Пруссии г-же Дюдеван, урожденной

Франкей,— я бы переслал их вам сегодня, если бы они не были так велики. Если хотите, я перешлю их вам. Масса журналов («Atelier», «Le Bien Public», «Le Diable»), несколько книг, несколько визитных карточек, в том числе [карточка] г-на Мартена.—

Вчера я обедал у Франкомма.— Из-за плохой погоды я лишь в четыре вышел из дому; вечер я провел у г-жи Марлиани. Сегодня, как она мне сказала, я буду обедать у нее с Леру, если заседание суда по делу его брата, которое будет слушаться сегодня, рано окончится. Я нашел всех Марлиани в добром здоровье, если не считать насморка. Я еще не видел ни Гжимаду, ни Плейеля,— было воскресенье. Я рассчитываю пойти повидать их сегодня— если немного утихнет снег.— Берегите себя— не слишком утомляйтесь с укладкой. До завтра, до нового, если позволите, письма. Ваш все более старый, старый как никогда, чрезвычайно, невообразимо старый.

Ш.

Вот и все!

[Привет] вашим детям.

Франкомм провел утро со мной. Он очень добр ко мне.— Он припадает к вашим стопам.

[Приписка:]

Я только что получил письмо, как мне кажется, от Делатуша, и прилагаю его.

30. ЖОРЖ САНД В НОАН

Париж, 5 декабря 1844

Четверг, 3 часа

Я только что получил ваше превосходнейшее письмо* — и вижу, как вас замучили эти откладывания. Но ради ваших друзей наберитесь терпения, потому что, право, мы все будем огорчены, если узнаем, что вы пустились в дорогу в такую погоду, да еще не вполне здоровой.

Я бы хотел, чтобы вы как можно дольше не получили мест [в дилижансе], пока не станет теплее; здесь творится нечто невероятное — все жалуются, что зи-

ма наступила слишком внезапно.— Все — это г-н Дюран и Франкомм, которого я уже видел сегодня утром и у которого я вчера обедал у камин в моем толстом сюртуке рядом с его толстым мальчиком*. Он был розовый, свежий, теплый и с голыми ножками. Я был желтый, увядший, озябший и в трех парах теплого белья под брюками.— Я пообещал ему от вас шоколаду. Вы и шоколад — теперь для него синонимы. Мне кажется, что ваши волосы, о которых он говорил, что они такие черные, теперь в его памяти тоже стали шоколадного цвета. Он ужасно забавен, полненький,— и я очень люблю его. Я лег спать в половине одиннадцатого. Но спал я не так крепко, как в ночь после железной дороги*.

Как мне досадно, что уже закончены ваши посадки; мне бы хотелось, чтобы вам пришлось что-нибудь делать на воздухе, в деревянных башмаках, потому что здесь, несмотря на то, что холодно и скользко, погода прекрасная. Небо чистое и заволакивается лишь затем, чтобы выпало немного снега. Я написал Гжим[але].— Он мне ответил, но мы пока еще не виделись. Я, впрочем, был у него, но его невозможно застать.

Как обычно, я выйду отнести это письмо на Биржу* — и перед тем, как идти обедать к м-ль де Розьер, зайду к г-же Марлиани, которую я не видел ни вчера, ни позавчера. Я не был также у г-жи Дорибо — потому что у меня нет приличного костюма, вследствие чего я не буду делать ненужных визитов. Мои уроки еще не начались. *Primo*, я пока получил только одно фортепиано. *Secundo*, еще не очень известно, что я приехал, и лишь сегодня у меня было несколько деловых посетителей. Это мало-помалу придет, и я не беспокоюсь об этом.

Но меня беспокоит, что вы порой теряете терпение,— и я повергаюсь носом к вашим ногам, умоляя застиснуть каплей снисходительности к возницам, которые не привозят вам ответа из Шатору, и к тому подобным вещам. До завтра.—

Посылаю вам письмо, чтобы разбудить вас еще больше.

Я представляю себе, что сейчас утро и что вы в капоте, окруженная вашими милыми детьми, которых прошу от меня поцеловать,— а также дозвольте мне склониться к вашим стопам. Что же касается орфогра-

фических ошибок, то я слишком ленив, чтобы справиться у Буаста.

Ваш старый, как м у м и я,

Ш.

Ян сейчас убирает гостиную. Он очень занят зеркалами и тратит на это много времени.—

[На первой странице вверху приписано:]

Не страдайте, не страдайте!

31. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Ноан, 18—20 июля 1845

Мои самые Дорогие.

Вот уже больше месяца, как мы здесь.— Вместе с нами приехала пани Виардо, провела здесь три недели. Мы все совершенно здоровы — однако в деревне зимой свирепствовала лихорадка. Муж Франчишки (Людвика, вероятно, помнит его) прохворал почти всю зиму, теперь уже на ногах. Сейчас погода хорошая — но, когда мы приехали, были сильные грозы. Эндр так разлился, что в Моиживре у Шатирона (брата Хозяйки) был залит почти весь сад и в доме была вода.— Виардо, приехавший за женой, не смог ее увезти, потому что дорога до самого Шатору была под водой; а туда, куда мы часто ездили на прогулки и где такие прекрасные виды, нельзя было даже добраться. Продолжалось это недолго, но причинило много вреда лугам; впрочем, об этом уже позабыли.—

Я не создан для деревни, однако свежим воздухом наслаждаюсь.— Играю немного — так как фортепиано расстроено; пишу еще меньше — поэтому вы так давно ничего от меня не получали.— Предполагаю, что все вы уже в деревне. Что Бартолоско Антолоско и думать забыл о болезни. Что Людвика следует советам Маржолена* — и не утомляется.— Скажите ей, что рукопись романа, который здесь при ней читали, я получил для нее как автограф*, что я видел Гут [мана] перед самым его отъездом и поручил ему всех вас обнять — и что при отъезде он понравился мне гораздо больше.— Право, он славный. Пусть Изабеллочка после своих беспокойств о здоровье мужа немного развле-

чется и отколотит [?] Каласанты, потому что он самый сильный и может выдержать подобное поручение.—

Странно мне здесь в этом году; частенько загляну утром в соседнюю комнату, но там нет никого.— Иногда займет ее какой-нибудь знакомый, приехавший на несколько дней.— Поэтому я больше [в ней] не пью шоколаду по утрам — и фортепиано поставил иначе — около стены — туда, где была софа со столиком, за которым Людвика часто вышивала мои туфли, а Хозяйка занималась еще каким-нибудь делом. Посредине стоит письменный стол, на котором пишу, слева лежат несколько моих музыкальных рукописей — пан Тьер* и стихотворения (те, что с усиком)*, направо Керубини; передо мной — присланные вами часы с репетиром, в своем футляре (сейчас четыре часа). Розы и гвоздики, перья и кусок сургуча, оставшийся еще от Каласанты.—

Я постоянно одной ногой у вас — другой в соседней комнате, где работает Хозяйка, — а в данный момент я и вовсе не у себя — а, как обычно, в каких-то удивительных мирах. Это, вероятно, и есть те *esraces imaginaires*¹* — но я этого не стыжусь; ведь именно у нас появилась пословица, что «благодаря имажинации [фантазии] поехал на коронацию», а ведь я настоящий слепой мазур*. Поэтому, не заглядывая далеко, я написал три новые *Мазурки**, которые, вероятно, выйдут в Берлине, — потому что их у меня очень просит один мой знакомый, милый юноша, образованный музыкант — Штерн, отец которого основывает музыкальное издательство.—

Еще я тут получил приглашение от комитета, который сооружает памятник Бетховену (в Бонне на Рейне), приехать туда на открытие. Сами посудите, поеду ли я, — впрочем, если бы вы оказались где-нибудь там, то я, возможно, и двинулся бы. Но это в будущем году.— Не знаю, писал ли я вам, что этой осенью там, у вас, проездом должна быть Р[ince]sse² Обрескова, очень любящая музыку и всем сердцем расположенная ко мне, которая на обратном пути собирается привезти мне в своей карете Мамочку, — а будущей весной надо будет, чтобы за нею приехали дочери, зятя и внучата. Право, эта пани необычайно

¹ воображаемые миры (фр.).

² Княгиня (фр.).

любезна ко мне и в высшей степени искренна; впрочем, я, должно быть, и раньше писал вам о ее любезности ко мне — но признаюсь вам, что эти ее милые проекты меня очень позабавили. — Если вы ее увидите, то отнесите к ней с такой же большой сердечностью, потому что она много раз мне доказывала свою доброту — и я очень ее люблю. Она чрезвычайно любит музыку. Ее дочь, к[няги]ня Сутцо, — моя ученица. — Словом, это очень достойная пани (хотя может показаться немного чересчур экспансивной).

Внарко тоже говорила мне, что навестит вас, когда будет проезжать через ваш город. Она пела мне здесь испанскую песню, которую сочинила в прошлом году в Вене, — и обещала спеть ее вам. — Мне она очень понравилась — и я сомневаюсь, чтобы можно было услышать или сочинить что-либо лучшее в этом роде. Эта песня соединит вас со мной — я слушал ее всегда с огромным восторгом.

Моя *Соната и Berceuse** уже вышли. *A propos Berceuse*, мне приходит мысль об особе, которую хотела иметь Людвика* — и хотя это трудно, но все же не невозможно — я не раз уже справлялся, и, может быть, что-нибудь и найдется. — Что же вам рассказать о Париже? Перед моим отъездом Гофманова была очень плоха* — за нее серьезно опасались. — Надеюсь, что ей лучше, так как Альберт ничего мне об этом не писал. Он сообщил мне только о том, о чем, не называя имен, писали и газеты, — о Викторе Гюго, с которым недели две назад произошло следующее приключение Г-и Бийар (*peintre d'histoire*¹, не очень известный), собою безобразный, имел красивую жену, которую соблазнил пан Гюго. Пан Бийар застал свою жену с поэтом — так что Гюго пришлось даже показывать тому, кто хотел его арестовать, свою медаль пэра Франции*, чтобы тот немедленно оставил его в покое. Пан Бийар хотел возбудить против своей жены процесс — но дело кончилось без шума, они просто расстались. Гюго же внезапно на несколько месяцев отправился путешествовать. Пани Гюго (какое великодушье!) взяла пани Бийар под свое покровительство; а Жюльетта (знаменитая лет десять тому назад актриса театра *Porte St. Martin**, которую Гюго давно содержит, несмотря на пани Гюго, своих детей

¹ исторический живописец (фр.).

и стихи о семейной добродетели) — так вот эта Жюльетта поехала вместе с ним.—

Парижские язычки довольны, что у них есть о чем поговорить; да и действительно — забавная история; добавьте к этому, что Гюго идет пятый десяток и что он при каждом удобном случае разыгрывает из себя человека крайне серьезного и возвышающегося над всем миром.— В Париж приехал Доницетти*, где он должен провести лето — писать новую оперу [Это тот] Доницетти, что написал *Лючию* [ди Ламартина], *Дона Паскуале*, *Фаворитку* и т. д.,— Ламартин с женой здесь в Нери — ближайшем отсюда, на расстоянии полдня пути, курорте — там, где был Мери, который сейчас, вероятно, у Присница и от которого я давно не имел вестей.— Тут, в Шатору, идут большие приготовления к балу в честь г[ерцо]га Немурского, который, направляясь в Бордо, будет здесь проезжать со своей женой.

<...> Скажите Бартечку, что электромагнитный телеграф* между Балтимором и Вашингтоном работает чрезвычайно успешно. Часто распоряжения, которые даются в Балтиморе в час пополудни, приводятся в исполнение уже в три часа, так что товары и пакеты лежат уже готовые к отправке из Вашингтона,— а небольшие пакеты, заказанные в 4½,— доставляются *convoi de 5 h¹* из Вашингтона в Балтимор в 7½. Семьдесят пять английских миль — двадцать пять французских, мне кажется, это быстро!! — Уже год прошел, как мы виделись с Енджеевичами, он пролетел словно по проводке электрического телеграфа!!

Если мое письмо не клеится, так это потому, что я каждый день пишу по одной фразе. Вчера Соль прервала меня, чтобы играть с ней в четыре руки. Сегодня — чтобы посмотреть, как рубят одно из деревьев около флигеля, где жил Шень,— в саду у дороги — где высадились (из экипажа) Енджеевичи. Это дерево замерзло, и поэтому его надо было срубить.— Я получил также из Парижа письма от Франкомма, от панны де Розьер, которая приглядывает за моей квартирой.— Франк[омм] мне пишет, что Хабенек едет в Бонн на то самое открытие [памятника Бетховену], что Лист написал кантату, которую будут петь под

¹ пятичасовым поездом (фр).

его управлением*, Шпор будет дирижировать большим концертом, который состоится вечером. Будут три дня музыки.

А ргорос о памятниках; Лесюэру (музыканту) тоже ставят [памятник] на его родине, в городе Абвиле. Лесюэр был капельмейстером Наполеона (membre de l'Institut²) и профессором Консерватории.— П[ан] Эльснер его хорошо знал, он дал мне письмо к нему, когда я ехал в Париж. Это был очень просвещенный и достойный человек; он умер лет десять назад, раньше Паэра и Керубини — он был не очень стар. Раз уж речь зашла о памятниках, то через несколько дней будет окончена статуя г[ерцо]га Орлеанского (который разбился, выскакивая из экипажа). Ее сооружают на площади Лувра из алжирской бронзы — и барельефы из нее же. Это произведение Марокетти — одного из известнейших здешних ваятелей, и хотя у Марокетти итальянская фамилия, но он француз и необыкновенно талантливый — все подобного рода важнейшие работы поручаются ему.— Статуя обращена к Тюильри. Один барельеф изображает взятие Антверпена, другой — какой-то алжирский эпизод.—

А ргорос о статуях: около склада государственных мраморных изваяний, вблизи Champ-de-Mars², куда выбрасывали мраморные обломки различных памятников (en dernier lieu³ из [церкви] Магдалины), сильные дожди обмыли некоторые обломки, и один из сторожей заметил среди них руку какой-то статуи, поднимающуюся над другими камнями, которая словно протестовала против своей судьбы.— Завершили дело, начатое водой,— убрали закрывающие ее обломки и нашли греческую мраморную статую, антик высокохудожественной работы, изображающий Геркулеса, arrêtant la chèvre Amaltee^{4*}, — козы уже недостает, один рога — очень интересный sujet⁵ — ибо он был известен только по нескольким небольшим pierres gravées⁶.— По решению комиссии, состоящей из пана Летронна, Леба (того самого, что поднялobelisk)* и т. д., и т. д., эту статую тотчас поместили

¹ член Академии (фр.).

² Марсово поле (фр.).

³ в последний раз (фр.).

⁴ останавливающего козу Альматею (фр.).

⁵ сюжет (фр.).

⁶ камням (фр.).

au Palais des Beaux-Arts¹ (там, где в прошлом году я оставил Енджеевичей и, вернувшись, нашел их в том зале, где находится полукруглая фреска Делароша*, изображающая всех знаменитых мастеров живописи разных времен,— припоминают ли они это?).

В четвертый раз сажусь за письмо и на этот раз надеюсь его закончить; с начала предыдущей страницы погода успела измениться, и сегодня идет дождь.— Можно предполагать, что для парижских празднеств этого месяца будет хорошая погода; в нынешнем году иллюминировано не так, как видели в прошлом Енджеевичи. Спекулянты человеческим весельем блеснули в этом году на Сене новыми выдумками. По вечерам разъезжают несколько сильно разукрашенных кораблей и гондолы наподобие венецианских,— эта новинка пришлась по вкусу бульварной публике, и, говорят (я этого еще не видел), необыкновенно много народу катается по реке. Елисейские поля в этом году будут иллюминированы меньше, зато все великолепие лампионов — так же как и фейерверк, и фонтаны, множество состязающихся лодок и т. п., и т. п.— все будет на *quai*². В выдумках недостатка не будет, так же как и в мерах предосторожности, чтобы было как можно меньше несчастных случаев.— Как можно меньше, потому что не бывает, чтобы несколько человек не утонули или на суше не подушили друг друга из любопытства.— Впрочем, Каласанты с женой, должно быть, помнят, что за давка царит в эти дни; но люди, однако, так глупы, что чем больше давка, тем они как будто лучше развлекаются.

<...> Пора обедать. Написал бы вам еще больше, но хочу уж непременно сегодня отправить это письмо.— Оно пойдет к панне де Розьер, которая сама отнесет его на почту. Я пишу ей, чтобы она переслала мне, если есть что-нибудь от вас. Я не беспокоюсь, так как знаю, что сейчас такое время, когда все разъезжаются в разные стороны,— а если и нет, то заняты различными проектами.— Все-таки я прошу вас обязательно уговорить Маму поехать куда-нибудь в деревню — и чтобы Бартек хорошенько отдохнул. Надеюсь, господь бог хранит здоровье ребятишек Людвики.—

---

¹ во Дворец изящных искусств (фр.).

² набережная (фр.).

Пусть Каласанты не обучает их тому, чему научил здесь Мориса, который до сих пор употребляет различные выражения, вроде *wziwzina*, *susiam* и т. п. Пусть Изабелла, как самая боевая, следит, чтобы милая Людвика не слишком утомлялась. Мы с Изабеллой блондины, и поэтому нас очень интересуют шатенки.— Обнимите знакомых. Начиная с Соседей — и кончая [теми, что] за [городскими] заставами, если вы еще в городе.— Обнимите пана Фрид[ерика Скарбка] — Эльснера, Новака, Бэлз[у], Тытуса и всех представительниц женского пола. Вчера я видел очень хороший сон о пани Козубовской. Часто думаю о пани Лутыньской — потому что мне о ней много хорошего говорили в прошлом году.—

От всего сердца обнимаю дорогую Мамочку и всех вас.

Ш.

Если увидите Домуся или панну Людвиню, или Юлия с женой* — передайте им привет от меня.— Хозяйка работает.— Не отрываю ее для того, чтобы она написала словечко Людвике,— но знаю заранее, что она сердечно ее приветствует.— Вот как раз в эту минуту она кончила писать и посылает Людвике несколько слов. Адісу, мои горячо любимые.

32. ОГЮСТУ ФРАНКОММУ В ПАРИЖ

Ноан, 8 июля 1846

Дражайший друг.

Если я не писал тебе раньше, то не оттого, что не думал об этом, а потому что одновременно хотел послать тебе мои несчастные рукописи*, которые еще не готовы.— А пока вот письмо к г-ну Брандюсу. Окажи мне любезность и, передавая его, попроси об ответе, который перешли мне,— ибо, если случится что-нибудь непредвиденное, мне придется обратиться к Мейссонье, так как их условия одинаковы.

Дорогой мой, делаю все, что в моих силах, чтобы работать,— но это мне не удастся,— и если так пойдет дальше, то мои новые сочинения не будут более напоминать ни щелбанья малиновки, ни да-

же звука разбиваемого фарфора. Я должен с этим смириться.— Пиши мне.

Люблю тебя, как всегда.

Ф. Ш.

Тысяча поклонов госпоже Франкомм — и множество приветов от моей сестры Людвиги. Целую твоих милых детей.

Ноан, 8 июля 1846

Госпожа Санд просит тебя и госпожу Франкомм не забывать ее. ...

33. ВЕРЕ РУБИО В МИЛАН

Ноан, 22 сентября 1846

Дорогая госпожа Рубио.

Если я не тотчас же ответил на ваше милое письмо, в котором вы извещали меня о своей свадьбе, то лишь потому, что, рассчитывая к этому времени быть в Париже, я думал, что смогу вас обоих поздравить лично. Но так как мой отъезд без конца откладывается, я собрался было написать вам несколько строк, как вдруг записка г-жи де Бетон сообщила мне о вашем отъезде из Парижа без надежды на возвращение. Я не знал, куда вам писать. К счастью, пришло ваше второе письмо с извещением о свадьбе г-жи де Риель, и я сердечно благодарен, что вы дали мне таким образом возможность засвидетельствовать вам всю радость, которую вызвала во мне весть о вашем браке с г-ном Рубио.

Я убежден, что вы ни на минуту не усомнитесь в искренности моих пожеланий, и желаю вам счастья — счастья, которого вы заслуживаете с полным правом. Передайте, пожалуйста, господину Рубио мои самые искренние пожелания благоденствия — и благоволите считать меня всегда, в Риме, или в Одессе, в числе ваших лучших друзей.

Всецело вам преданный

Ф. Шопен

Нохан, 11 октября 1846

Десять раз начато, сегодня отсылаю. Посылаю Людвике несколько слов от Хозяйки.

В воскресенье, 11 octobre 1846,
Ch[âteau] de Nohant, за столиком возле фортепиано.

Мои самые дорогие.

Вероятно, вакации у вас уже кончились. Все дома: и Мамочка [вернулась] от панны Юзефы, и Людвика от Цех[омских], и Антон с Изабеллой из сада минеральных вод* с запасом здоровья на зиму. Дай вам бог всего наилучшего. Здесь было такое прекрасное лето, какого давно не упомнят, и хотя год не очень урожайный и во многих окрестных местах опасаются зимы, здесь все же не жалуются, так как сбор винограда необычайно хорош; а в Бургундии он даже лучше, чем в 1811 г., но это в отношении *qualité*¹, а не *quantité*².

Вчера здесь Хозяйка варила варенье из винограда, называемого александрийским. Это очень крупные ягоды, вроде муската, которые в здешнем климате не вполне вызревают, и поэтому они изумительны для варенья. Однако других фруктов уродилось мало. Зато была очень густая — зеленая до сих пор — листва и множество цветов. Садовник новый. Старому Петру*, которого видели Енджеевичи, отказали, несмотря на 40-летнюю [службу] ([он служил] еще при жизни Бабушки), так же как и почтенной Франсуазе, матери Люс: двум старейшим слугам. Дай бог, чтобы новые пришлись по праву молодому и кухне*. Соль, которая была тяжело больна, теперь здоровенька, и кто знает, не напишу ли я вам через несколько месяцев, что она выходит замуж за того красивого молодого человека*, о котором я вам писал в прошлом письме.

Все лето здесь прошло в различных прогулках и экскурсиях в незнакомые места *de la Vallée Noire**. Я не был *de la partie*³, потому что такие вещи утомляют ме-

¹ качество (фр.).

² количество (фр.).

³ участником их (фр.).

ня больше, чем следует. Когда я устаю, то становлюсь невеселым, а это всем действует на настроение, и молодым в моем обществе не столь весело. Не побывал я также, как рассчитывал, в Париже, но у меня была очень хорошая и верная оказия для пересылки туда моих музыкальных рукописей, которой я воспользовался, и мне не понадобилось трогаться с места. Но все же через месяц я думаю быть в Сквере* и надеюсь застать еще Новак[овского], о котором я через п[анну] де Розьер только и знаю, что он оставил у меня на квартире свою визитную карточку. Был бы рад повидать его. Но тут его не хотят. Он бы мне многое напомнил. И наговорился бы с ним по-нашему, ведь Яна у меня уже нет, и со времени отъезда. Лорки* я не сказал ни слова по-своему.

О Лорке я вам писал. И хотя с ней здесь были любезны, но после ее отъезда не сохранили о ней доброй памяти. Кузине она понравилась, а значит — и сыну; отсюда шуточки, за шуточками — грубости, и поскольку это мне не нравилось, то тут теперь о ней уже не вспоминают. Нужно было иметь такую добрую душу, как у Людвики, чтобы оставить здесь о себе добрую память у всех. Хозяйка не раз мне говорила при Лорке: «*Votre soeur vaut cent fois mieux que Vous*»¹, на что я: «*Je crois bien*»².

Пусть Изабелла мне напишет, живы ли родители Антония* и о разных подобных вещах. Ибо Ясь отозвался после восьми лет [молчания], сожалея, что не слушал моих советов. Но сейчас он работает изо всех сил и старается употребить на пользу то, чему он когда-то обучался в Гриньоне*. Он здоров и *bien intentionné*³, живет в Гаскони и работает. Я ему написал и еще напишу. Солнце светит сегодня чудесно, [все] поехали на прогулку; мне не хотелось, и я пользуюсь этим временем, чтобы посидеть с вами. Песик Маркиз остался со мной и лежит на моем диване. Это необыкновенное создание: шерсть у него, как у марабу, — весь белсенький; п[ани] С[анд] каждый день сама за ним ухаживает, отчего он и умеет, насколько возможно. У него даже есть некоторые оригинальные и необъяснимые свойства. Напр[имер], он не станет ни есть,

¹ Ваша сестра во сто крат лучше Вас (фр.).

² Еще бы (фр.).

³ полон добрых намерений (фр.).

ни пить из позолоченной посуды; отодвинет ее мордочкой и опрокинет, если сумеет.

Я вычитал в «Presse» среди прочих участников франкфуртского конгресса по тюремным делам фамилию моего крестного *. Если бы он проехал до Парижа, я был бы рад повидать его, и я напишу п[анне] де Розьер, чтобы она сейчас же дала мне знать, если найдет у моего *consierge*¹ его визитную карточку. Что касается новостей, то вы, наверное, уже давно знаете о планете пана Леверрье. Леверрье из парижской обсерватории, заметив некоторые неправильности в [движении] планеты Уран, приписал это [действию] другой, еще неизвестной планеты, определил ее расстояние, местонахождение, величину — словом, все так, как и увидели пан Галле в Берлине, а теперь [Адамс] в Лондоне. Какой это триумф науки — путем вычислений дойти до такого открытия! На последнем заседании Академии наук п[ан] Араго предложил назвать планету «Леверрье». Пан Галле писал из Берлина, он предлагает назвать ее Янусом. Пан Леверрье предпочитал бы назвать ее Нептуном. Но, кроме некоторой части Академии наук, многие стояли за то, чтобы назвать планету именем открывшего ее, — кто силой вычисления достиг столь удивительной, до сих пор неслыханной вещи в истории астрономии; и поскольку существуют кометы Вико, Хинда, а Уран назывался именем Гершеля, то отчего бы не быть планете Леверрье? Король тотчас сделал его офицером Почетного легиона.

Вы, вероятно, также слышали об изобретении *de la poudre de s o t o p*² паном Шенбейном. Здесь им заинтересовались, но еще не видели его. В Лондоне испытания, проходившие в присутствии п[рин]ца Альберта (мужа королевы), подтвердили, что [порох] обладает большой силой, не дает дыма, не грязнит, не пачкает, а смоченный водой и высушенный, не теряет своей силы. Взрыв происходит гораздо быстрее; так, если положить ее на обыкновенный [порох], *l'explosion à lieu*³ пока обыкновенный еще даже не успевает загореться. Однако я вам пишу о научных предметах, как будто у вас нет Антка или Бэлзы. Последнему пожелайте величайшего счастья в его новом положении. Боже

¹ привратник (фр.).

² Буквально — хлопковый порох (фр.).

³ он взрывается (фр.).

мой, как был бы этому рад Матуш[иньский]! Не проходит дня, чтобы я о нем не думал. Теперь уж у меня в Париже нет никого из моих школьных товарищей.

Однако à propos об изобретениях: еще об одном, которое ближе de mon domaine¹. Пан Фабер в Лондоне (профессор математики), механик, создал очень остроумный автомат, названный им Эвфония, который довольно ясно произносит не одно-два слова, а длинные фразы, и, более того, поет одну арию Гайдна и *God save the Queen**. Директора опер, если бы они могли иметь много подобных андроидов², обходились бы без хористов, которые дорого стоят и причиняют много хлопот. Удивительное дело — дойти до этого с помощью leviers, soufflets, chaînettes [слово неразборчиво], tuyaux, ressorts³ и т. д., и т. д. — Я писал вам раньше о селезне Вокансона, который переваривал то, что съедал; Вокансон построил также андроид, который играл на флейте. Но до сих пор еще ни одна машина не смогла петь слова *God save the Queen*. Эта Эвфония уже два месяца как выставлена в l'Égyption Hall* (как известно Бартку, это место, отведенное для различных достопримечательностей).

На будущий год в Лондоне готовится большое соперничество итальянских опер. Пан Саламанка, испанский банкир, член мадридской Палаты, арендовал театр, так называемый Covent Garden, один из самых больших лондонских театров, никогда, впрочем, не имевший большого успеха из-за своего местоположения, — он расположен вдали от частей города, где живет высший свет. Пан Ламли, постоянный директор итальянского королевского театра, считавшегося модным в лондонском высшем свете, не торопился ангажировать на предстоящий год своих обычных певцов, будучи в них совершенно уверен в своем обитом шелком театре. Пан Саламанка опередил его и ангажировал дороже и Гризи, и Марио, и Персиани — словом, всех, за исключением Л а б л а ш а. Итак, будет два театра. Пан Л а м л и кроме Лаблаша, говорят, пригласил панну Л и н д и пана П и ш е к а (о котором Берлиоз говорит, что он лучший Дон-Жуан) (?) А поскольку в Лондоне правила хорошего тона име-

¹ моей области (фр.).

² А н д р о и д — автомат, имитирующий человека, робот.

³ рычагов, мехов, клапанов, цепочек, трубочек, пружин (фр.)

ют больше значения, чем любые чудеса искусства, то предстоящий *saison*¹ будет интересным. Говорят, что прежняя Опера (то есть п[ана] Ламли) удержится, потому что *toutes les chances sont*², что Королева будет по-прежнему ее посещать.

Парижская опера еще не поставила оперу Россини. у Хабинека, дирижера оркестра, был сильный апоплексический удар, что заставило его на несколько месяцев отказаться от дирижирования. Но сейчас он уже здоров, и п[ан] Пийс (директор) отчасти ждал его. В Париже Итальянцы уже начали. Новый для Парижа певец, баритон Колетти, выступил в *Семирамиде*, и о нем говорят много хорошего. Он молод и красив, и уже давно ходили разные слухи как о его таланте, так и о его похождениях. Отец предназначал его к духовному званию, а он, покинув Рим, стал в Неаполе актером. В Лиссабоне, как рассказывают, он несколько лет подряд кружил всем головы, и однажды там (о чем уже давно ходили слухи) две дамы дрались из-за него на дуэли; если он к тому же очень хорошо поет, то он удержится. Сомневаюсь, чтобы в Париже из-за него дрались на дуэли, но заплатят ему хорошо, лучше, чем в Португалии.

Он пел также с успехом в Мадриде, где теперь готовятся большие торжества по случаю бракосочетания Королевы с ее кузеном и ее сестры, Инфанты, с младшим сыном короля [Луи] Филиппа, герц[огом] Монпансье. <...> Много говорят о подарках герц[ога] Монпансье своей невесте. Королева преподносит своему жениху кроме трона (несмотря на молодость, очень толста) бриллиантовое *collier* Золотого руна, а также драгоценную шпагу с усыпанным бриллиантами эфесом, *dont la lame à servie à Charles III, et le bâton de capitain général*³. Готовят семнадцать великолепных карет, предназначенных для поездки в церковь Аточа, где должны одновременно состояться оба бракосочетания, а также для въезда в Мадрид из Аганьез (произносится: «Аранхуец»). Вроде как, например, сюда из Версаля.

Если вас интересуют подобные описания, то вы, вероятно, их найдете у себя в газетах Дмушевского. На-

¹ сезон (фр.).

² все шансы за то (фр.).

³ клинок, который служил Карлу III, и маршальский жезл (фр.).

верное, вы знаете, что Инфанте всего лишь неполных пятнадцать лет и что она красивее Королевы. В будущем месяце она вернется с мужем в Париж, где в Hôtel de Ville¹ готовится бал и разные другие торжества. Когда я ее увижу, то напишу вам, так ли она красива, как г[ерцогиня] Жуанвиль (бразильская принцесса), самая красивая в семье: высокая, бледная, большие глаза, брюнетка.— Паппа Рашель, которая, как говорили, по болезни собиралась оставить Французскую комедию, чувствует себя лучше, и говорят, что вскоре она снова будет играть. <...>

Здесь сегодня гремит гром и довольно жарко. Садовник пересаживает цветы. К Jardin des Plantes² за 900 с чем-то тысяч прикупили соседние участки земли. Среди них des terrains³, принадлежавшие некогда Бюффону. Несмотря на это, он никогда не будет так прекрасно расположен, как ваш: на берегу Вислы на возвышенности. Жираф, которого, как мне кажется, еще видели Енджеевичи, умер. Я был бы рад никогда не сообщать вам более печальных новостей, чем эта. В этом году я получил как будто больше *faïences*⁴, чем о смерти; только извещение о смерти старого *s[on]te*⁵ де Сабран, которого я очень любил и с которым часто писал вам примерно лет восемь назад; он писал прекрасные сказки, а вернее, сочинял устно, потому что он ничего, или почти ничего, не записывал; в некоторых он подражал Красицкому. Кроме этого, я не получил ни одного траурного извещения. Наоборот, я выдал замуж одну ученицу в Бордо, другую в Геную. В Геную, где только теперь ставят памятник Христофору Колумбу, родившемуся там. Оттуда я, должно быть, писал вам о дворце, который носит его имя и *écusson*⁶. Пани Виардо — в Берлине с мужем и матерью. В этом году она здесь не была. Через месяц она будет в Париже, где я ее, наверное, увижу, а потом на зиму снова вернется в Берлин, где она ангажирована. Говорят также, что Саламанка, кроме Гризи и Персиани, пригласил на будущее лето в Лондон также и ее—

---

¹ Ратуша (фр.).

² Ботанический сад (фр.).

³ участки (фр.).

⁴ извещение о свадьбе (фр.).

⁵ граф (фр.).

⁶ герб (фр.).

но об этом я *directement*¹ не знаю. Я хотел бы заполнить свое письмо самыми лучшими новостями, но ничего не знаю, кроме того, что вас люблю и люблю.

Немного играю — немного пишу. Своей виолончельной *Сонатой* я то доволен, то — нет. Швыряю ее в угол, а потом снова подбираю. — У меня три новые *Мазурки** — не думаю, чтобы они со старыми дырами [неразборчиво], но пужно время, чтобы судить об этом как следует. Когда сочиняешь, все кажется хорошим — иначе ничего бы не писалось. Только позже начинаешь размышлять — и тогда или отбрасываешь, или принимаешь. Время — лучший цензор, а терпение — прекраснейший учитель. — Надеюсь вскоре получить от вас письмо, однако я спокоен, потому что знаю, как при вашей многочисленной семье вам трудно собраться всем и написать мне словечко, тем более что пера и бумаги нам недостаточно, — даже не знаю, сколько бы нам понадобилось лет, чтобы наговориться *roug être au bout de notre latin*², как говорят здесь. Поэтому не удивляйтесь и не огорчайтесь, если от меня нет писем, так как причина тому та же, что и у вас; к удовольствию писать вам всегда примешивается известное огорчение — сознание того, что между нами не живые слова, а лишь мертвые вещи. Мое самое большое счастье — это знать, что вы здоровы и в хорошем настроении. Будьте всегда исполнены надежды; у вас замечательные дети (пишу во множественном, потому что знаю, как Антоний с Изабеллой относятся к моим племянникам), а о Бабушке [неразборчиво] и говорить нечего! Было бы здоровье, и все будет хорошо. — Я чувствую себя неплохо, потому что погода хорошая. Зима обещает быть неплохой, а если [неразборчиво] побережься, то сойдет, как и прошлая, — бог даст не хуже. Скольким людям приходится хуже [чем мне]! Правда, многим и лучше, но о них я не думаю.

Я написал панне де Розьер, чтобы она велела моему обойщику постелить ковры, повесить занавески и портьеры. Скоро уже надо будет подумать и о мельнице, то есть об уроках. Я, вероятно, уеду отсюда вместе с Араго и оставляю здесь еще на некоторое время Хозяйку, потому что ее сын и дочь не торопятся вер-

---

¹ определенно (*фр.*).

² Здесь: так, чтобы исчерпать все до конца (*фр.*).

нуться в город. В этом году поднимался вопрос о поездке в Италию на зиму — но молодежь предпочитает деревню. Однако весной, если Соль выйдет замуж или Морис женится (оба дела на ходу), то наверняка планы изменятся. Это между нами. Вероятно, в этом году этим и кончится.

[Приписка:]

Парню исполнилось двадцать четыре, дочери — семнадцать. Но пусть это пока останется между нами.

[Продолжение письма:]

[Сейчас] пять, а уже так темно, что почти ничего не видно. Я кончаю письмо. Через месяц из Парижа напишу вам побольше. А пока радуюсь тому, что смогу немного поговорить о вас с Новаком. Обнимите от меня Тытуса, если видите его, и жильца Кароля; и моего крестного — когда он вернется; и если в будущем году он поедет в Брюссель (ибо там намечена сессия, подобная той, которая происходила в этом году во Франкфурте), то я надеюсь повидать его, так как железная дорога уже давно окончена. Напишите мне также о Юзефе с женой * — и обо всех добрых знакомых.

Обнимаю вас сердечно, [целую] Мамочке ручки и ножки.

Ш.

[Приписка:]

Мне жаль этой незаполненной бумаги, которая ни с чем отправляется к вам, но если я не отошлю сейчас *à la hâte*¹, то завтра опять начну другое письмо, и оно никогда не кончится. Я посылаю его п[анне] де Розьер, которая, как обычно, всунет туда листочек для Людвики. Сердечно обнимаю вас всех.

---

¹ немедленно (фр.).

Париж, 28 марта — 19 апреля 1847

Начато за неделю до Пасхи,
закончено 19 апреля

Мои Дорогие и Милые.

Если не ответишь сразу, то потом никак не соберешься, и совесть отталкивает от бумаги вместо того, чтобы подгонять. Пани С[анд] здесь около двух месяцев, но сейчас же после праздников она выезжает в Ноан. Соль пока не выходит замуж, и когда они съехались здесь, чтобы подписать контракт, ей расхотелось; я жалею об этом, и мне жаль юношу*, потому что он человек достойный и влюблен, но уж лучше, что это случилось до, а не после свадьбы. Говорится, что отложено, но я-то знаю, как обстоит дело.

Вы спрашиваете, что я буду делать летом; ничего иного, кроме того, что всегда: поеду в Ноан, как станет тепло, а до тех пор останусь здесь, чтобы, как обычно, давать у себя на дому много неутомительных уроков*. Если Тытус поедет, как собирался, то я был бы рад провести с ним здесь некоторое время. Не думаю, чтобы вы, Барциньские, решились, но если бы так случилось, я мог бы где-нибудь увидеться с вами, потому что летом у меня есть время, и я могу себе позволить истратить немного из заработанных зимой денег, если со здоровьем все будет благополучно. В этом году мои приступы (*crises*, чтобы не писать так, как *garde malade*¹ Альберта, когда он был болен: «*la cerise*² de Monsieur») *, так вот мои приступы не очень часты, несмотря на сильные холода. Пани Рыщевскую я еще не видел. Пани Дельфина Потоцкая (вы знаете, как я ее люблю) собиралась у меня быть с нею, но несколько дней тому назад уехала в Ниццу. Перед ее отъездом я у себя сыграл ей с Франкоммом свою *Сонату*. В этот вечер кроме нас у меня были князь и княгиня* с герцогиней Вюртембергской, п[ани] С[анд], и было очень мило.

Только что Франк[омм] принес мне ложу в Консерваторию на завтра и просил кланяться Енджееви-

¹ сиделка (фр.).

² вишня (фр.).

чам. Бедняга, все трое его детей тяжело болеют корью. Несчастье, которое мне не угрожает. Новак[овский] (которого Франк[омм] часто видел у меня и которого считает дураком с тех пор, как однажды видел, что тот не захотел ехать со мной на вечер к Легуве, где среди выдающихся людей он мог бы вблизи увидеть и услышать, напр[имер], Лаблаша), так вот, Новак, наверное, уже у вас.

Славный, но такой растяпа, что упаси бог. Так, напр[имер], у него было письмо к Жанену. Он мне сказал об этом недели за две до своего отъезда; я говорю ему, что слишком поздно, но в тот же вечер повел его на вечер к Гавару, где был и Жанен, которому я хотел его представить, но он отказался. Через несколько дней он приходит ко мне и рассказывает, что передал письмо Жанену и что [тот] напишет о нем статью, но только просит, чтобы я написал, что именно следует говорить о его [Новаковского] сочинениях, и послал бы это Жанену в тот же день до 4-х. Я ничего не понял и спросил — с кем он был у Жанена. Он сказал мне — с редактором «Courrier [Francais]», intime¹ другом Жанена. Я знаю en chef² редактора «Courrier [Francais]» Дюрье; спрашиваю, не он ли? — Нет, какая-то другая фамилия, которой я никогда в жизни не слыхал. Но я подумал, что, может быть, это какой-нибудь домашний друг Жанена, и поэтому говорю Новаку, чтобы он завтра утром был у меня, мы вместе поедem к Жанену, и пусть он сам скажет ему, чего хочет.

На следующий день меня вносят * к Жанену, который с женой принимает меня самым любезным образом. Предлогом своего посещения я выставил благодарность за хороший прием, оказанный моему соотечественнику. На это он мне отвечает, что он сказал Новаку, что вместо рекомендации ему достаточно записки от меня (un petit mot de Chopin) и прибавил — et imaginez-vous qu'il s'est fait présenter par un imbécile dont je ne sais même pas le nom³; итак, оказывается, этот ami intime⁴ — это человек, имени которого Жанен даже и не знает. Мы оба посмеялись над доб-

¹ близкий (фр.).

² главный (фр.).

³ и представьте, что он является ко мне с дураком, которого я даже не знаю по имени (фр.).

⁴ близкий друг (фр.).

рым Новаком, который под моей рекомендующей его запиской вообразил целую статью; славный Новак ровно ничего не понимает по-французски, кроме: *gagcon, café, bougie, cocher, dîner, jolie mademoiselle, bonne musique*¹. Как Цихоцкий с печкой, так и он здесь провел время не знаю уж с какой мебелью, и под конец мне приходилось посылать за ним, чтобы увидеть его. Здесь при моем посредничестве печатают его этюды — они посвящены мне. Это его радует больше всего на свете. Он страшно доволен, что его издадут. Он слишком стар для того, чтобы научиться чему-нибудь новому или навести порядок у себя в голове. Добрый малый; что укусит, то и съест². Я его люблю и таким, потому что это очень старый знакомый; да я и забыл, что у нас еще много таких людей, которые живут и сами не знают как, зачем и почему. Он поэтому нас всех любит, как умеет; и я тоже, как мог, помогал ему здесь. Но часто я стучался в его душу и не получал ответа, а парик (который ему сделал Дюран) прикрывает сплошную пустоту. Он это и сам знает и понимает — да и где и как он воспитывался? Кроме того, я требовал от него слишком многого, потому что не мог отделить его от воспоминаний о вас. Он передал мне песни Кольберга; охота смертная, да участь горькая. Часто, видя подобные вещи, я думаю, что лучше бы их вовсе не было, потому что этот изнурительный труд лишь спутает и затруднит работу гения, который в свое время отыщет истину. А до тех пор вся эта красота останется с приделанным носом, нарумяненная, с отрубленными ногами или на ходулях и будет посмешищем для тех, кто бросит на нее поверхностный взгляд.

Совершенно ненужные вещи я написал вам, но это уже с неделю назад. Сегодня я опять один в Париже. Вчера уехала п[ани] С[анд], Соланж, кузина (та самая)* и Люс, и еще три дня прошло. Вчера я уже получил письмо из деревни, что они здоровы и веселы, но у них дожди, как и у нас здесь. Несколько недель назад открылась выставка картин и скульптур, но там нет ничего выдающегося, созданного известными мастерами, зато появилось несколько новых настоящих талантов, например скульптор, который выставляется всего вто-

¹ мальчик, кофе, свеча, кучер, обед, красивая девушка, хорошая музыка (фр.).

² Польская поговорка.

рой год. Клезанже, и художник Кутюр, огромная картина которого, изображающая пир в Риме времен упадка, обращает на себя всеобщее внимание*. Запомните фамилию скульптора — я, вероятно, буду вам часто о нем писать, так как он был представлен п[ани] С[анд]. Перед ее отъездом он вылепил бюсты ее и Соланж; все ими восхищаются — они, вероятно, будут выставлены в будущем году. В четвертый раз сажусь за это письмо сегодня, 16 апреля, и не знаю, закончу ли еще его, потому что должен идти к Шефферу позировать для моего портрета и, кроме того, дать пять уроков.

Я написал вам о выставке, теперь о музыке. Итак, *Христофор Колумб* Давида до сих пор пользуется почти таким же успехом, как и его *Désert*¹. Хотя уже было три представления, я его еще не слышал, да меня и не тянет. Один из юнцов, что еще гоняется за словечками, сказал: «On à crié bis, on à crié ter» (terre — земля)*. 4-я часть, где песни индейцев, как будто бы очень хороша. Вчера Вьетан давал второй концерт, я не мог быть, но Франкомм говорил мне сегодня, что играл он прекрасно и что новый его концерт очень хорош. Позавчера он был у меня с женой; я впервые играл ему. Если бы вчера у Лео после обеда меня не усадили за стол смотреть альбом одного художника, который 16 лет путешествовал по Америке и от рисунков которого я не мог оторваться (чудесные вещи! но их было слишком много для одного раза), то я бы пошел на концерт Вьетана. На завтра объявлен испанский спектакль (в Итальянской опере). Приехала испанская труппа и сегодня должна играть при дворе. Испанская королева-мать сейчас здесь (Кристина). Сегодня при дворе панна Рашель играет перед испанцами *Аталию*^{*}, в которой она, говорят, чудесна; я еще не видел. *Аталию* дают с хорами Госсекка. Госсек был известный и уважаемый французский композитор конца прошлого века. Последнее время среди хоров к *Аталии* (довольно скучных) в заключение обыкновенно исполняли очень красивый хор из *Сотворения мира* Гайдна. Госсек, будучи уже очень старым (это было лет 35 тому назад), услышав это, сказал с полной наивностью: «Je n'ai aucun souvenir d'avoir écrit cela»². Все ему очень легко поверили.

¹ «Пустыня» (фр.).

² Совершенно не помню, чтобы я написал это (фр.).

Посылаю Людвиге письмо от п[анны] де Розьер, а не от п[ани] С[анд], так как они торопились уезжать: Сегодня я опять получил вести из Ноана: они здоровы и опять устраивают дом по-новому — любят менять, переделывать — а Люс, которая поехала отсюда с ними, было тоже, как мне пишут, по приезде отк а з а н о. Так что из старых слуг, которых видели Енджеевичи, ни одного уже не осталось. Ни старого садовника, который прожил там сорок лет, ни Франсуазы, прожившей восемнадцать лет, а теперь Люс, которая родилась там и которую носили крестить в одной колыбели с Соланж, — все это со времени приезда той кузины, которая имеет виды на Мориса, а он этим пользуется. Это между нами.

11 часов. Пришла п[анна] де Розьер, греется у камина, удивляется, что мое письмо еще не отправлено, сокрушается, что ее письмо устарело, и хочет писать другое. Письмо снова прервано; прошел день. Итак, я был вчера у Шеффера, оттуда зашел к Делакруа, но зато у меня было меньше уроков. Не хотелось одеваться к обеду, поэтому я провел вечер у себя, наигрывая и напевая песни с берегов Вислы *. Сегодня проснулся в семь; пришел мой ученик Гутман, чтобы напомнить о своем сегодняшнем вечере; пришел Дюран, и был подан шоколад. Шоколад я получаю из Бордо, где его готовят специально без всяких добавлений в одном ч а с т н о м доме у кузенов одной из моих учениц, которая снабжает меня этим шоколадом.

Сегодня утром у нас еще был заморозок, но, к счастью, небольшой и, вероятно, безвредный для урожая, который ожидается в этом году. Хлеб здесь, как вы знаете, чрезвычайно дорог, и поэтому царит сильная нужда, несмотря на огромную *charité*¹. Разумеется, пани С[анд] много помогает в своей деревне и в окрестностях, и это одна из многочисленных причин (если не считать отложенной свадьбы дочери), по которой она этой зимой так рано уехала. Последнее ее появившееся произведение — это *Лукреция Флорини*, но уже четыре месяца как «*La Presse*» приняла ее новый роман, называющийся (пока) *Piccinino* (что значит: м а л е н ь к и й). Действие происходит в Сицилии. Много прекрасных мест; я не сомневаюсь, что Людвиге он понравится больше, чем *Лукреция*

---

¹ благотворительность (фр.).

[Флориани], которая и здесь вызвала меньше восторгов, чем другие [романы]. Piccinino — это sobriquet (прозвище), данное одному из тамошних бандитов за его маленький рост. Прекрасные женские и мужские характеры, много естественности и поэзии; помню, с каким удовольствием я слушал его чтение. Теперь она снова начинает писать что-то новое, но в Париже у нее не было ни минуты покоя.— Прошло еще три дня, сегодня 18-е. Вчера я должен был дать 7 уроков разным лицам, которые вскоре уезжают. Вечером вместо того, чтобы одеться и поехать в Сен-Жерменское предместье, я пошел вместе с Альканом смотреть Арналя в [театре] Водевиль в новой пьесе пана Дювера под заглавием: *Ci que femme veut...**. Арналь, как всегда, забавный, рассказывал публике, как ему на chemin de fer¹ захотелось пи-пи и как нигде до самого Орлеана он не мог выйти. Не произносится ни одного неприличного слова, но все догадываются, и в зале всеобщий смех. Раз, говорит он, остановились, и он хотел выйти, но ему сказали, что задержались «pour prendre de l'eau pour la machine et cela n'était pas son affaire du tout»² и тому подобное.

Сегодня 19-е.

Вчера меня прервало письмо из Ноана. П[ани] С[анд] мне пишет, что будет здесь в конце будущего месяца и чтобы я их подождал. Вероятно, дело идет о свадьбе Соль (но уже не с тем, о ком я вам писал). Дай им бог всего наилучшего. В последнем письме все были веселы, и я поэтому питаю добрые надежды. Если кто и достоин счастья, то это п[ани] С[анд].

Только что Турчинович принес мне церковные песнопения Стефани, но до его отъезда я не смогу их просмотреть, ибо он говорит, что уезжает сегодня. Я написал ему [Стефани] словечко благодарности, которое он просил меня дать ему в письменном виде. Если вы где-нибудь встретите Стефани, то поблагодарите его, так же как и Кольберга, за его усердный труд. Кончаю, потому что должен дать урок молодой Ротшильд, потом одной марсельке, потом англичанке, потом шведке, а в 5 [часов] принять одну семью из Нового Орлеана, рекомендованную Плейелем. По-

¹ железная дорога (фр.).

² набрать воды в машину, а ему нужно было совсем не это (фр.).

том я буду на обеде у Лео, потом на вечере у Пертюи, потом спать, если смогу Обнимаю вас. Новак, верно, уже у вас. Верник здоров; мы понемногу начинаем заниматься. Обнимите Тытуса и пишите мне о нем и о Дрездене. Лорка уже усхала; она, добрая душа, писала мне из Дрездена. Мери написал мне из Рима; он едет в Гьер, где находится Зофья Розенг[арт], которая чувствует себя довольно хорошо и счастлива; она мне писала. Обнимаю Мамочку и всех вас от всего сердца.

Ф. Ш.

[Приписка.]

Ясь писал мне, что здоров, но! но! что он думает всерьез взяться за работу и рассчитывать только на свои собственные силы. О многих интересующих вас вещах я, может быть, и забываю написать, а пишу о менее интересных,— простите, я не всегда бываю одинаково расположен; я решил сегодня отослать это вечное письмо. И потому довольствуйтесь новостью, что я здоров и что сегодня солнце — в первый раз за всю неделю.

36. ЖОРЖ САНД В НОЛИ

Париж, 15 мая 1847

Как мне выразить, сколько радости принесло мне ваше доброе письмо, которое я только что получил,— как заинтересовали меня все превосходные подробности, касающиеся того, чем вы сейчас заняты. Вы хорошо знаете, что никто из ваших друзей не желает счастья вашей дочери сильнее и искреннее, чем я.—

Итак, передайте это ей, пожалуйста, от меня. Я уже поправился.— Да поддержит бог ваши силы и ваши дела. Будьте покойны и счастливы.

Ваш преданный

Ш.

37. СОЛАНЖ КЛЕЗАНЖЕ В НОАН

Париж, вторая половина мая 1847

Я уже просил вашу мать передать вам мои самые искренние пожелания — и на этот раз вновь не могу удержаться, чтобы не выразить вам всей радости, какую мне доставило ваше прелестное письмо, из которого я вижу, сколь вы счастливы. Вот вы и на вершине счастья — именно такую я надеюсь вас видеть всегда. От всей души желаю вам неизменного благополучия.

До скорой встречи, надеюсь.

Ш.

38. РОДНЫМ В ВАРШАВУ

Париж, 8—9 июня 1847

8 июня [18]47

Прежде всего, поздравляю горячо любимую Мамочку — с Именинами — как всегда.

Мои самые дорогие.

Я получил ваше доброе письмо и доволен, что ваше здоровье лучше. — 2 мая у меня был сильный приступ астмы, и пришлось просидеть недели две дома. — Однако обошлось — и так как погода сейчас хорошая, то я уже вполне здоров, — говорят, что это гарантия долгой жизни, — впрочем, не стоит об этом. Но это явилось причиной того, что я вам давно не писал.

Что касается выхода Соль замуж, то свадьбу сыграли в деревне во время моей болезни *, — и я совершенно искренне не сержусь на это, потому что не знаю, с каким видом я бы смотрел на все это. — Он, новобрачный, черт знает из какой семьи. Он был представлен, и вплоть до последнего выезда в деревню никому и в голову не приходило, что дело может этим кончиться. Мне, однако, сразу не понравилось, что мать восхваляла его до небес, что чуть ли не каждый день ездила к нему в atelier¹ позировать для бюстов, что ежедневно принимала от него цветы и разные разности — собачек и т. д. (потому-то я вам и написал в

---

¹ мастерская (фр.).

последнем письме, что, вероятно, вы еще услышите о нем). Она — любящая мать, но у нее нет ни на грош практического ума: она пригласила его в деревню; а он только этого и хотел — поехал, оказался очень ловким, они и оглянуться не успели, как все свершилось. Соль нравились подарки — к тому же он чуть ли не второй Микеланджело, ибо отлично ездит верхом (он был кирасиром, так что неудивительно). Морис тоже был за него, потому что не терпел де Прео, — ибо тот учтивый и светский, — а этот сразу сообразил и начал курить ему фимиам; прибавьте к этому то, что мать окружила все тайной, вследствие чего они имели о нем только такие *renseignements*¹, какие ему было угодно дать. —

А между тем все здешние друзья — и Марлиани, и Делакруа, и Араго, и я — получили сквернейшие сведения о том, что касается его личности. Например, что он в долгах, что он грубиян и бил свою *maîtresse*², которую сейчас, женясь, бросил беременной, и т. д., и т. д., что пьет (это мы здесь все видели — но это относят за счет гениальности). Словом, все артисты, зная его в Париже как хлыща, не могут прийти в себя от удивления, как это п[ани] Санд выбрала его в зятя. [Там] до сих пор все очень довольны. — Он мил, как только может. — Она [Соланж] счастлива своим новым положением — у нее кашемиры и ездит верхом, но, я полагаю, не пройдет и года после первого ребенка — и матери придется платить долги. Они мне несколько стеснялись писать об этом, когда были в деревне, и у меня теперь имеются любопытнейшие в этом отношении письма. Выиграл на этом больше всего сын — и не только потому, что получил безголового шурина, чем он может пользоваться в определенном смысле, но еще и потому, что его отец, почтенный пай Д[юдеван], ничего не дал Соль в приданое — ни булавки, а значит, ему больше достанется. Кроме того, та кузина Ог[юстина], на которой он будто бы когда-то должен был жениться, выходит тоже теперь замуж за Руссо*, известного пейзажиста, человека порядочного, жившего в том же доме, что и Клезанже.

Это, по-моему, самое мудрое — одной заботой меньше и у пани Санд, и у сына, потому что оба зашли

¹ сведения (фр.).

² любовница (фр.).

слишком далеко.— Она должна была содержать всю семью, не считая девицы [Бро], до ее выхода замуж, а он — обещал жениться, к чему у него не было ни малейшей охоты. Девушка красивая — вот ему и казалось, что он ее любит, а когда надо было принимать решение, парень всегда отступал. Итак, все сейчас здесь, чтобы закончить это дело, — и уже позавчера были сделаны оглашения в церкви Notre Dame de Lorette и в *mairie*¹. — Затем сразу же уезжают в деревню — не знаю, поеду ли я вместе с ними, — откровенно говоря, мне не хочется, так как помимо Хозяйки, сына и дочери придется привыкать к новым лицам, а с меня их и так уже хватает. Из всех, кого Люд[вика] видела в деревне, никого уже не осталось. Пять новых слуг. — Между нами говоря, все старые истинные друзья п[ани] С[анд] не перестают удивляться этому странному браку — никого из них на свадьбе не было. Соль со мной приветлива, как всегда, он тоже в высшей степени приветлив — я как обычно — но на душе у меня нехорошо. —

В парижском обществе этот *mariage*² также произвел неблагоприятное впечатление, потому что его скульптура, бывшая на выставке, представляет собой нагую женщину в самой непристойной позе и, чтобы *motiver sa pose*³, потребовалось к ее ногам приткнуть змею — так извивается, просто ужас*. А это попросту скульптура, заказана Мозельманом (братом пани Леон, о которой я не раз писал вам, жены бывшего бельгийского посла) и изображающая его любовницу. Его и других, *car c'est une femme entretenue très connue dans Paris*⁴. — Вот люди и удивляются, что столь юная девушка, как Соль, влюбилась в артиста, выставяющего такие соблазнительные *roug ne pas dire*⁵ бесстыдные произведения. Но в действительности в искусстве нет ничего бесстыдного — и, в сущности, выпяченный живот и груди очень красиво вылеплены — ругаюсь, что на будущей выставке публика под видом новой статуи будет осматривать живот и груди его жены. — Деларош всюду писал свою покойную жену — а этот будет ваять из белого мрамора задочек

¹ мэрия (фр.).

² брак (фр.).

³ оправдать эту позу (фр.).

⁴ ибо это очень известная в Париже содержанка (фр.).

⁵ чтобы не сказать (фр.).

Соль — *il est de cette force*¹. Пани С[анд] писала мне о нем из деревни: *il est hardi, lettré, actif et ambitieux*² — будто это достоинства! — Это была вспышка безумия, длившаяся меньше месяца, — [и] не было никого, кто бы окатил холодной водой. Первое ее письмо о предполагаемом браке я получил 1-го мая, а 21-го свадьба уже была сыграна. Рассуждая здраво — жаль, а впрочем, может быть, и очень хорошо — с той точки зрения, что п[ани] С[анд] всегда поступает необычно и что в итоге все оборачивается на благо — даже то, что на первый взгляд представляется невыносимым. У нее, как я ей не раз говорил, своя звезда, которая ведет ее; часто, когда приходят черные мысли, я ее утешаю этим. — И это на самом деле так. Несчастье ее с мужем обернулось в хорошую сторону. Дети, которых она любит больше всего, всегда были при ней — воспитала их здоровыми и счастливыми. Сама, несмотря на огромную работу, здорова — даже зрение не ослабело, хотя она и написала столько томов (свыше девяноста). Все ее обожают — она не бедна — занимается благотворительностью; вместо того, чтобы устроить свадьбу дочери, она дала тысячу фр[анков] на бедных своего прихода, как у нас говорят. —

Только порой говорит неправду, но романистке это позволительно. — Так, однажды она спросила меня, не знаю ли я чего-нибудь о Мери, — меня это поразило — спрашиваю, в чем дело, — она уклонилась от ответа, хотела, чтобы я узнал о его смерти как-нибудь случайно, а не от нее! Так вчера и случилось [слово зачеркнуто] — жена сына *propriétaire*³ нашей последней квартиры, которая через несколько дней привезет от меня Маме на именины табакерочку, — случайно сказала мне об этом, полагая, что я давно это знаю*. Это третий за этот год. Антось [Водзиньский], Изыдор Собаньский, которого я очень любил, — и этот славный, который еще писал мне из Рима. Посылаю Людвике записку от п[ани] С[анд] и панны де Розьер. — *Pour me refaire un peu*⁴ перед приездом п[ани] С[анд], я был в деревне у Альбрехта — à Ville d'Avray в окрестностях Парижа, рядом с Версалем. Моя крестница уже

¹ это в его духе (фр.).

² он дерзок, образован, энергичен и честолюбив (фр.).

³ хозяин (фр.).

⁴ Чтобы немного окрепнуть (фр.).

большая девочка, как Людка, и о[чень] красивая. Если бы кто-нибудь из вас выезжал в этом году, я, может быть, тоже отправился бы к Рейну. Жаль, что Тытуса держит его фабрика. Обнимите его. Радуют меня Марыни и Олеси. Дай им бог всяких благ.—

Сегодня 9-е. Вчера я не мог послать это письмо, так как надо было дать еще несколько уроков, которые меня задержали. Вы не поверите, как любезны мои милые ученицы. Вчера младшая Ротшильд прислала мне очень красивый *un verre d'eau*¹ с позолоченным подносом и ложечкой — хрустальный бокал *avec un pied en vermeille — ciselé et dans un charmant socle*².— Я не получил еще ваших рукоделий, но заранее от всего сердца благодарю вас и прошу не портить себе глаза такими вещами. Будьте здоровы, я вас люблю, как всегда.—

Клянусь вам, что я теперь совершенно здоров. Я, насколько могу, спокоен — хотя признаюсь вам, что это неудачное замужество Соль, которую я с десяти лет привык видеть почти ежедневно и часто бывал посредником между нею и матерью, произвело на меня несколько неприятное впечатление.— Мне жаль де Прео, но он очень хорошо себя вел и с достоинством принял все это, так что против него ничего не смогут сказать, кроме того, что дело не сладилось.— Что касается моей музыки, то я буду сейчас печатать свою *Сонату* с виолончелью, которую слышал Нов[аковский], — а также новые *Мазурки* *.

[Приписка:]

Франкомм каждый день навещает меня и кланяется Людвике. Также и славные Гавары, которых я видел вчера.

[Продолжение письма:]

— Вчера я опять позировал у Шеффера, портрет продвигается.— Винтерхальтер также сделал небольшой карандашный — для моего старинного друга Плана де ла Фэй (о котором я вам когда-то писал).— Он очень похож. Имя Винтерхальтера вам должно быть известно. Это добропорядочный и славный человек, с большим талантом. Леман (о кото-

¹ стакан, бокал (фр.).

² с ножкой из позолоченного чеканного серебра — в великолепном ларце (фр.).

ром вы, вероятно, тоже знаете) также написал мой небольшой портрет для Лео — но в отношении сходства все это не может сравниться с портретом, который имеет Людвига, работы п[ани] С[анд].— П[ани] С[анд] в мое отсутствие написала новую вещь, и сейчас она ее закончила, назвав *Célio Floriani*. Я не знаю ее, но она мне говорила, что [книга] по размерам невелика, и в ней идет речь о драматическом искусстве. Еще не знаю, в каком журнале она выйдет.—

Лорка писала мне недавно из Дрездена — но я, по своему обыкновению, ей не ответил. Доброе создание — ничему не удивляется. Поскольку Люд[вика] интересуется подробностями о зяте п[ани] С[анд], — так вот: отец его — скульптор в Безансоне, известен только там; своим трудом скопил некоторое состояние, которое заключается в нескольких домах в этом городе. Множество детей, семь или девять. Еще мальчиком он [Огюст Клезанже] был взят на воспитание кардиналом де Роан — и должен был готовиться к духовному званию, но через полгодика он покинул его — взялся за рисование и скульптуру.— Тут начинается темная жизнь — разные некрасивые дела — его прогнали отсюда, прогнали оттуда; в конце концов, он едет в Италию, где ему приходится удирать от долгов из Флоренции. Отец отказался от него — тогда он поступает в кирасиры, но и тут задержался недолго. Года два тому назад им была выполнена статуэтка, изображающая маленького фавна, о которой очень хорошо отзывались. В этом году — та женщина и несколько очень красивых бюстов, а также портреты детей Агуадо — и женился на Соланж! — Друзей у него нет — поэтому нет и никаких рассказов о нем. Отец его на свадьбе не присутствовал, только прислал письмо. П[ани] С[анд] даже не видела его, а лишь слышала о нем от сына. О матери говорят только, что она все время сидит в рубашке, никто ее не видел. С ним был младший брат, парень лет девятнадцати, который на одном обеде слегка напился и поссорился с Морисом, и тогда он [Клезанже] отправил его обратно. Этот парень доставлял ему одни неприятности.— Ему самому 33 года, а Соль — 18. Мне кажется, разница слишком велика. Де Прео было 25.— Впервые Клезанже был представлен год тому назад паном д'Арпантињи — бывшим капитаном, остроумным, веселым французом, который, узнав, что Соль должна выходить замуж за пред-

ставленного им, написал матери письмо (о котором я знаю), деликатно сообщая, что он представил ей человека, имеющего талант, но личные качества которого он не гарантирует — и потому долгом своим почитает осведомить об этом мать, поскольку он сам ввел его в дом. Но п[ани] С[анд] n'a pas tenu compte de cela¹. Она ответила ему вежливым письмом — а он с тех пор сюда ни ногой и сказал п[ани] Марлиани, что от него нельзя требовать, чтобы он бывал в доме, где в сыновья взяли того, о ком он вполне искренне и убежденно, с лучшими намерениями, написал столько дурного. Это обычный подход к такого рода вещам в обществе. Но поскольку они тут обычно не обращают внимания на общественное мнение — то пренебрегают этим, да так оно, возможно, и лучше.—

Если у вас прекрасная погода, то здесь вот уже несколько дней холодно — и много простуженных. Говорят, что это врачи ввели в моду после обеда, то есть около 8-ми, выезжать на прогулку в Champs Elysées, чтобы простужались.— Ибо в самом деле на Елисейских полях можно теперь вечером видеть вереницы прекрасных экипажей, наполненных разодетыми дамами, в то время как в прошлом году это происходило от 4-х до 6-ти [часов].— Вы знаете об открытии эфира, и пока нет другого подобного же всеобщего увлечения, которое бы его затмило*. Хотя уже лето, но Париж еще не вполне опустел — заседания палат еще продолжаются, и много иностранцев. Опера неважная.

<...> Но что сейчас интересует парижскую публику — это Ипподром,— где под открытым небом (вроде нашей Хесы, только возведенной в высшую степень,— пусть Бартек видит, что я знаю алгебру) представляют в подлинных костюмах старинные турниры и ристалища,— труппа состоит из нескольких сот коней и людей. Люди — лишь дополнение. Сейчас замечательно представляют в костюмах времен Франциска I-го (Le Camp du Drap d'or)* турнир совсем настоящий — роскошные наряды — и женщины — и пажы — и все, что только можно вообразить. И в Большой опере никогда не было более богатых костюмов и доспехов. Нарочно падают с коня — сражаются в старинном вооружении, сшибаются друг с другом — каждый со своим гербом — на доспехах сверкает солн-

¹ с этим не посчиталась (фр.).

це — блеск — звон и бряцание оружия — словом, спектакль самый что ни на есть исключительный. Каждый из этих актеров, вся роль которых сводится к роскошному наряду, воображает себя тем самым герцогом, тем графом, тем князем, которого представляет. А эти женщины — думают, что они в самом деле — те дамы, за которых сражаются или которые своими добродетелями и красотой вдохновляют победителей.—

Передайте привет крестному*, и Эльснеру, и всем. И Новаку тоже, и поблагодарите его от меня за то, что вам все отвез.— Вернику я пока дал немного уроков, так как у меня мало времени — помаленьку — из него что-нибудь и выйдет — он говорит мне, что работает, следуя моим указаниям, и что у него начинает выходить лучше.— Плейель был очень болен лихорадкой, теперь купил *une propriété*¹ около Монморанси и там проводит лето.— Он ежедневно приезжает по железной дороге в Париж и от 12-ти до 5-ти бывает на своей фабрике — потом снова там дышит свежим воздухом. Сегодня в четыре я принимаю друзей из Тура — (Форе), которым обещал сыграть с Франкоммом *Сонату*.— Он переделал, как вы знаете, для оркестра мою *Сонату* с маршем* — а вчера привез мне один *Notturno*, к которому подставил слова *O salutaris*; они хорошо поются.— Двери у меня не закрываются от разных визитеров, которых бывает невозможно отправить ни с чем.— Давно следовало бы счесть меня невежей, но как-то еще сходит.— Обнимаю вас сердечно. Скоро опять напишу вам.

Отвечайте мне.— Мамочке всего самого лучшего.

Преданнейший

Ш.

Людвигу, Изабеллу обнимаю. Это письмо более интересно Людвиге, чем вам, потому что она знает здешних — но я адресую вам всем и знаю, что некоторые вещи вы оставите при себе.— Антка, и Каласанты, и детей обнимаю.

---

¹ имене (фр.).

Париж, 24 июля 1847

24 июля

Не мне говорить Вам о г-не Кл[езанже]. Я даже с именем г-на Кл[езанже] мысленно освоился лишь с момента, когда Вы выдали за него Вашу дочь.

Но что касается ее — то она не может мне быть безразличной. Вы помните, что я ходатайствовал перед Вами за Ваших детей всякий раз, когда к этому представлялся случай, без всяких предпочтений, будучи убежден, что Вы предназначены любить их всегда, — ибо это единственная привязанность, которая не проходит. Несчастье может ее затуманить, но не истребить.

И нынешнее несчастье, видимо, очень велико, коль скоро оно не дает Вашему сердцу услышать Вашу дочь сейчас, когда она находится на пороге своей новой жизни, в период, когда ее физическое состояние требует, как никогда раньше, материнских забот. —

Перед лицом столь серьезного события, которое трагивает Ваши самые святые чувства, — я не буду говорить о том, что касается меня. —

Время сделает свое. — Я буду ждать — неизменно тот же. —

Ваш совершенно преданный

Ш.

[Привет] Морису.

40. АСТОЛЬФ ДЕ КЮСТИН — Ф. ШОПЕНУ В ПАРИЖ

Париж, февраль 1848

Вы обрели больше страдания, больше поэзии; меланхолия ваших сочинений еще глубже проникает в сердца; слушатель наедине с вами даже в толпе; это не фортепиано, это душа, и какая душа! Берегите себя для ваших друзей; это такое утешение — иметь возможность иногда вас услышать; в те суровые дни, что нам угрожают, лишь искусство — таким, как вы его чувствуете, — сможет объединить людей, разделенных внешнею стороною жизни; погружаясь в Шопена, люди

начинают любить и понимать друг друга. Вы превратили публику в круг друзей; наконец, вы равны самому себе; этим все сказано.

Думайте обо мне; я могу думать только о вас.

Неизменно тот же

А. де Кюстин*

41. СОЛАНЖ КЛЕЗАНЖЕ В ГИЙЕРЫ

Париж, 5 марта 1848

Париж, 5 марта, воскресенье

Вчера я отправился к госпоже Марлиани и, выходя от нее, в дверях прихожей встретился с Вашей матерью, которая входила с Ламбером.— Я поздоровался с Вашей матерью, и следующим моим словом было: давно ли она имела известия от вас? — «Неделю тому назад»,— ответила она мне.— «А вчера, позавчера?» — «Нет».— «В таком случае сообщаю вам, что вы бабушка: у Соланж дочка — и я очень рад, что первым могу сообщить Вам эту новость». Я поклонился и спустился вниз по лестнице.— Меня сопровождал Комб, абиссинец (который из Марокко попал прямо в Революцию),— и так как я позабыл сказать, что Вы здоровы, вещь важная, особенно для матери (теперь Вы легко это поймете, мамаша Соланж),— то я, не будучи в состоянии взбираться сам, попросил Комба подняться и сказать, что Вы здоровы и ребенок тоже.—

Я поджидал абиссинца внизу, но тут Ваша мать сама спустилась вместе с ним и с большим интересом расспрашивала меня о Вашем здоровье. Я ей ответил, что Вы сами написали* мне карандашом несколько слов на следующий день после рождения ребенка, что Вы очень страдали, но при виде дочурки забыли все. Она спросила меня, был ли Ваш муж при вас. Я ответил, что адрес на Вашем письме, как мне показалось, был написан его рукой. Она спросила, как я себя чувствую,— я ответил, что здоров,— и попросил швейцара открыть мне дверь*. Я поклонился и пешком* дошел до Cour d'Orléans; абиссинец провожал меня.

Ваша мать уже несколько дней здесь, как сказал Бокаж Гжим[але].— Она живет у Мориса, улица

Condé, № 8, возле Люксембурга. Она обедает у П е н с о н а (ресторан, где мы однажды были с Делатушем) — там она принимает, туда она просила вчера Комба прийти повидаться с ней и сообщила ему о своем скором отъезде в Ноан. Я полагаю, что в Ноане ее ждет письмо от Вас.— Выглядела она здоровой.— Думаю, что она счастлива от торжества республиканских идей — и что новость, которую я сообщил ей вчера, еще более увеличит ее счастье.

Берегите себя, берегите себя все трое.

Преданный вам

Ш.

Продолжает царить спокойствие — Мальфиля уже нет в Версале — он управлял всего три дня.

42. ЮЛИАНУ ФОНТАНЕ В НЬЮ-ИОРК

Париж, 4 апреля 1848

Мой милый.

Прими, как моего отца, как старшего, а значит, лучшего брата, милого Эрбо, который был моим первым знакомым в Париже, когда я приехал сюда из дому. Заклинаю Тебя Лицеом, обойдись с ним как можно приветливее, как он того заслуживает. Он благороден, и просвещен, и добр, и все остальное — и Тебя полюбит, несмотря на Твою лысину. Ты же, брюзга, бестия, слова доброго не написал мне ни в одном из своих писем; но это не беда, Ты где-то там, в душе, любишь меня так же, как и я Тебя. А теперь, может быть, еще больше, так как мы оба — бедные осиротевшие поляки, и Водзиньский, и Витвицкий, и Плятеры, и Собаньский ушли от нас. Ты мой добрый, старый Юльян — и баста.

Сердечно обнимаю Тебя, Дорогой мой.

Ш.

Если хочешь поступить умно, то сиди тихо и возвращайся лишь тогда, когда у нас что-нибудь начнет-ся наверняка. Наши собираются в Познани * Чарто-рыский поехал туда первым, но бог знает, какой оборот все это примет,— чтобы снова быть Польше... То,

что пишут здешние газеты,— вранье. Нет ни республики в Кракове, ни австрийский император не провозглашал себя польским королем, а в напечатанном во львовских газетах адресе Стадиону императора об этом вовсе и не просят, как это здесь сообщалось. Прусский король тоже не очень-то думает об отделении Познани; он оконфузился у себя, но познаньские немцы, несмотря на это, пишут ему адреса, что «поскольку эта земля завоевана кровью их отцов, а они даже не умеют гозорить по-польски, то они заявляют, что не хотят быть ни под каким управлением, кроме прусского». Все это, как видишь, пахнет войной, а где она начнется — неизвестно. Но если начнется, то в с я Г е р м а н и я вспыхнет.

Итальянцы уже начали. Милан выгнал австрияков *, но они еще сидят по окраинам и будут драться. Франция, вероятно, поможет, так как, чтобы облегчить свое положение, она должна отделаться от всякого сброда... У москалей, наверное, внутри тоже будет плохо, если они попробуют двинуться на пруссаков. Галицийские крестьяне подали пример волынским и подольским*; не обойдется без страшных дел, но в конце концов будет — Польша, прекрасная, могучая, словом: Польша. Итак, несмотря на нетерпение наше, подождем, пока карты хорошенько перетасуются, чтобы не тратить напрасно сил, столь необходимых в подходящий момент. Этот момент близок, но еще не сегодня. Может быть, через месяц, может быть, через год. Здесь все убеждены, что наши дела окончательно выяснятся до осени.

Твой старый

43. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Лондон, 13 мая 1848

Лондон, суббота 13

Мой Дорогой.

Даже не лень, а только лишь истраченное попусту время — причина того, что Ты ничего не получил от меня. Раньше восьми я не могу вылезти из постели. Мой итальянец, который печется о себе и о своих счетах, отнимает у меня время утром, а после 10-ти начинаются всякие напасти, не приносящие денег; около

часу — несколько уроков. Не могу ни ходить, ни много двигаться, стало быть, не забочусь о своих делах, однако замечаю, что дела как-то сами собой налаживаются, и если бы season¹* длился шесть месяцев, то я, может быть, немножко и заработал бы. Но пока я еще ничего не знаю. Только послезавтра герцогиня Сазерленд представит меня Королеве. Королева будет у нее in gratiam² крестин. Если Королеве и принцу Альберту, которые слышали обо мне, понравится, то это будет хорошо — так как начну с верхов.

Мне предложили играть в Филармонии, но я не хочу, потому что это с оркестром. Я был там и наблюдал. Прюдан играл свой *Концерт* и потерпел фиаско. Там нужно играть Моцарта, Бетховена или Мендельсона, и, хотя директора и некоторые другие говорят мне, что мои *Концерты* там тоже игрались, и с успехом, я предпочитаю воздержаться, потому что может ничего не получиться. Оркестр — как их ростбиф или черепаший суп — мощный, сильный, да и только; все, что я написал, — не является препятствием для осуществления этого намерения — но у них есть одно невероятное обыкновение: они никогда не репетируют, потому что время дорого теперь каждому; репетируют только один раз, да и то на публике.

Я еще не смог отдать писем: всех надо заставить в одно время — от 1 до 2-х.

В газетах тут пишут обо мне прекрасные статьи*. А вчера на концерте в Ковент-Гард[ен] Виардо пела мои *Мазурки**, которые просили повторить. По приезде она была у меня с мужем. Я отдал визит, но не застал. Она совсем не такая, как в Париже, и пела мои вещи без просьбы с моей стороны. Она выступала в *Сомнамбуле* в театре, где Гризи, Персиани, Альбони, Марио и т. д. Этот театр (Ковент-Гард[ен]) соперничает с театром Королевы (Hay Market), где Линд и Лаблаш. Пани Линд первый раз тоже выступала в *Сомнамбуле*.

Посылаю Тебе обрывок, написанный две недели назад. Пани Виардо имела меньший успех; Королевы не было, и ее смущало, что с нею пел не Марио, а лишь Флавио. Она была у меня, когда меня не было дома, но в воскресенье я должен их увидеть. — Вчера я был на обеде с Ж. Линд, которая потом до полуночи пела

¹ сезон (англ.).

² по случаю (лат.).

мне шведские вещи. Такие же своеобразные, как наши. У нас славянский колорит, у них — скандинавский, — совершенно разные, но мы друг другу ближе, чем итальянец испанцу.

Все ужасные новости о княжестве Познанском * я знаю от Стан[ислава] Козьмяна * и Шульчевского, к которому Залеский дал мне записку. Горе и горе; в душе мне уже ничего не хочется. У меня три форт[епиано]. Кроме плейелевского, одно Бродвуда, другое Эрара, но до сих пор я могу играть только на своем. Наконец-то у меня хорошая квартира, но едва я к ней привык, как хозяин хочет заставить меня платить вдвое дороже или взять другую комнату (я и так плачу 26 гиней в месяц). Правда, большая, великолепная гостиная, и я могу давать уроки (пока у меня пять человек), но я еще не знаю, как поступлю. Вероятно, останусь, так как другая комната и не такая большая, и не такая хорошая, и чтобы не менять адреса, раз он уже дан. Предлог для перемены условий тот, что письменно ничего не было обусловлено, значит — может повисить.

Что касается Соль, то у меня сердце болит. Бедные они все: ибо нам не может быть всегда хорошо. Меня удивляет, что Б[ори] плачет. Только бы маленькие и мать не плакали.

Плейелю я еще не писал. Не знаю, когда [напишу]. Обнимаю Тебя от всего сердца.

Твой
Ш.

Здесь английские газеты нехорошо пишут о п[ани] С[анд]. Так, напр[имер], что в каком-то саду (вероятно, Люксемб[ургском]) можно было видеть лежащего Ледрю-Р[оллена], а рядом с ним стояла п[ани] С[анд], и они вели разговор.

44. ЮЛИАНУ ФОНТАНЕ В ЛОНДОН

Calder House, Mid-Calder, Шотландия
(12 миль от Эдинбурга, если это Тебе
может доставить удовольствие),
18 Août 1848

Моя Жизнь.

Если бы я был здоров, то поехал бы завтра в Лондон, чтобы обнять Тебя. Может быть, мы не так-то уж скоро увидимся. Мы — старые цимбалы *, на которых

время и обстоятельства разыгрывали свои злополучные трели. Да, старые цимбалы, хотя ты и будешь отрещиваться от такой компании. Впрочем, это не отнимает ни красоты, ни благородства: la table d'harmonie¹ превосходна, только струны пооборвались, да некоторые колки повыскакивали. Беда лишь в том, что мы — работы славного скрипичного мастера, какого-нибудь Страдивария sui generis², которого уж нет на свете, чтобы починить нас. Мы не умеем издавать новых звуков под неловкими руками и душим в себе то, чего за отсутствием мастера никто уж не извлечет из нас. Я уже еле дышу: je suis tout prêt à crever³, а Ты, наверное, лысеешь и постоишь еще над моим [надгробным] камнем, как те наши вербы, помнишь? — что показывают свою голую макушку. Не знаю, почему мне сейчас вспоминаются покойные Ясь и Антек, а Витвицкий, а Собаньский! Те, с которыми я был в наиболее полной гармонии, тоже для меня умерли; даже Эннике, наш лучший настройщик, утопился.

Итак, нет уже для меня на свете хорошо настроенного, по моему вкусу, форт[епиано]. Моос умер, и никто уж не сделает мне такой удобной обуви. Пусть еще четверо или пятеро отправятся к воротам св. Петра, и вся лучшая часть моей жизни будет ad patres⁴. Мои милые, и Мама, и Сестры, слава б[огу], живы, но холера! Тытус, честная душа, тоже! Ты причисляешься, как видишь, к моим самым старым воспоминаниям, а я к Твоим, хотя Ты, кажется, моложе (как будто сейчас имеет значение, кто из нас двумя часами старше!). Уверяю, что я охотно бы согласился быть даже гораздо моложе Тебя, лишь бы обнять Тебя при моем [?] проезде. Непонятно, как Тебя не унесла желтая лихорадка, а меня желтуха — нам ведь обоим угрожали эти желтки.

Пишу Тебе глупости, потому что ничего разумного нет в голове. Прозябаю, терпеливо дожидаясь зимы. Мечтаю то о доме, то о Риме, то о счастье, то о горе. Никто теперь не играет по моему вкусу, а я стал таким снисходительным, что мог бы с удовольствием слушать *Ораторию* Совиньского и не умереть [при этом]. Мне вспоминается живописец Норблин,

¹ дека (фр.).

² своего рода (лат.).

³ я почти подыхаю (фр.).

⁴ у праотцов (лат.).

который рассказывал, как один художник в Риме увидел работу другого [художника], и так ему стало неприятно, что он... умер. Что у меня осталось, так это большой нос и невыработанный четвертый палец. Будешь негодяем, если ни слова мне не ответишь на это мое нынешнее *épître*¹. Нехорошее время Ты выбрал для своего путешествия.— Да ведет Тебя бог Отцов.— Будь счастлив! Я полагаю, Ты хорошо сделал, что обосновался в Нью-Йорке, а не в Гаване. Если увидишь Эмерсона, Вашего знаменитого философа, напомни ему обо мне. Эрбо [?] обними, а себя поцелуй и не кривись.

Твой старый

Ш.

45. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Гамильтон-Палас, 21 октября 1848

21 oct[obre]

[...] Искусство здесь — это живопись, скульптура и архитектура. Музыка — не искусство и не называется искусством, и если скажешь: артист, то англичанин подумает, что это живописец, архитектор или скульптор. А музыка — это профессия, а не искусство, и никто музыканта не назовет артистом, тем более в печати, потому что на их языке и по их взглядам музыка — нечто иное, чем искусство: это профессия. Спроси любого англичанина, и он тебе скажет, что это так. Меня здесь убедил в этом Нейком.

Виноваты в этом, вероятно, сами музыканты, но попробуй исправь подобные вещи! Вместо хорошего играют всякую чепуху, а разучивать порядочные вещи — считают смешным. Леди... — одна из первых здешних дам, в замке которой я провел несколько дней, а знатная дама здесь считается уже как бы музыкантшей. Так вот, однажды после моего фортепиано и после пения разных шотландских леди приносят что-то вроде аккордеона, и она с полной серьезностью начинает играть на аккордеоне ужаснейшие мелодии. Че-

¹ послание (фр.).

го же ты хочешь? Мне кажется, что тут у каждого не хватает какой-нибудь заклепки.

Другая леди, показывая мне свой альбом, сказала: «La reine a regardé dedant et j'ai été à côté d'elle»¹. Третья — что она la 13-me cousine de Marie Stuarте². Еще одна поет французский романс на английский лад и для оригинальности всегда стоя аккомпанирует себе на фортепиано: «J'aie aiiem aiiе» (j'ai aimée)³ жэй ай мэй!!! Герцогиня Пармская говорила мне, что некая леди насвистывала при ней под аккомпанемент гитары. Те, кто знают мои сочинения, просят меня: «Jouez-moi votre second soupir... J'aime beaucoup vos cloche»⁴ *... И все впечатления завершаются словами: «Лейк (like) water»⁵ — струится, как вода. Я еще не играл ни одной англичанке, чтобы она не сказала мне «Лейк water!!!». Все смотрят на руки и с большим чувством играют фальшивые ноты. Оригиналы, упаси бог.

[Нарисована карикатура]

Это лорд в воротнике и гетрах, заикается.

[Другая карикатура]

Это герцог в юфтяных сапогах со шпорами, в лосинах, и сверху нечто вроде халата.

46. ВОЙЧЕХУ ГЖИМАЛЕ В ПАРИЖ

Эдинбург, 30 октября 1848

Edinburgh, 30 octobre

Моя дражайшая Жизнь.

Неужели Ты забыл меня настолько, чтобы заключить из моих писем, где я писал Тебе, что становлюсь все слабей, все подавленней, безо всякой надежды, без дома, — итак, чтобы из этого заключить, что я женюсь? В тот день, когда я получил Твое милое и сердечное письмо, я написал своего рода распоряжение,

¹ «Королева рассматривала его, а я стояла рядом с ней» (фр.).

² 13-я кузина Марии Стюарт (фр.).

³ «Я любила» (фр.)

⁴ «Сыграйте мне ваш второй вздох... Я очень люблю ваши колокола» (фр.)

⁵ «Как вода» (англ.).

что делать с моим хламом в случае, если бы я где-нибудь издох.

Я таскался по Шотландии, но теперь уже слишком холодно, и завтра я возвращаюсь в Лондон, потому что лорд Стюарт писал мне, чтобы играть 16[-го] на концерте, который дается в пользу поляков перед началом бала. Возвращаясь из Hamilton Palace (в 60 милях отсюда), где я провел несколько дней у герцога и гер[цогини] Гамильтон, я простудился и вот уже пять дней, как не выхожу. Живу у д[окто]ра Лыщиньского, который лечит меня гомеопатией, и никуда больше не хочу ездить с визитами, потому что тут и холера под боком, и потом, если я где-нибудь свалюсь, то уж теперь на всю зиму. Я обещал, если погода улучшится, вернуться в Hamilton Palace, а оттуда ехать на остров Эйран (он весь принадлежит им) к герцогине Баденской, которая замужем за их сыном, маркизом Дугласом; но из этого уже ничего не выйдет. Во время моего там [Hamilton Palace] пребывания, кроме высшей местной аристократии и родных, были герцогская чета Пармы, герцог Лукки [с женой], она сестра герцога Бордо (очень веселые молодожены). Они также пригласили меня к себе, в Кингстон, когда вернутся в Лондон, потому что теперь, с тех пор как их выгнали из Италии, они будут жить в Англии. Все это хорошо, но я уже не гожусь для этого, и если я так спешно выехал из Гамильтона, то это еще и потому, что не могу сидеть за столом с 8 до 10^{1/2} без болей, таких, какие у меня были у Гутмана (помнишь?). И хоть я и завтракал по утрам у себя, и поздно сходил вниз, и по лестницам меня носили, однако же все это для меня неудобно.

В Уишо у леди Белхейвен, где я был перед Гамильтонами, еще до того, как получил Твое письмо, я написал Тебе — но такое мрачное, злое письмо, что хорошо, что я не послал его.

После 16 nov[embre], если у вас там дела пойдут лучше или меня выгонят лондонские brouilleries¹, я вернусь в Париж, если будет не слишком поздно пускаться в путь.

Мои славные шотландки, которых я уже не видел недели две, сегодня будут здесь; они хотели бы, чтобы я еще остался таскаться по шотландским замкам и туда, и сюда, и всюду, куда меня приглашают. Славные,

¹ туманы (фр.).

но такие нудные, что сохрани господь!.. Всякий день получаю [от них] письма, ни на одно не отвечаю, но как только я куда-нибудь поеду, так они за мной тащатся, если могут. Это, может быть, и подало кое-кому мысль, что я женюсь*, однако для этого требуется какое-то физическое *attrait*¹, а та, что не замужем, уж слишком на меня похожа. Как же с самим собой целоваться...

Дружба дружбой, сказал я определенно, но ни на что иное она права не дает... *.

Если бы я даже мог влюбиться в кого-нибудь, кто бы тоже полюбил меня так, как мне бы того хотелось, то я бы все же не женился, потому что нам нечего было бы есть и негде было бы жить. А богатая ищет богатого, а если уж бедного, то не дохлого, а молодого, красивого. Одному можно горе мыкать, а вдвоем — это величайшее несчастье. Я могу подохнуть в больнице, но жену после себя без хлеба не оставляю.

Впрочем, излишне Тебе писать все это, Тебе ведь известно, что я именно так думаю... [Восемь тщательно зачеркнутых строк]. Так что о жене я совсем и не думаю, а только о доме, о Матери, Сестрах. Дай им бог, чтобы они не теряли бодрости духа! А куда тем временем делось мое искусство? А мое сердце — где я его растратил? [Зачеркнуто]. Я уже едва помню, как поют на родине. Этот мир как-то проходит мимо меня, я забываюсь, у меня нет сил; [зачеркнуто]... и стоит мне немного подняться, как упаду еще глубже.

Я не жалею с Тебе, но Ты спросил, и потому я объясняю Тебе, что я ближе к гробу, чем к брачному ложу*. Разум мой относительно спокоен. [Зачеркивания, среди которых можно разобрать: «Я смирился»].

Напиши мне словечко. Адресуй: Шульчевскому, Esq., 10, Duke Street, St. James's. Там находится польское литературное общество Стюарта.

Четвертое написанное Тебе письмо я не отправляю, а только отрывок из другого, написанного в раздражении, чтобы Ты видел, как иногда я бываю зол.

Твой до смерти
Ш.

---

¹ влечение (фр.).

Шайо, 25—26 июня 1849

Понед[ельник] 25 И ю н я
1849

Моя Жизнь!

Если можете, то приезжайте. Я болен, и никакие доктора мне не помогут так, как вы.— Если у вас нет денег, то займите — если мне станет лучше, то я легко заработаю и отдам тому, кто вам одолжит, — но сейчас я слишком гол, чтобы вам послать. Моя квартира в Chaillot достаточно велика, чтобы принять вас хотя бы и с двумя детьми.— Маленькой Людке это было бы полезно во всех отношениях.— Папаша Каласанты бегал бы целый день — выставка плодов рядом — словом, он имел бы в своем распоряжении больше свободного времени, чем раньше, потому что я стал слабее и буду проводить время дома с Людвигой.—

Мои друзья и доброжелатели считают приезд сюда Людвики лучшим для меня лекарством — что она, вероятно, узнает из письма п[ани] Об[ресковой].— Поэтому хлопочите насчет пасп[орта].— Как мне сегодня говорили особы — одна с севера, другая с юга, — особы, не знающие Людвики, — это должно быть полезно не только для меня, но и для нее самой. Итак, привезите, Людовика-мама и Людовика-дочка, наперсток и спицы, я дам вам метить платки и вязать чулки, и вы проведете здесь на свежем воздухе несколько месяцев со старым братом и дядей.— Теперь и дорога полегче. Не нужно брать много багажа. Мы обойдемся здесь, по возможности, дешево. Жилье и еду найдете.— Если даже, может статься, Каласанты покажется, что это далеко от города, от Елисейских полей, он сможет остановиться в моей квартире на Square d'Orléans. Омнибусы ходят от Сквера сюда до самых дверей.

Сам не знаю, почему мне так хочется Людвики, но это так, как если бы я была в интересном положении.— Ручаюсь, что ей тоже будет здесь хорошо. Надеюсь, что семейный совет придет ее мне; кто знает, не буду ли я провожать ее, если окрепну. Вот бы мы обнялись друг друга, как я уже писал, — только что пока еще без париков и с зубами...— Но поскольку жена

должна быть послушной мужу, значит, надо просить мужа, чтобы он привез жену. Поэтому я его очень прошу об этом — и если он согласится, то наверняка ни ей, ни мне он не сможет доставить большей радости и пользы — даже детям, если привезет кого-нибудь из них (насчет дочурки я и не сомневаюсь). — Деньги, правда, истратятся, но их невозможно лучше израсходовать, да и нельзя путешествовать дешевле. — Будете на месте, крыша найдется. Напишите мне поскорее словечко. П[ани] Об[рескова], которая была так любезна, что собиралась писать вам сама (я дал ей адрес Людв[ики]), может быть, скорее вас убедит. — Панна де Роз[ьер] тоже припишет, и Коше также приписал бы — потому что он, вероятно, не нашел меня выздоровевшим. — Его эскулап уже дней десять не показывается, так как наконец убедился, что это выше его разума. — Однако вы его все-таки очень расхваливайте — вашей жилище и другим, кто его знает, и говорите, что он мне очень помог, — а я уж такой, что лишь только мне станет немного лучше, я уже и доволен, — и что все считают, что он здесь многих вылечил от холеры.

Холера уже прекращается, пошла на убыль — ее уже почти нет. Сегодня прекрасная погода. Я сижу в гостиной и люблюсь своим видом на весь Париж из моих пяти окон: на башню, Тюильри, Палату, Сен-Жерм[ен] л'Окс[ерруа], Сент-Этьен дю Мон, Нотр-Дам, Пантеон, Сен-Сюльпис, Валь-де-Грас, [Дом] Инвалидов *, — а между нами одни сады. — И вы увидите это, когда приедете. Так что теперь похлопочите насчет п а с п о р т а и денег — быстро и медленно *. — И сразу же напишите мне словечко — ведь и «кипари-сы имеют свои капризы» — и сейчас мой каприз — видеть вас здесь. — Может быть, бог даст — и будет хорошо — ну а если бог не даст, то по крайней мере делайте так, словно бог должен был бы дать. — Я исполнен доброй надежды — так как редко требую многого. — Я бы и от этого воздержался, если бы меня не побуждали к этому все, кто желает мне добра. — Итак, пошевеливайтесь, пан Каласанты, — а за это я дам тебе большую великолепную сигару — я знаю кое-кого, кто курит превосходные — пв., в саду — Надеюсь, что мое письмо поспело к Именинам Мамочки — и что я на них не отсутствовал. Не хочется мне обо всем этом думать, а то меня даже в жар кидает, а у

меня, слава богу, нет жара, что всех заурядных врачей сбивает с толку и сердит.

Ваш преданный — но больной брат.

Ш.

48. МАРИ ДЕ РОЗЬЕР В ШОДФОНТЕН

Шайо, 14 августа 1849

Моя Сестра, Ендж[еевич] и моя племянница * вот уже пять дней как со мной. Я очень устал. Они тоже. Желая вам такого же счастья, какое я испытываю в данный момент, но немного побольше здоровья, ибо я слабее, чем когда-либо.

Ваш искренний друг
Ш.

Мое почтение г-же Гр[ий] де Безлен.

[Приписка Людвиги Енджеевич:]

(P. S.) — Только одно слово, потому что пора отсылать письмо на почту. Итак, я здесь с дражайшим Фридериком, который очень болен; а я очень сожалею, что не могу обнять вас, мой милый и добрый друг.

Я непременно остановилась бы в Шодфонтене, если бы поезд не проходил там ночью. Я много об этом думала, потому что увидеть вас там было бы невыразимым счастьем. Впрочем, вы знаете, как мы вас любим. Нет нужды говорить вам и о том сожалении, кое мы испытали, увидев, что эти планы рухнули. Я счастлива сознавать, что вскоре вы будете в Париже, где мы часто говорим о вас, дорогой друг. Вы не поверите, как я хотела бы, чтобы ваш приезд доставил несколько приятных минут дорогому Фр[идерику], который сегодня очень устал, больше, чем в другие дни, от бессонницы и жестоких приступов кашля. Людка доставила ему много радости.

Остальное в другой раз, потому что надо запечатывать письмо. Прощайте, милый друг! Мой муж передает вам множество приветов, а я вас целую от всего сердца *.

Л. Е.

49. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В КАРЛСБАД

Париж, 20 августа 1849 Square d'Orléans,
Rue St. Lazare, 9

Дражайший Ты мой.

И надо же, чтобы я был так болен, как сейчас, и чтобы не мог двинуться из Парижа, когда Ты приезжаешь в Остенде¹. Но я надеюсь, что, бог даст, Ты еще доберешься до меня. Доктора не разрешают мне никаких путешествий. Пью в комнате прирейнские воды, а Твое присутствие было бы для меня ценнее всех лекарств.

Твой до смерти
Фридерик

50. ТЫТУСУ ВОЙЦЕХОВСКОМУ В ОСТЕНДЕ

Париж, 12 сентября 1849

У меня было слишком мало времени, чтобы хлопотать о разрешении на Твой проезд сюда*. Не будучи в состоянии сам ходить за этим, половину дня лежа в постели,— я попросил одного друга, имеющего влияние, выручить меня. Только в субботу я буду знать что-нибудь определенно. Я уже было хотел отправиться за границу в Валансьен по железной дороге, чтобы обнять тебя, но несколько дней тому назад не был в состоянии доехать даже до Ville d'Avray близ Версаля к моей крестной дочери* и доктора не позволяют мне выезжать из Парижа. Они поэтому даже и не пускают меня на зиму в более теплый климат. Вина моя, что я болен, а то приехал бы к Тебе куда-нибудь в Бельгию.

Может быть, Тебе удастся добраться сюда. Я не настолько эгоист, чтобы звать Тебя лишь ради себя одного; а когда я так болен, Ты получил бы несколько часов скуки и разочарования, перемежаемых несколькими часами радости и приятных воспоминаний; а я предпочел бы, чтобы часы, проведенные вместе, были бы часами полного счастья.

Навсегда твой
Фридерик

---

¹ Остенде — курортная местность в Бельгии, на побережье Северного моря.

Париж, 18 октября 1849

НЕКРОЛОГ

Родом варшавянин, сердцем поляк, а по таланту — гражданин Мира, Фридерик Шопен покинул наш мир. Грудная болезнь ускорила безвременную кончину художника на тридцать девятом году жизни — дня семнадцатого нынешнего месяца.

Он умел труднейшие задачи искусства разрешать с загадочной легкостью — потому что умел собирать полевые цветы, росы и тончайшего пуха не уронив с них. И умел пронизать их лучезарностью, идеалом искусства, превращая в звезды, в метеориты, не сказать ли — в кометы, сверкающие всей Европе.

Им слезы Народа польского, по полям рассеянные, в диадеме человечества собраны в алмаз красоты, сверкающий кристаллами невиданной гармонии.

В этом — самое высокое, что может свершить художник, и это свершил Фридерик Шопен.

Почти всю жизнь (ибо главную ее часть) провел он вне Родины, но для Родины.

В этом — самое высокое, чего может достичь изгнанник, и этого достиг Фридерик Шопен.

Он всюду — ибо, мудрый, никогда не терял связи с душой Отчизны — и в Отчизне опочил, — ибо душа ее всюду. [...]

Кохановский в «Гулянье под Ивана Купалу» впервые явил просвещенному миру поэзию простого люда — а в музыке это же свершил Шопен.

Ц. К. Норвид*.

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМО 2

Шафарня — деревня в 150 километрах к северо-западу от Варшавы, принадлежавшая в то время Юльиушу Дзевановскому, у которого Ф. Шопен проводил летние каникулы в 1824 и 1825 годах.

«...*Participre du verbe connaitre*» — Игра слов, построенная на фонетическом созвучии причастия от фр. глагола *connaitre* — *connpi* с польским *na koniu* — на коне.

Ф. Ф. Шопен — Фридерик Франчишек Шопен; Франчишек — второе имя Шопена.

...и детям.— Дети Ф. Шопен называл в письмах своих сестер — Людвигу, Изабеллу и Эмилию.

ПИСЬМО 3

Во время летних каникул 1824 года четырнадцатилетний Ф. Шопен посылал родным описания всевозможных шафарских событий в виде юмористической рукописной газеты, выпускавшейся им по образцу варшавской газеты «*Kurier Warszawski*». Его газета, называвшаяся «*Kurier Szafarski*», в пародийной форме воспроизводила рубрики и разделы своего прототипа: исторические заметки, внутренние известия, иностранные известия, самый его стиль. Так как в Королевстве Польском в 1819 году была введена цензура, то и «*Kurier Szafarski*» имел своего «цензора», Людвигу Дзевановскую — Л. Д. (по свидетельству Ф. Хёзика, когда однажды строгий цензор не пропустил какого-то материала, молодой редактор написал: «Весьма прошу цензуру не связывать мне языка»). Сам редактор — Фридерик Шопен — выступает на полосах «*Kurier Szafarski*» под псевдонимами: Якуб Шопен, Миколайчик — то есть маленький Миколай (сын Миколая), Пишон (ачаграмма Chopin) и другими. «*Kurier Szafarski*» написан красивым, каллиграфическим почерком на продолговатых листах, в две колонки. Четыре номера сохранились полностью и два в отрывках.

«*Monitor Warszawski*» — официальная газета Польского края, выходившая с 1824 по 1828 год.

ПИСЬМО 4

В Плоцке в то время были только что открыты в кафедральном соборе могилы с останками польских королей Владислава Германа и Болеслава III Кривоустого.

...за мясом. — То есть за письмом от родителей.

ПИСЬМО 5

Пулавы — резиденция князей Чарторьских с дворцом, «Готическим домом» и так называемым «Храмом Сивиллы», где Чарторьские собирали памятники польской национальной культуры. По существу, Пулавы являлись первым польским музеем, с которым, как видно из комментируемого письма, Ф. Шопен был досконально знаком.

Князь П. А. Вяземский писал о Пулавах 10 мая 1819 года А. И. Тургеневу: «Я провел несколько весьма приятных дней в Пулавах: редкое, великолепное место! Точно с неба упало на польские пески. Любопытны также и два храма: один — посвященный польским драгоценностям, другой — всемирным: мозанка веков и царств!» (Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. Спб., 1899, с. 230).

Княгиня Изабелла Чарторьская — основательница музея в Пулавах.

К пряникам. — В оригинале игра слов: *Kopernik* (Коперник) и *piernik* (пряник). *Торунь* — один из старейших и красивейших городов Польши, славится памятниками старины и фигурными пряниками.

«*Adagiorum Niliades*» — сборник латинских и греческих изречений, изданный в 1525 году Эразмом Роттердамским.

Речь идет о костеле св. Яна, построенном в первой половине XIII века.

Торуньская ратуша — одно из лучших готических сооружений в Польше; сведения, приводимые Ф. Шопеном о количестве залов, комнат и окон, не соответствуют действительности.

ПИСЬМО 6

...на скрипке добжиньского... — Танец или мелодия Добжиньской земли.

«*Mlle Perdrix un mal de nez...*» — «У мадемуазель Куропатки болит нос...» (фр.)

«...*un coup de râteau*» — «...удар грабель» (фр.)

ПИСЬМО 7

Separatwagen — скорая почтовая карета на четыре или шесть мест, расписание которой зависело от желания пассажиров.

ПИСЬМО 8

«Белая дама» (1825) — опера Ф. Буальдьё; «Золушка» (1817) — опера Дж. Россини; «Крестоносец в Египте» (1824) — опера Дж. Мейербера.

«Иосиф в Египте» (1807) — опера Э. Мегюля.

В музыкальной академии... — См. письмо 9.

ПИСЬМО 9

Концерты одного солиста еще не вошли тогда в обычай; чтобы не наскучить публике, считалось необходимым разнообразить программу выступлениями нескольких артистов, причем главный солист выступал дважды.

В программу «Академии» вошли: Увертюра Бетховена из музыки к балету «Творения Прометея» (1801); Вариации ор. 2 и Rondo a la Krakowiak ор. 14 Ф. Шопена. В этом концерте Ш. Вельтхейм пела арию из оперы «Бьянка и Фальеро» Дж. Россини и Рондо с вариациями из оперы «Петр Великий» Н. Ваккаи. Шопен импровизировал на тему «Белой дамы» Ф. Буальдьё и на тему польской песни «Хмель».

ПИСЬМО 11

В программу второй «академии», состоявшейся в Керитнертортеатре 18 августа, входили: Вариации ор. 2 и Рондо-краковяк в исполнении автора.

...уже лежит рецензия...— Рецензия, о которой упоминает Ф. Шопен, появилась 20 августа 1829 года в «Wiener Theaterzeitung» и касалась его первого концерта; рецензия о втором концерте Шопена появилась в номере от 1 сентября.

ПИСЬМО 12

...в его книге...— Альбоме, состоящем из пяти молитвенников, отпечатанных кириллицей в Венеции, чистые листы которых предназначались Ганкой для автографов посетителей пражского Национального музея.

...великого полководца...— Речь идет об А. Ф. фон Валленштейне.

«Моисей в Египте» (1818) — опера Дж. Россини.

...вернулся с Фауста.— Это была премьера в Дрезденском королевском театре первой части «Фауста» Гёте в обработке Людвиг Тика.

ПИСЬМО 13

Концерт f-moll ор. 21.

...alla polacca...— Полонез C-dur ор. 3 для фортепиано и виолончели.

...нарисовала ...в своем альбоме...— Оба карандашных портрета Ф. Шопена, сделанных Элизой Радзивилл, сохранились и находятся в Неборове.

Вариации ор. 2 Ф. Шопена, посвященные Т. Войцеховскому.

ПИСЬМО 14

Единственная рецензия на этот концерт появилась в «Kurier Warszawski» 12 октября: «Вчерашний вечер был необыкновенно приятным для любителей музыки. Присутствовало около 700 человек. Новый Концерт е-моп, сочиненный и исполненный впервые публично Я[сновельможным] паном Шопеном, знатоки считают выдающимся музыкальным произведением. Особенно Adagio и Rondo вызвали всеобщее удовольствие. Автора и Virtuоза приветствовали горячими аплодисментами; аплодисменты возобновлялись после каждого соло, и в конце его вызывали. Присутствующие были также удовлетворены ариями, исполненными нашими молодыми артистками Я[сновельможными] паннами Гладковской и Волковой...»

La donna del lago...— «Дева озера» (1819) — опера Дж. Россини.

...из Агнешки...— Ария из оперы Ф. Паэра «Агнесса».

...Попурри...— Речь идет о Фантазии на польские темы A-dur ор. 13 Ф. Шопена; одна из тем Фантазии — популярная в те годы песенка «Лаура и Филон» на слова идиллии польского поэта Ф. Карпиньского «Месяц поднялся над чащей лесною...» — первые слова этой песни. Заключительный фрагмент Фантазии Шопен называет мазуркой, на самом же деле это кувяк. Этот кувяк — одна из немногих у Шопена цитат из народной музыки.

ПИСЬМО 15

...к Вариациям...— Это сочинение Ф. Шопена не сохранилось.

...ангела покоя...— Речь идет о Констанции Гладковской.

...войско Яна...— Имеется в виду войско Яна III Собеского, нанесшее под Веной, в Каленберге, в 1683 году сокрушительное поражение численно превосходившему его турецкому войску.

...правильный выбор...— Имеется в виду Констанция Гладковская.

...на короля Зыг[мунта]...— Памятник-колонна польскому королю Зыгмунту III Ваза — своего рода символ Варшавы. У Ф. Шопена в его «Альбоме-дневнике» было изображение этого памятника.

...испуг 29-го? — Имеется в виду день начала Ноябрьского восстания 1830 года.

...к св[ятому] Стефану.— Св. Стефан — замечательный готический собор в Вене (1144).

...слушать Пасту.— То есть ехать в Италию.

...на северо-восток...— Навстречу приближающейся русской армии.

...делает попурри...— То есть импровизирует на темы из оперы Д. Обера «Немая из Портучи».

...не началось это от француза...— Венские аристократические и правительственные круги, опасаясь влияния Июльской революции на Германию и Италию, с тревогой следили за революционными событиями во Франции и Польше.

...папа не звонит.— У с а ч — генерал Александр Рожнецкий, объект всеобщей ненависти из-за своего угодничества перед царизмом; Ф. Шопен выражает сожаление, что он «не звонит» — не болтается, как язык колокола, то есть что его не повесили.

...*no glacis*.— Бывший пояс укреплений с валами, окружающими Вену.

Волики ...говорили с кн[яз]ем.— Константы Волицкий вел с великим кн. Константином политические переговоры в Сечехове 5 декабря 1830 года.

...*может быть, последнюю*.— Ф. Шопен одновременно отправил Я. Матушиньскому два или три письма, предоставляя ему решить, показать ли их и какие именно К. Гладковской.

ПИСЬМО 16

...*ему содействовать*.— То несколько холодное отношение, с которым встретился Ф. Шопен во время своего второго пребывания в Вене, объясняется изменением политической ситуации. Реакционные монархические круги Вены и богатое бюргерство враждебно относились к полякам, восставшим против царизма.

Предположение о том, что в Париже он будет встречен хорошо, основывалось на широко известной симпатии революционной Франции к полякам и их свободолобивым устремлениям.

Речь идет о *Концерте f-moll*, теперь известном как Второй концерт Ф. Шопена.

Концерт e-moll, теперь известный как Первый концерт Ф. Шопена.

ПИСЬМО 17

Концерт, о котором упоминает Ф. Шопен, состоялся 4 апреля 1831 года.

...*Ее образ*...— Имеется в виду К. Гладковская.

ПИСЬМО 18

...*совсем в другом роде*.— Г. Гейне писал о нем: «Вообще с тех пор как техника игры доведена Калькбреннером до высшего совершенства, пианистам не следовало бы гордиться своими техническими навыками».

Этот концерт состоялся лишь 26 февраля 1832 года в зале Плейеля.

Дон Жуан, Лепорелло... Церлина, Мизетто — персонажи оперы В. А. Моцарта «Дон-Жуан» (1787), на тему которой написаны Вариации ор. 2 Шопена.

Жирифик — один из типов вертикального фортепiano.

«Шарлатан» — опера К. Курпиньского.

Диорама — сценические декорации больших размеров, сделанные по принципу панорамы, в которых при помощи света добивались эффектов меняющегося в течение дня освещения. Изобретена французским живописцем Дагером.

«La Fiancée de Brigand» — «Невеста разбойника», опера Ф. Риса.

Можно предполагать, что у Ф. Шопена было рекомендательное письмо к И. П. Пиксису от И. Славика.

...*свою девицу*...— Речь идет о Францилле Пиксис-Герингер — сироте, приемной дочери И. Пиксиса, певице, успешно выступавшей в Мюнхенской опере.

Много лет спустя, вспоминая годы своей парижской дружбы с Ф. Шопеном, Ф. Хиллер писал: «Я мог бы сказать, что Шопен любил меня, но я был в него влюблен. Во всяком случае, не знаю, как иначе назвать то чувство, которое владело мною. Его присутствие делало меня счастливым, никогда я не мог досыта наслушаться его; если я долго не видел его, то начинал скучать, утром я торопился выйти из дому, чтобы повидать его, прежде чем он приступит к своим урокам.

Капелька нежности непременно присоединялась к привязанности тех, которые находились с ним в близких отношениях. Эти бледные черты, эта более чем хрупкая фигура вызывали чувство, какое может испытывать страстный собиратель венецианского стекла или старинного саксонского фарфора. При этом он был гибким, как уж, а его движения были исполнены врожденного обаяния и пленительной грациозности. Звучание его голоса было крайне нежным и приятным. Польским языком он, должно быть, владел в совершенстве, но французский и немецкий языки, которыми мы попеременно пользовались, он понимал, правда, в самых тонких нюансах, но говорил на них недостаточно свободно, скорее подыскивая, чем сразу находя выражения для своих замечательных и острых наблюдений. А когда, разговаривая по-немецки, он по моей улыбке угадывал, что я понял его, он всегда говорил в таких случаях: ты понимаешь, что я хотел сказать. В общем, он был веселым, подчас даже озорным и шаловливым, но в глубине души он не был безмятежным. Он был нездоров, а пребывание на чужбине, вызванное несчастным польским восстанием, очень угнетало его, несмотря на все, чем он дарил Париж, и в особенности чем последний одаривал его.

Он не мог жить без общества и редко пребывал в одиночестве. Утром он мог провести часок в одиночестве за инструментом, но даже когда он играл — как бы мне это назвать? — для упражнения или когда вечерами проводил целые часы за излюбленным фортепиано, он непременно должен был иметь кого-либо из друзей рядом с собой. <...> В нем не было ни капли высокомерия, спеси, зазнайства, со всеми он был одинаков, весел, любезен, добродушен...

Отдавая себе отчет в значении своем как артиста, он вместе с тем знал точные границы, которые очертил ему его гений. Он считал себя лирическим поэтом. «Нечто вроде вашего Улаанда», — сказал он мне однажды. «Если бы я остался на родине, — говорил он, — я, вероятно, много работал бы в вокальном жанре». Но сочинять для иного языка, а не для любимого польского, было для него немислимо. Он стал народным поэтом своей страны без помощи слов и не нуждался в переводах для того, чтобы его поэмы в звуках завоевали признание повсюду. <...>.

Не могу не сказать о его чудесной игре, которую не забуду до последнего дыхания. Те, кто его хорошо знал, могли почувствовать, что в разговоре он редко раскрывался, и то лишь перед самыми близкими. Зато за фортепиано он делал это с исключительной полнотой, здесь он раскрывал свое подлинное «я» так, что всякие воспоминания о чем-либо ранее слышанном исчезали сразу. Никто так не прикасался к клавишам, никто не извлекал из них таких бесчисленных оттенков. Ритмическая точность так сочеталась у него со свободным ведением мелодии, что возникало

ощущение импровизации. То, что у других являлось изысканным украшением, у него напоминало окраску цветка; то, что у других было техническим совершенством, у него напоминало полет ласточки. Разбор отдельных достоинств его игры — его оригинальности, обаяния, совершенства, вдохновения — отпадал; был соответственно только Шопен. Даже отсутствие импонирующей силы звука, присущей, напр[имер], Листу, Тальбергу и другим, усиливало его обаяние. <...>. Самое глубокое проникновение в его сочинения, полнейшее погружение в них не дает ощутить всей поэзии, заключенной в его игре. Всякая мысль об этой игре как о чем-то телесном была невозможна. Это было словно сверкание чудесного метеора, который восхищает нас своей таинственной непостижимостью. <...>.

ПИСЬМО 20

...каштеляниши Поланецкой... — У обеих названных аристократок были известные салоны, в которых строго соблюдались светские обычаи.

...После Июльских дней... — То есть после Июльской революции 1830 года.

ПИСЬМО 21

16 августа, в воскресенье, в Карлсбаде произошла встреча Шопена с родителями, с которыми он вместе поселился в гостинице «У золотой розы». Эта встреча была единственной со времени его отъезда из Варшавы.

...Мальчи чудесен! — Вероятно, речь идет о портрете Фридрика Генрика, сына Енджеевичей.

ПИСЬМО 22

...он здоров... — Ф. Шопен, не желая тревожить родителей Антония Водзиньского, не сообщил им, что тот был ранен.

...горе и смятение... — Ф. Шопен, очевидно, имеет в виду события в Испании, связанные с карлистской войной; в этой войне погибло много поляков.

...балы и празднества... — Празднество по случаю бракосочетания наследника французского престола Фердинанда Филиппа с герцогиней Элен Мекленбург-Шверинской.

...в Людвигсбурге... — Ф. Шопен по ошибке написал Людвигсбург; должно быть — Людвигслуст (резиденция герцогов Мекленбургских).

Версаль — Бывший дворец Людовика XIV, пустовавший со времен революции 1789 года и в 1837 году был открыт как музей.

...прошлой династии... — Речь идет о сторонниках Карла X.

...увидеться с ними? — Ф. Шопен спрашивает, не намерены ли Водзиньские поехать за границу, где они могли бы встретиться.

ПИСЬМО 23

...об этом рассказать... — Ф. Шопен надеялся встретиться с Водзиньскими летом 1837 года.

...в моей комнате...— Намек, отражающий постепенное крушение надежд Ф. Шопена на брак с Марией Водзиньской. В дальнейшем отношения Шопена с семьей Водзиньских прервались, и он так никогда больше и не увидел Марии. Причины, вызвавшие разрыв, по существу, неизвестны; очевидно, состояние здоровья Шопена являлось лишь одной из них, далеко не самой важной. Инициатива разрыва исходила от Водзиньских.

Ф. Шопен всю жизнь хранил письма Марии вместе с розой, которую она подарила ему в Дрездене в 1836 году. После его смерти в его бюро была найдена пачка писем Марии, перевязанная розовой лентой и завернутая в бумагу, на которой рукой Шопена было написано: «Мое горе».

ПИСЬМО 24

...*Jardin des Plante*...— Ф. Шопен имеет в виду Парижский ботанический сад, основанный в XVII веке.

...*Прелюдии*...— На Майорке Ф. Шопен заканчивал работу над циклом Прелюдий ор. 28.

ПИСЬМО 28

...*берегам Крёзы*...— Жорж Санд писала Ш. Марлиани 2 октября 1843 года: «Я только что вернулась из маленького путешествия по берегам Крёзы, через совсем невысокие, но весьма живописные горы, которые, однако, менее доступны, чем Альпы, так как дороги и постоянные дворы в них отсутствуют. Шопен повсюду взбирался на своем осле спал на соломе и никогда не чувствовал себя лучше, чем в пору всех этих превратностей и утомлений...»

...*З[амок]*...— Дом в Ноане (юг департамента Эндр) назывался замком лишь по традиции: это было большое двухэтажное здание на берегу реки Эндр, со всех сторон окруженное лужайками, цветниками и деревьями. В Ноане бывали Тургенев, Бальзак, Флобер, Дюма, Лист и др. Этот дом сохранился до наших дней.

ПИСЬМО 29

La Sologne — болота между рекой Луарой и ее притоком, рекой Шер; по этой местности проходила дорога из Ноана в Париж.

ПИСЬМО 30

...*превосходнейшее письмо*...— Это письмо Жорж Санд, по всей видимости, датированное 3 декабря, нам неизвестно.

...*толстым мальчиком*...— Речь идет о Р. Франкомме.

...*железной дороги*...— В это время из Ноана в Париж уже можно было проехать от Орлеана по железной дороге (открыта 5 мая 1843 года).

...*на Биржу*...— То есть на главный почтамт, расположенный по соседству с биржей на Place de la Bourse.

Находясь в Париже, Л. Енджеевич показывалась Ж. Маржолену — известному в те годы французскому хирургу.

...как автограф...— Речь идет о романе Жорж Санд «Чертова лужа» (1844).

...пан Тьер...— Вероятно, имеется в виду книга Тьера «История Консульства и Империи», изданная в Париже в 1845 году.

...стихотворение (те, что с усиком)...— Речь идет о двухтомном собрании стихов Б. Залеского. В его стихотворении «Пригожий парень» каждое четверостишие заканчивалось словами: «Пригожий парень, белое тело, черный усик». На слова этого стихотворения Ф. Шопен в 1841 году написал песню «Пригожий парень» (ор. 74 № 8).

...espaces imaginaires...— По предположению К. Кобылянской, здесь имеются в виду эфирные пространства древнегреческой космологии.

...слепой мазур.— Существует предание, по которому мазуры (то есть жители Мазовии — центральной части Польши) появляются на свет слепыми, как котята или щенки, и прозревают лишь на восьмой день после рождения. Ф. Шопен таким образом подчеркивает, что он истинный, подлинный мазур.

Мазурки (Три) ор. 59, впервые опубликованные в ноябре 1845 года у Штерна.

Соната *h-moll* ор. 58 опубликована в июне, а *Колыбельная* ор. 57 — в мае 1845 года у Ж. Мейссонье.

...хотела иметь Людвига...— Вероятно, речь идет о бонне для детей Л. Енджеевич.

К. Гофманова-Таньская скончалась в Париже в 1845 году.

Пэры Франции — пожизненные члены Верхней палаты, могли быть арестованы только с санкции палаты. В. Гюго был пэром с 1845 года.

...Porte St. Martin...— Театр получил свое имя от ворот св. Мартина (триумфальная арка, воздвигнутая в честь Людовика XIV в 1674 году).

Ф. Шопен еще не знал, что как раз в это время Г. Доницетти заболел тяжелым умственным расстройством и был разбит параличом; это лишило его возможности продолжать творческую деятельность.

...телеграф...— Широкое использование телеграфа началось с 1844 года, когда Морзе изобрел свою азбуку, что позволило свести количество проводов до одного; это была первая линия телеграфа в мире.

...под его управлением...— Речь идет о грандиозных музыкальных торжествах по случаю открытия памятника Бетховену в Бонне, на которые были приглашены выдающиеся деятели искусства со всей Европы.

Амальтея — в греческой мифологии имя козы, вскормившей на острове Крит Зевса, который был там сокрыт своей матерью Геей. В благодарность за это Зевс поместил ее на небо между звездами. Один из ее рогов стал рогом изобилия. Упомянутая Ф. Шопеном скульптура до сих пор находится в так называемой Греческой галерее Дворца изящных искусств в Париже.

...поднял обелиск...— Ф. Шопен имеет в виду знаменитый Луксорский обелиск, в свое время вывезенный Наполеоном из Египта

во Францию. В 1836 году Ле Ба установил его на площади Согласия в Париже.

...полукруглая фреска Делароша...— *Hemicycle* (полукругие) — главный труд жизни П. Делароша (15 м х 4,5 м; 1837—1841). На нем изображены великие художники разных эпох, собравшиеся вокруг великих греческих художников.

...Юлия с женой...— Речь идет о семье Дзевановских.

ПИСЬМО 32

...несчастные рукописи...— Осенью 1846 года были опубликованы (в том числе и у Брандюса в Париже): Баркарола ор. 60, Полонез-фантазия ор. 61 и Ноктюрны ор. 62; так как Баркарола была послана издателям раньше, то тут речь может идти лишь о Полонезе-фантазии или о Ноктюрнах *h-dur* и *e-dur* ор. 62.

ПИСЬМО 34

...минеральных вод...— В Саксонском саду в Варшаве помещался Павильон минеральных вод, который был также модным местом для прогулок.

Старому Петру...— Жорж Санд писала М. де Розьер (18 июня 1846 г.): «Я прогнала своего садовника, который меня обкрадывал. Шопен поражен суровостью моего поступка. Он не может постичь, что нельзя всю жизнь терпеть то, что терпишь в течение двадцати лет».

...молодому и кухне...— Речь идет о М. Санд и С. Бро.

...молодого человека...— Речь идет о Ф. дэ Прео, с которым Солаж была обручена.

...*de la Vallée Noire*...— «Черная долина» — так называются берега реки Крёзы вблизи Ноана.

...в Сквере...— То есть в Орлеанском сквере в Париже.

...отъезда Лорки...— По всей видимости, с Л. Чосновской Шопен и переслал в Париж свои упоминаемые выше рукописи — *Мазурки* ор. 63.

...родители Антония...— Родители А. Барциньского, В. и М. Барцинские в это время были еще живы.

...в Гриньоне...— Местечко к западу от Парижа, где помещалась известная сельскохозяйственная школа.

...моего крестного...— Ф. Скарбек в 1846 году участвовал в конгрессе, созванном во Франкфурте-на-Майне, для исследования вопросов организации и управления тюрем.

...*God save the Queen*...— «Боже, храни Королеву» — английский национальный гимн.

...*l'Egyption Hall*...— «Египетский зал» — музей достопримечательностей в Лондоне.

Мазурки h-dur, f-moll и cis-moll ор. 63, посвященные Л. Чосновской.

...Юзефе с женой...— Речь идет о Ю. Скарбеке и М. Водзиньской.

ПИСЬМО 35

...жаль юношу...— Речь идет о Ф. де Прео.

...неутомительных уроков...— Уроки очень утомляли Ф. Шопена, особенно в последние годы жизни; однако родным он предпочитал не писать об этом.

...*la cerise de Monsieur.*— Непереводаемая игра слов, построенная на созвучии французских слов «*crise*» («приступ») и «*cerise*» («вишня»).

...*князь и княгиня...*— Речь идет об Адаме и Анне Черторьских.

...*меня вносят...*— Ф. Шопен в этот период из-за болезни с трудом поднимался по лестнице.

...(та самая)...— Имеется в виду О. Бро.

...*всеобщее внимание.*— Имеется в виду известная композиция французского художника Т. Кутюра «Римляне периода упадка»; Лувр. (1847).

«*Кричали бис, кричали тер*» — игра слов: *terre* (ф р.) — земля и *ter* (л а т.) — трижды.

«*Аталия*» (1691) — трагедия Ж. Расина.

...*с берегов Вислы.*— Ю. Фонтана в письме к М. Шульцу сообщал: «У него (Шопена) была привычка, если он не бывал вечером приглашен в какой-либо дружеский дом или на какой-нибудь прием, тушить свечи, садиться за любимое фортепиано и по два часа, а бывало и больше, исполнять фантазии, полные самых возвышенных мыслей, оборотов, фигур, рулад и пассажей, поражающих новизной, более того — и чем не напоминающих его изданные сочинения.— столь обилён в нем был источник вдохновения, столь богато воображение, столь неисчерпаем творческий дар, что все, что он писал и сочинял, было лишь слабым отблеском этих его вечерних непосредственных композиций» (Hoesick F. Chopin, t. 4 s. 71—72).

...*Cigue fette veut...*— «Чего хочет женщина» — водевиль Ф.-О. Дювера.

ПИСЬМО 38

...*моей болезни...*— Бракосочетание С. Санд и О. Клезанже состоялось 20 мая в Ноане.

...*за Руссо...*— Намечавшийся брак Т. Руссо с О. Бро не состоялся, что послужило одной из главных причин ссоры О. Клезанже и Солааж с Жорж Санд и Морисом. Эта ссора привела к разрыву между молодой четой и Жорж Санд.

...*просто ужас.*— Имеется в виду одна из самых известных скульптур О. Клезанже — «Женщина, ужаленная змеей» (1847).

...*давно это знаю.*— С. Витвицкий (Мери) скончался в Риме в апреле 1847 года.

Мазурки (Три) ор. 63, опубликованные в 1847 году.

...*его затмило.*— Ф. Шопен имеет в виду широко распространенную в 1847 году эфирную наркоманию.

Le Camp du Drap d'or — Под этим названием («Лагерь шитого золотом сукна») известно место встречи в 1520 году близ Кале французского короля Франциска I с английским королем Генрихом VIII.

...*крестному...*— Ф. Скарбку.

...*Сонату с маршем...*— Речь идет о Сонате b-moll ор. 35 с траурным маршем.

ПИСЬМО 40

Комментируемое письмо скорее всего написано сразу же после концерта Ф. Шопена, который состоялся 16 февраля 1848 года

в зале Плейеля; вероятно, именно после этого концерта А. де Кюстин преподнес в подарок Шопену перстень (золото, оникс, бриллиант). Это был последний концерт Шопена в Париже.

ПИСЬМО 41

...сами написали...— Это письмо С. Клезанже неизвестно.

...открыть мне дверь.— Последняя встреча Ф. Шопена и Жорж Санд изображена совершенно иначе в мемуарах писательницы и в ее письме к Гри де Безлен. Так, в «Истории моей жизни» Жорж Санд описала эту сцену следующим образом: «Я сжала его дрожащую, ледяную руку. Я хотела поговорить с ним, но он ускользнул. Теперь настала моя очередь сказать, что он больше не любит меня. Я избавила его от этого страдания и предоставила все провидению и будущему. Мне не суждено было увидеть его более. Между нами были злые сердца. Были и добрые, не умевшие взяться за дело как следует...» (*Histoire de ma vie*, t. XI, p. 141).

...и пешком...— Ходьба в эти годы уже стоила Ф. Шопену больших усилий, а расстояние от rue Godot до Square d'Orléans довольно значительно. Шопен тем не менее позабыл об ожидавшем его экипаже и проделал весь этот путь пешком, без сомнения, будучи глубоко взволнован прошедшей встречей.

ПИСЬМО 42

...собираются в Познани...— Февральская революция в 1848 году во Франции и распространение революции в Германии, Австро-Венгрии, Италии открыли перед польскими патриотами возможность борьбы за независимость Польши в австрийских и прусских ее областях.

В марте 1848 года в Познаньском княжестве вспыхнуло восстание; 20 марта в Познани был организован Национальный комитет. 24 марта 1848 года из Парижа выехал, надеясь возглавить познаньское движение, А. Чарторыйский.

Ф. Хёзик приводит слова Ф. Шопена, сказанные одному из отъезжавших в Познаньское княжество: «Общественная моя служба уже окончена. В деревне у вас есть церквушка, и вы дадите мне от ваших щедрот до конца дней моих кусок хлеба, а я вам за это буду на органе играть гимны в честь Королевы Короны Польской [Божьей Матери]».

...выгнал австрияков...— 18—22 марта 1848 года народ Милана сбросил с себя австрийское иго. Австрийская армия, однако, продолжала удерживать мощные крепости в Северо-Восточной Италии.

...волынским и подольским...— В Париж поступали сообщения о выступлениях крестьян Волыни и Подола.

ПИСЬМО 43

...если бы season...— Светский сезон в Лондоне длился с апреля по август. В это время были открыты театры, опера, происходили сессии палат, высших судов и т. д.

...прекрасные статьи.— За несколько недель до приезда Ф. Шопена в Англию «The Athenaeum» писал: «...Однако с еще большим интересом любители фортепиано и профессионалы услышат о том, что г-н Шопен ожидается в Англии. Как композитор он наиболее индивидуален из всех ныне пишущих для его инструмента (какую бы оценку ни давать его индивидуальности); как исполнитель он также менее привычен для публики, чем любой из современников. Визит г-на Шопена есть событие, за которое мы сердечно признательны Французской Республике» («The Athenaeum», 1848, 8 april, № 1067, p. 374), а 29 апреля сообщалось о его прибытии в Лондон.

...мои Мазурки...— П. Виардо принадлежит переложение для голоса нескольких Мазурок Ф. Шопена.

...о княжестве Познаньском...— В апреле 1848 года прусские войска начали подавление восстания в Познаньском княжестве.

С. Козьян был представителем познаньского Национального комитета в Лондоне.

ПИСЬМО 44

...старые цимбалы...— Здесь, возможно, и игра слов; по-польски *cymbal* — о л у х, д у р е н ь.

ПИСЬМО 45

...vos cloche...— Под названием «Вздохи» Вессель издал два Ноктюрна op. 37; таким образом, «второй вздох» — это Ноктюрн G-dur op. 37 № 2; под «колоколами», вероятно, подразумевается средняя часть Ноктюрна G-dur.

ПИСЬМО 46

...что я женюсь...— Заботы, которыми Дж. Стирлинг окружала Ф. Шопена, дали повод к целому ряду сплетен, в том числе и матримониального характера; весьма вероятно, что Стирлинг питала к Шопену чувства более теплые, чем просто дружеские.

...право не дает...— Эти слова Ф. Шопена позволяют предполагать, что между ним и Дж. Стирлинг состоялось объяснение.

...к брачному ложу...— А. Гутман сообщил Ф. Никсу фразу, сказанную однажды Шопеном: «Меня сватали с м-ль Стирлинг; с таким же успехом она могла бы выйти замуж за смерть». (см.: *No e s i s k P. Chopin, t. 3, s. 219*).

ПИСЬМО 47

...[Дом] Инвалидов...— Ф. Шопен перечисляет следующие исторические здания Парижа: башня — вероятно, Сен-Жак, Тюильри — парижский дворец (Tuillerie); Сен-Жермен л'Оксерруа — старинная готическая церковь вблизи Лувра, отсюда был дан сигнал к началу Варфоломеевской ночи; Сент-Этьен дю Мон — старинная готическая церковь на площади Пантеона; Нотр-Дам — собор Парижской богородицы; Пантеон — бывшая церковь св. Жевьевы; Сюльпис — церковь св. Сульпиция в квартале Сен-Жермен, здание церкви увенчано двумя высокими башнями; Валь-де-

Грас — монастырь и церковь; Дом Инвалидов — знаменитое здание, построенное Ж. Мансаром.

...быстро и медленно — буквальный перевод латинской поговорки «*festina lente*» — «поспешай медленно», что соответствует русской поговорке: «Тише едешь, дальше будешь».

ПИСЬМО 48

...моя племянница... — Людвика Енджеевич, в замужестве Цехомская.

Ц. Норвид, часто встречавшийся с Ф. Шопеном в последний год его жизни, писал впоследствии в «Черных цветах» (1856) об этом периоде жизни композитора: «Это позже — позже Фридерик Шопен жил в Париже на улице Chaillot, в левом ряду домов, идущих вверх от Елисейских полей, во втором этаже, где окна глядят на сады и купол Пантеона и на весь Париж — единственное место, откуда открываются виды, хоть немного напоминающие виды, которые встречаешь в Риме. Именно такая квартира и с таким вот видом была у Шопена — и главной ее частью была большая, с двумя окнами, гостиная, где стояло бессмертное его фортепиано, — фортепиано отнюдь не элегантно, а похоже на буфет или шкаф, отделанное затейливо, как модные фортепиано, и, конечно же, треугольное, длинное, на трех ножках — такие, мне кажется, уже мало кто держит в изысканной квартире. В этой гостиной Шопен обедал в пятом часу, потом с трудом спускался по лестнице и ехал в Булонский лес, а когда он возвращался, его вносили по лестнице, ибо подняться наверх он уже не мог.

Часто мы обедали и выезжали вместе с ним, а однажды по пути мы заехали к Богдану Залескому, который жил тогда в Пасси, но не поднялись к нему наверх, так как Шопена некому было внести; мы остались в садике перед домом, где на лужайке играл тогда еще маленький сын поэта...

С тех пор прошло много времени, но я не заходил к Шопену, а лишь неизменно справлялся о его самочувствии, узнал и о том, что из Польши приехала его сестра. Наконец, я зашел как-то проведать его — служанка-француженка сказала мне, что он спит. Стараясь ступать как можно тише, я оставил свою визитную карточку и ушел. Однако не успел я спуститься, как служанка догнала меня и сказала, что Шопен, узнав, кто заходит, просит меня к себе, — словом, он не спал, но не хотел принимать. Глубоко тронутый тем, что он захотел меня видеть, я вошел в соседнюю с гостиной комнату, которая служила Шопену спальней, и застал его одетым, но полулежащим, в чулках и туфлях, но все равно сразу видно было, как сильно отекли у него ноги. Сестра артиста, поразительно похожая на него в профиль, сидела с ним рядом... В тени глубокого ложа с занавесками, опираясь на подушку и закутанный в шаль, он был необычайно прекрасен; как всегда, самые будничные его жесты казались чем-то совершенным, в них была некая монументальная завершенность... нечто, из чего афинская аристократия сумела сделать себе религию в прекраснейшую эпоху греческой цивилизации, — или того, что гениальные драматические артисты играют, напр[имер], в классических трагедиях, которые хотя и несколько не схожи с античным миром в своих теоретических установках, но такой гений, как, напр[имер], Рашель, умеет вдох-

нуть в них естественность, правдоподобие и подлинную классичность... Такою природною возвышенностью и завершенностью всех движений и обладал Шопен, когда бы и где бы я его ни видел... Итак, прерывающимся от кашля голосом и задыхаясь, он стал упрекать меня за то, что я так давно не заходил его проведать, потом шутил и безобиднейшим образом подтрунивал над моими мистическими взглядами, это доставляло ему удовольствие,— и я не возражал,— потом я разговаривал с его сестрой,— потом он снова закашлялся, а потом я решил, что пора дать ему отдохнуть, и стал прощаться, а он, сжав мою руку, откинув со лба свои волосы, сказал: «Переселяюсь!» — и зашелся в кашле, а я, услышав его слова и зная, что на его нервы иногда хорошо действуют резкие возражения, приняв некий нарочитый, искусственный тон и целуя его в плечо, сказал, как говорят человеку сильному и обладающему мужеством: «Ты всякий год так переселяешься, а между тем мы, слава богу, видим тебя живым».

На это, заканчивая прерванную фразу, Шопен проговорил: «Я хотел сказать тебе, что переселяюсь на Place Vendôme».

Это был мой последний разговор с ним, вскоре он переехал на Place Vendôme, где и умер, а я так и не увидел его больше после того визита на улице Chaillot» (Norwid. Czarne Kwiaty, s. 37—38).

ПИСЬМО 50

...приезд сюда.— Французская граница была в то время закрыта для русских подданных, и для въезда во Францию требовалось специальное разрешение русского посольства.

..крестной дочери...— Дочь Т. Альбрехта.

ПИСЬМО 51

Личность и творчество Ф. Шопена, Шопен как явление эстетическое и историческое составляли предмет глубокого и пристального внимания Ц. Норвида. Не многие сумели так понять и оценить Шопена, как он.

Помимо публикуемого «Некролога» (который появился в познаньской газете «Dziennik Polski» 25 октября 1849 года и по праву должен рассматриваться как высокохудожественная поэма-эпиграмма), Шопену в творчестве Норвида посвящен ряд других произведений (см. в Аннотированном словаре имен). Возвращался он к Шопену и в целом ряде своих писем.

В поэме «Promethidion» (1850) Норвид писал о творчестве Шопена:

«В Польше от могилы Фридерика Шопена пойдут побеги искусства, от которых возникнут более правдивые понятия о форме жизни, т. е. о пути прекрасного, о сущности бытия, стало быть, о пути добра и правды. Тогда из индивидуального артистизма родится единое национальное искусство.

Возвышение Народного духа до силы, пронизывающей и охватывающей все Человечество, возвышение Народного до Всечеловеческого не путем внешнего воздействия и формальных усту-

пок, но путем внутреннего развития и совершенствования—вот что звучит в Музе Фридерика как запев национального искусства.

Видения, еще не различимые, но уже угадывающиеся вдали, подобные звукам эоловых арф,— это и есть подлинное провидение музыки.

Когда же их уже можно различить, живописец улавливает и воплощает это чудо радуги на полотне или на стене здания, восхищая нас.

Когда же они на своих легких крыльях начинают опускаться на фронтоны святынь и обращаться в мрамор, подобно надолго уходящим в сон героям, тогда скульптор находит им место в тихом лоне обтесываемого мрамора. Там они покоятся веками, лишь иногда вновь пробуждаясь в песне, пейзаже, легенде, воскрешаемые вдохновением поэта!

Так создается искусство в лабиринте бесконечных форм, имя которым — воображение. Национальный художник формирует воображение, подобно тому, как национальный политик организует силы державы»

Норвид называл Шопена «величайшим у нас художником».

СЛОВАРЬ ИМЕН¹

- АГУАДО** Александр Мари (1784—1842) — исп. эмигрант, служивший в наполеоновской армии; владелец огромного состояния и страстный коллекционер произведений искусства.
- АДАМС** Джон Кук (1819—1892) — англ. астроном, проф. Кембриджского университета.
- АЛЬБЕРТ** Франц Август Карл Эммануил, герцог Саксен-Кобургский (1819—1861) — принц; супруг англ. королевы Виктории.
- АЛЬБОНИ** Мариэтта; наст. имя Мария Анна Фелиция; в замуж. маркиза Неполи (1826—1894) — ит. певица (контральто). Участвовала вместе с Шопеном в концерте в Манчестере 28 августа 1848 г.
- АЛЬБРЕХТ** Тома (1803—?) — секретарь сакс. посольства в Париже и владелец склада вин; друг Шопена. Ему посвящено Скерцо ор. 20.
- АЛЬКАН** Анри Валантен Шарль; наст. фамилия Моранж (1813—1888) — фр. пианист, композитор и педагог; друг Шопена.
- АРАГО** Доминик Франсуа (1786—1853) — фр. физик и астроном; директор парижской обсерватории, академик.
- АРАГО** Франсуа Виктор Эммануэль (1812—1896) — сын Д. Ф. Араго; фр. либеральный полит. деятель, после революции 1848 г. фр. посол в Берлине, адвокат и драматург; друг Жорж Санд и Шопена.
- АРНАЛЬ** Этьен (1797—1872) — фр. комич. актер, поэт.
- АРПАНТИНЬИ** Казимир Станислав д' — фр. литератор, участник войны 1812 года, знакомый Жорж Санд.
- БАРЦИНЬСКАЯ** Юстына Изабелла; урожд. Шопен (1811—1881) — сестра Шопена; современники отмечали ее поразительное сходство с братом.
- БАРЦИНЬСКИЙ** Антоний Феликс (1803—1887) — польск. математик, в молодости репетитор в пансионе Шопенов; окончив Лицей и Варшавский университет, преподавал математику в гимназии; затем — директор пароходства; автор работ по банковскому делу; муж (с 1834 г.) И. Шопен.

---

¹ В словарь имен включены фамилии лиц, тесно связанных с жизнью и творчеством Ф. Шопена либо малоизвестных современному читателю. Словарь составлен Г. Кухарским.

БЕЗОБРАЗОВ Сергей Дмитриевич (1801—1879) — адъютант вел. кн. Константина; после окончания польск. кампании 1830—1831 гг. служил в Петербурге и был знаком с Пушкиным. Имя Безобразова неоднократно упоминается в письмах Пушкина, а его ухаживания за Н. Н. Пушкиной вызывали шуточные упреки поэта.

БЖЕЗИНА Антоний — варшавский издатель, владелец книжного магазина и склада нот. В его магазине можно было приобрести «Очерк русской литературы» Греча, переведенный Линде, львовское, петербургское и парижское издания произведений Мицкевича, «Кавказского пленника» Пушкина, Скотта, множество гравюр и т. д. Шопен часто посещал этот магазин, читал новые книги, за инструментом знакомился с новыми нотными поступлениями из многих городов Европы.

БОКАЖ Пьер Франсуа Эдмон; наст. имя Тузэ Мартинен (1798—1863) — фр. актер; близкий друг Жорж Санд.

БОКЛЕТ Карл Мария фон (1801—1882) — венский пианист и педагог, знакомый Шопена.

БОРИ Виктор (1818—1880) — фр. литератор и полит. деятель; близкий друг Жорж Санд; знакомый Шопена.

БРАНДТ Альфонс Ян (1812—1846) — доктор медицины, товарищ Шопена по Варшавскому лицей.

БРО Огюстина Мари (1824—1905) — кузина Жорж Санд; с 1846 года жила у Жорж Санд постоянно, на положении приемной дочери.

БРОДЗИНСКИЙ Казимеж Юзеф (1791—1835) — польск. историк и лит. критик, один из идеологов польск. романтизма; проф. Варшавского лицея, затем проф. Варшавского университета; близкий друг семьи Шопена.

БРОДТ Генрих (Апри) (1801—1830) — фр. гобоист и композитор, проф. Парижской консерватории.

БУРЖУА-ШИРОЛИ — фр. певица (альт).

ВАЛЛЕНШТЕЙН Альбрехт Вацлав (Венцеслав) фон, герцог Фридрихский и Мекленбургский (1583—1634) — герм. имперский полководец периода Тридцатилетней войны. Шопен был знаком с его судьбой по трилогии Шиллера «Валленштейн» (1830).

ВАТЕЛЬ — главный повар принца де Конде; покончил с собой в 1671 г. в замке Шантийи, когда убедился, что запаздывает рыба, предназначенная для приема в честь Людовика XIV.

ВЕЛЬТХЕИМ Шарлотта — сакс. придворная певица (колоратурное сопрано), пианистка; участвовала в концерте Шопена 11 августа 1829 года в Вене.

ВЕРНИК Казимеж (1828—1859) — польск. пианист и композитор, ученик Шопена.

ВЕСЕЛОВСКИЕ Анна, урожд. графиня Скарбек и ее муж Стефан Теофил (1791—?).

ВИДАЛЬ Луи Антуан (?—1891) — фр. виолончелист, ученик О. Франкомма, друг Шопена.

ВИЛЬД Франц (1792—1860) — нем. оперный певец (тенор), знакомый Шопена. Шопен высоко ценил его искусство.

ВИНТЕРХАЛЬТЕР Франц Ксавер (1806—1873) — нем. портретист и литограф.

ВИТВИЦКИЙ Стефан Мери (1801—1847) — польск. поэт-романтик. Близкий друг Шопена и всей его семьи; из двадцати из-

вестных песен Шопена десять написаны на слова его «Сельских песен».

ВОДЗИНЬСКАЯ Мария (1819—1896) — невеста Шопена; была разносторонне образована, несомненно, талантлива — писала стихи, неплохо играла на фортепиано, сочиняла музыку, пела и превосходно рисовала. Широко известен ее акварельный портрет Шопена.

ВОДЗИНЬСКИЙ Антоний (1812—1842) — старший брат М. Водзиньской; питомец Варшавского лицея и пансионер Шопенов, друг Шопена.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ Тытус (1808—1879) — пансионер Шопенов, лицейский товарищ Шопена и один из самых близких его друзей.

ВОКАНСОН Жак де (1709—1798) — фр. изобретатель и механик, конструктор ряда автоматов, пользовавшийся в свое время известностью.

ВЬЁТАН Анри (1820—1881) — бельг. скрипач, композитор и педагог; ряд лет работал в России.

ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ Анна Мария, урожд. княжна Чарторыская, герцогиня (1768—1854) — сестра Адама Чарторыского, польск. писательница, автор одного из первых польских сентиментальных романов.

ВЮРФЕЛЬ Вацлав Вилем (1791—1832) — пианист и композитор, друг семьи Шопена.

ГАВАР Шарль — парижский издатель, друг Шопена.

ГАЛЛЕ Иоганн Готфрид (1812—1910) — нем. астроном.

ГАЛЛЕНБЕРГ Венцель Роберт, граф фон (1783—1839) — австр. композитор, муж Дж. Гвиччарди, которой Бетховен посвятил свою «Лунную» сонату.

ГАНКА Вацлав (1791—1861) — чеш. славист и поэт, проф. Пражского университета, видный деятель чешского Возрождения.

ГАШИНЬСКИЙ Константы (1809—1866) — польск. поэт, драматург, публицист и переводчик; участник Ноябрьского восстания.

ГЕЙНЕФЕТТЕР Сабина (1809—1872) — нем. певица, пела на сценах крупнейших театров Европы.

ГЕРОЛЬД Луи Жозеф Фердинанд (1791—1833) — фр. композитор и пианист.

ГЕРЦ Анри (Генрих) (1803—1888) — австр. композитор и пианист, с 1842 г. проф. Парижской консерватории.

ГЖИМАЛА Войчех, граф (1793—1870) — польск. офицер и литератор, участник национально-освободительного движения. Член тайного польск. Патриотического общества, проведенный несколько лет в казематах Петропавловской крепости. В Варшаве его дом стал излюбленным местом встреч музыкантов, писателей и художников. Затем жил в эмиграции во Франции; один из самых близких друзей Шопена.

ГЛАДКОВСКАЯ Констанция (1810—1889) — в замуж. Грабовская; государственная стипендиатка, ученица К. Соливы, солистка (сопрано) Национального театра. Первое серьезное увлечение Шопена. Перед смертью сожгла все письма Шопена к ней.

ГОССЕК Франсуа Жозеф (1734—1829) — фр. композитор и дирижер, академик.

- ГОФМАНОВА-ТАНЬСКАЯ Клементына (1798—1845) — польск. писательница и педагог. Дружила с семьей Шопена. В Париже он часто встречался с ней.
- ГРАФФ Конрад (1782—1851) — венский фабрикант фортепиано.
- ГРИЗИН Джулия (1811—1869) — ит. певица (сопрано).
- ГРИГ ДЕ БЕЗЛЕН (1781—1873) — подруга М. де Розьер и знакомая Шопена.
- ГУММЕЛЬ Иоганн (Ян) Непомук (1778—1837) — австр. пианист, композитор, дирижер и педагог. Чех по происхождению.
- ГУММЕЛЬ Карл (1821—1907) — сын И. Гуммеля; художник.
- ГУТМАН Адольф (1819—1882) — нем. пианист, один из любимых учеников Шопена, с которым композитор любил играть в четыре руки.
- ДАВИД Фелисьен Сезар (1810—1870) — фр. композитор и дирижер, академик.
- ДАМОРО-ЦИНТИ Лора, урожд. Монталан (1801—1863) — фр. певица; Шопен был знаком с ней и восхищался ее голосом.
- ДАМСЕ Викторын Юзеф (1789—1852) — польск. певец, актер, композитор и переводчик; варшавский знакомый Шопена.
- ДЕВРИЕНТ Карл Август (1797—1872) — нем. драмат. актер.
- ДЕЛАКРУА Виктор Фердинанд Эжен (1798—1863) — фр. живописец романтической школы. Обладал безупречным слухом и феноменальной музыкальной памятью. Один из ближайших друзей Шопена, был также дружен и с Жорж Санд. Его кисти принадлежит известный портрет Шопена.
- ДЕЛАРОШ Поль (1797—1856) — фр. живописец, академик.
- ДЕММЕР Фридрих (1768—1838) — венский артист и режиссер.
- ДЗЕВАНОВСКИЙ Доминик — лицейский друг Шопена, пансионер Шопенов.
- ДИТРИХШТЕЙН Леопольд Маурициус, граф фон (1775—1864) — венский композитор, с 1819 г. управлял музыкальными делами при австр. императорском дворе.
- ДРЕКСЛЕР Иозеф (1787—1852) — австр. композитор и капельмейстер.
- ДЮВЕР Феликс Огюст (1796—1876) — фр. драматург.
- ДЮПОР Луи Антуан (1781—1853) — фр. танцовщик и балетмейстер; в 1808—1816 гг. выступал в России.
- ЕНДЖЕЕВИЧ Людвика Марьянна, урожд. Шопен (1807—1855) — любимая сестра композитора; написала (анонимно) совместно с сестрой Изабеллой несколько книг для юношества; обладала и композиторским даром. Э. Скродский в своих воспоминаниях писал о ней: «Самая старшая из сестер, панна Людвика, своей сметливой, разумной речью напоминала о происхождении отца и была похожа на брата. [...] Насколько я помню, она чаще других играла с Фридериком в четыре руки, у обоих всегда было что сказать друг другу, поэтому мне думается, что наш виртуоз питал к своей старшей сестре самую большую симпатию».
- ЕНДЖЕЕВИЧ Людвика, младшая — см. *Цехомская Л.*
- ЕНДЖЕЕВИЧ Юзеф Каласанты (1803—1853) — муж сестры Шопена, товарищ его юности и один из близких друзей. После окончания Варшавского университета — проф. права и администрации Марымонтского ин-та сельского хозяйства.
- ЕНДЖЕЕВИЧ Фридерик Генрих — сын Енджеевичей, племянник и крестник Шопена.

ЖАНЕН Жюль Габриэль (1804—1874) — фр. писатель, полит. деятель и влиятельный лит. и театр. критик, академик; знакомый Шопена.

ЖИВНЫЙ Войчех (1756—1842) — композитор, дирижер, пианист, скрипач и преподаватель (фортепиано и скрипка); чех по происхождению; был первым и единственным фортепианным педагогом Шопена и первым, кто оценил его музыкальное дарование; сыграл большую роль в формировании музыкального вкуса композитора, познакомив его с творчеством практически неизвестного тогда И. С. Баха.

ЖИРАРДО Франсуа, барон (1772—1831) — фр. врач, доктор медицины, лечивший семью Шопена и живших у них пансионеров.

ЖЮЛЬЕТТА — см. *Друзя Ж.*

ЗАЛЕСКИЙ Юзеф Богдан (1802—1886) — польск. поэт-романтик, в творчестве которого нашли отражение мотивы укр. народного творчества; участник Ноябрьского восстания, после поражения которого находился в эмиграции во Франции. Шопен написал четыре песни на его слова.

ЗЕЙФРИД Игнац Ксаверий фон (1776—1841) — венский композитор, пианист, музыкальный теоретик и дирижер; знакомый Шопена.

ЗЫГМУНД III ВАЗА (1566—1632) — польск. король, перенесший столицу Польши из Кракова в Варшаву.

КАЛЬКБРЕЙНЕР Фридрих Вильгельм Михаэль (1785—1849) — нем. пианист, композитор и педагог; с 1824 г. жил в Париже, где считался самым выдающимся преподавателем фортепианной игры; после приезда Шопена в Париж между ними установились дружеские отношения.

КЛАРИ-АЛЬДРИГЕН Карл Йозеф, князь (? — 1831) — владелец майората Теплице.

КЛЕЗАНЖЕ Жан Огюст Батист (1814—1883) — фр. скульптор, автор памятника на могиле Шопена на кладбище Пер-Лашез, а также его посмертной маски и слепка левой руки.

КЛЕЗАНЖЕ Соланж, урожд. Дюдеван (1828—1899) — дочь Жорж Санд, жена О. Клезанже. Шопен очень дружески относился к ней.

КЛЕНГЕЛЬ Август Александр (1783—1852) — нем. композитор, пианист и придворный органист в Дрездене.

КОЗЬМЯН Станислав Эгберт (1811—1885) — польск. поэт и переводчик, питомец Варшавского лицея; участник Ноябрьского восстания, после которого эмигрировал. С 1832 г. находился в Лондоне, где был секретарем Стюарта Дадли. Шопен был дружен с ним еще в Варшаве.

КОЛЬБЕРГ Генрих Оскар (1814—1890) — польск. пианист и литератор, этнограф, выпустивший тридцатишеститомное собрание польск. народных песен и танцев; товарищ Шопена.

КОМБ Эдмон; Абиссинец (1812—1848) — знакомый Жорж Санд и Шопена.

КОХАНОВСКИЙ Ян (1530—1584) — польск. поэт и переводчик эпохи Возрождения.

КРАМЕР Иоганн Батист (1771—1856) — нем. пианист и композитор; Шопен знал его этюды и использовал их в своей пианистической и педагогической практике.

КРАСИЦКИЙ Игнацы (1735—1801) — архиепископ Гнезненский, польск. поэт и писатель.

КУРПИИНСКИЙ Кароль Казимеж (1785—1857) — польск. композитор, создатель национальной исторической оперы, скрипач, педагог и дирижер; основатель Школы пения при Варшавском Национальном театре.

КУТЮР Тома (1815—1879) — фр. живописец, учитель Э. Мане, автор портрета Шопена.

КЮСТИН Астольф Луи Ленар, маркиз де (1790—1857) — фр. писатель, драматург и путешественник; один из самых горячих и преданных почитателей Шопена; в историю вошел своим ярким памфлетом против николаевской России «La Russie en 1839».

Об этой книге А. И. Герцен писал: «Это—самая умная книга, написанная о России иностранцем». Книга вызвала ярость царского самодержавия и была в тогдашней России запрещена, но тем не менее широко распространялась нелегальным путем. Можно с уверенностью сказать, что Шопен был знаком с этим произведением.

ЛАБЛАШ Луи Луиджи (1794—1858) — певец (бас), достигший вершины славы в Париже; пел на отпевании Бетховена и Шопена.

ЛАГОВСКАЯ — варшавская пианистка и преподаватель пения.

ЛАМБЕР Эжен Луи (1825—1900) — фр. художник-анималист, товарищ М. Сауда по мастерской Делакура.

ЛАННЕР Йозеф Франц Карл (1801—1843) — австр. скрипач, дирижер и композитор.

ЛАХНЕР Франц (1803—1890) — нем. композитор, пианист, органист, виолончелист и дирижер.

ЛЕВЕРРЬЕ Урбан Жан Жофер (1811—1877) — фр. астроном, директор Парижской обсерватории, академик.

ЛЕГУВЕ Эрнест (1807—1903) — фр. писатель, драматург, критик.

ЛЕДРЮ-РОЛЛЕН Александр-Огюст (1807—1874) — фр. адвокат, журналист, полит. деятель, возглавивший в годы Июльской монархии республиканскую оппозицию; в 1848 г. влиятельный член Временного правительства и министр внутренних дел.

ЛЕМАН Шарль Анри (1814—1882) — фр. художник, автор карандашного портрета Шопена, ныне хранящегося в Фонтенбло у наследников семьи Лео.

ЛЕО Огюст — парижский банкир, родственник И. Мошелеса и хороший знакомый Шопена. Шопен был в дружеских отношениях со всей семьей Лео. В их доме часто собирались самые выдающиеся артисты и музыканты.

ЛЕОН, урожд. Мозельман — жена бельг. посла в Париже.

ЛИНД Женни (1820—1887) — швед. певица (колор. сопрано), которую современники называли «шведским соловьем».

МАЙЗЕДЕР Йозеф (1789—1863) — венский скрипач, педагог и композитор.

МАЛИБРАН-ГАРСИА Мария Фелисита (1808—1836) — дочь и ученица М. Гарсиа, певица.

МАЛЬФАТТИ Иоганн фон Монтереджо (1775—1859) — ит. по происхождению. С 1796 года жил в Вене; лейб-медик; врач и друг Л. Бетховена; страстный любитель музыки.

МАЛЬФИЛЬ Жан Пьер Фелисьен (1813—1868) — фр. драматург и литератор, близкий друг Жорж Санд.

- МАРИО** Джованни Маттео; наст. имя граф ди Кандия (1810 — 1883) — ит. певец (тенор).
- МАРИЯ КРИСТИНА** — королева-регентша Испании.
- МАРЛИАНИ** Шарлотта, урожд. де Фоллевиля, графиня (1790—1850) — жена М. Марлиани; приятельница Жорж Санд и Шопена.
- МАТУШИНЬСКИЙ** Ян (1809—1842) — лицейский товарищ Шопена и один из его ближайших друзей, пансионер Шопенов; в Ноябрьском восстании участвовал в качестве полкового врача; в эмиграции — проф. парижской «Ecole de Médecine». В Париже некоторое время жил в одной квартире с Шопеном.
- МАЦЕЕВСКИЙ** Игнацы — товарищ Шопена по путешествию в Вену, Прагу и Дрезден, автор слов к т. II. Пражской мазурке Шопена.
- МЕРК** Йозеф (1795—1852) — нем. композитор и виолончелист.
- МИРОШЕВСКИЙ** Амброжий (1800—1879) — польск. живописец, друг семьи Шопена; написал портреты всех членов семьи, а также портрет В. Живного.
- МОРАВСКИЙ** Теодор (1797—1879) — польск. публицист и историк.
- МОРЛАККИ** Франческо (1784—1841) — ит. композитор.
- МОШЕЛЕС** Игнац (1794—1870) — нем. пианист и композитор; Шопен высоко ценил творчество Мошелеса. В Париже неоднократно выступал совместно с ним; между ними установились дружеские отношения.
- МУР** Томас (1779—1852) — англ. композитор и поэт.
- НЕЙКОМ** Сигизмунд (1778—1858) — австр. пианист, дирижер, композитор, ученик И. Гайдна. Работал в Петербурге, Москве, Стокгольме, Париже, затем в Англии. Шопен отрицательно относился к творчеству Н.
- НИДЕЦКИЙ** Наполеон Томаш (1800—1852) — польск. оперн. композитор и дирижер, товарищ Шопена по Главной школе музыки.
- НОВАКОВСКИЙ** Юзеф (1800—1865) — польск. пианист, композитор, музыкальный теоретик и педагог. Товарищ Шопена по Главной школе музыки.
- НОРБЛИН** Жан Пьер (1745—1830) — фр. живописец, долгие годы проживал в Польше.
- НОРБЛИН** Людвиг Петр Марчин (1781—1854) — сын Ж. П. Норблина; польский виолончелист и композитор, солист оркестра Парижской оперы, друг Шопена.
- НОРВИД** Циприан Камилл (1821—1883) — польск. поэт, драматург, критик, прозаик, публицист, переводчик, художник и скульптор. С 1842 г. жил в эмиграции; был знаком с А. Мицкевичем, Ю. Словацким, З. Красиньским, А. И. Тургеневым, А. И. Герценом, М. А. Бакуниним. Познакомился с Шопеном лишь в 1849 г., однако с музыкой композитора его познакомил ранее в Италии М. Калерджи, которой поэт был увлечен. Норвид посвятил значительную часть своих сочинений личности и творчеству Шопена (поэму «Фортепиано Шопена», эпилог философской поэмы «Promethidion», раздел из воспоминаний «Черные цветы»). Имя Шопена упоминается и в ряде писем Норвида. Все написанное им о Шопене содержит наиболее глубокую и точную оценку значения композитора для польской и европейской культур. Известны два парижских рисунка Шопена работы Норвида.

НУРРИ Адольф (1802—1839) — фр. певец (тенор), проф. Парижской консерватории, друг Шопена.

ОБРЕСКОВА Наталья Васильевна, урожд. княжна Шереметева — жена тайного советника Д. М. Обрезкова (1790—1864); ее брат Николай Шереметев был декабристом; близкий друг Шопена; была также дружна с Ф. Листом.

ОСБОРН Эмма — гражданская жена К. Плейеля, носившая его имя.

ПАРМСКАЯ Мария Анна де Бурбон, герцогиня — лондонская знакомая Шопена.

ПАСТА Джудитта, урожд. Негри (1798—1865) — ит. певица (драм. сопрано).

ПАЭР Фердинандо (1771—1839) — ит. композитор, скрипач и дирижер; проф. Парижской консерватории.

ПЕРСИАНИ Фанни, урожд. Таккинорди (1812—1867) — ит. певица (колоратурное сопрано).

ПЕРТЮИ А., граф де — фр. аристократ, адъютант Луи Филиппа; меломан, друг Шопена.

ПЕХВЕЛЬ-ПЕСАДОРИ Антуанетта (1799—1834) — дрезденская пианистка.

ПИИЕ Леон Франсуа Раймон (1803—1868) — фр. литератор и публицист, директор одной из парижских оперных трупп.

ПИКСИС Иоганн Петер (1788—1847) — пианист, композитор и педагог.

ПИКСИС Фридрих Вильгельм (1786—1842) — брат И. П. Пиксиса, скрипач и дирижер Пражского городского театра, проф. Пражской консерватории.

ПЛАНА ДЕ ЛА ФЭЙ — друг Шопена.

ПЛЕЙЕЛЬ Жозеф Камилл (1792—1855) — сын И. Плейеля; фр. композитор и пианист, глава фортепианной фирмы и владелец парижских концертных залов, друг Шопена; ему посвящено фр. издание Прелюдий ор. 28.

ПЛЯТЕР Людвик (1774—1846) — ветеран костюшковского восстания, близкий соратник Адама Чарторыского (с 1806 г.); один из основателей Польского литературного общества в Париже. В первые годы после приезда в Париж Шопен сблизился с его семьей, часто играл у них.

ПЛЯТЕР Мария Анна, урожд. Бжостовская (?—1843) — жена Л. Плятера.

ПОТОЦКАЯ Дельфина, графиня; урожд. графиня Комар (1807—1877) — друг Шопена, сыгравшая большую роль в его жизни. Одна из красивейших женщин своего времени, обладала недюжинным умом, замечательным вокальным дарованием, сочиняла музыку, превосходно рисовала. Ученица Шопена.

ПРЕО Шарль Фердинанд де (1822—1891) — жених С. Санд.

ПРУШАК Александр, граф — отец К. Прушака.

ПРУШАК Константы, граф — лицейский товарищ Шопена.

ПРЮДАН Эмиль Бени (1817—1863) — фр. пианист и композитор.

РАДЗИВИЛЛ Антоний Генрих, князь (1775—1833) — с 1815 г. наместник входившего в состав Пруссии Великого княжества Познаньского; композитор, виолончелист, гитарист и певец.

РАДЗИВИЛЛ Ванда, княжна; в замуж. княгиня Чарторыская (1808—1850) — дочь А. Радзивилла.

- РАДЗИВИЛЛ** Элиза, княжна (1803—1834) — дочь А. Радзивилла; предмет юношеского увлечения короля Пруссии Вильгельма I; автор двух карандашных портретов Шопена, хранящихся в Неборове.
- РАДЗИВИЛЛ** Фридерика Доротея Луиза, княгиня, урожд. принцесса Бранденбургская — дочь Фердинанда Прусского, жена А. Радзивилла.
- РАШЕЛЬ**, наст. имя Феликс Элиза (1821—1858) — фр. трагич. актриса, возродившая на сцене фр. классическую трагедию.
- РИНАЛЬДИ** Станислав — преподаватель ит. языка в Главной школе музыки. Шопен занимался с ним ит. языком частным образом.
- РОАН-ШАБО** Луи Франсуа, герцог де (1788—1833) — представитель одного из старейших фр. аристократических родов; с 1828 г. — епископ Безансонский, а с 1830 г. — кардинал.
- РОБЕР** — второй директор Парижской оперы.
- РОЗЕНГАРТ** Зофья, в замуж. Залеская (1824—1864) — ученица Шопена и В. Живного.
- РОЗЬЕР** Мари Элизабет, графиня де (1805—1865) — фр. пианистка и педагог, друг Жорж Санд и Шопена.
- РОТШИЛЬД** Джемс, барон (1792—1868) — фр. банкир.
- РОТШИЛЬД** Шарлотта, баронесса — дочь Дж. Ротшильда; ученица Шопена.
- РУБИНИ** Джованни Баттиста (1795—1854) — ит. певец.
- РУБИО** Вера, урожд. Кологривова (ок. 1820—1880) — рус. пианистка и педагог, ученица Шопена.
- РУССО** Теодор (1812—1867) — фр. живописец; друг О. Клезапже.
- САБРАН** Эльзеар де (1774—1846) — фр. писатель и поэт, баснописец, дядя А. де Кюстина.
- САКЕТТИ** Антонио (1790—1870) — ит. театральный художник, работавший в Варшаве.
- САЛАМАНКА** — испанский банкир.
- САНД** Жорж; наст. имя Амади Люси Аврора (Орор) Дюпен, баронесса (1804—1876) — фр. писательница и публицистка. Представляла демократическое течение во фр. романтизме, была тесно связана с прогрессивным обществ. движением. Семнадцати лет была выдана замуж за барона К. Дюдевана; брак был несчастлив и закончился разводом в 1834 г. С Жорж Санд остались дети, носившие ее имя. С Шопеном она познакомилась осенью 1836 г. В ряде работ Жорж Санд много сведений о Шопене, к сожалению, крайне необъективных. Свою переписку с Шопеном Жорж Санд уничтожила (некоторые исследователи все же полагают, что сохранилась копия этой переписки).
- САНД** Жан Франсуа Морис (1823—1889) — сын Жорж Санд, автор нескольких книг; художник, ученик Э. Делакруа.
- СЕВИНЬЕ** Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де (1626—1696) — фр. писательница, автор известных писем к дочери, считающихся образцом эпистолярного стиля.
- СЕРВАЧИНЬСКИЙ** Станислав (1791—1859) — польск. скрипач, виолончелист, композитор и педагог.
- СКАРБЕК** Фридерик Флорьян, граф (1792—1869) — питомец Варшавского лицея и Варшавского университета; польск. экономист, историк, переводчик и писатель, тайный советник, сенатор и директор Главной правительственной комиссии по

делам юстиции в Польше; воспитанник М. Шопена и крестный отец Шопена, названного в его честь.

СЛАВИК Йозеф (1806—1833) — скрипач и композитор, чех по происхождению, ученик Ф. Пиксиса в Пражской консерватории, друг В. Вюрцеля. Известно изречение Н. Паганини о Славике: «Когда вы играете — мир трепещет». У Шопена во время пребывания в Вене сложились очень дружеские отношения с ним.

СОБАНЬСКИЙ Изыдор (1796—1847) — польск. помещик на Украине, офицер повстанческой армии, в эмиграции в Париже примыкал к консервативному крылу.

СОВИНЬСКИЙ Войцех (Альберт) (1805—1880) — польск. пианист, композитор, педагог, музыковед, собиратель фольклора.

СОЛИВА Карло Эвазио (1792—1851) — ит. композитор, дирижер и педагог по вокалу; в 1821 г. был приглашен в Варшаву, в руководимую Ю. Эльснером Консерваторию; с 1826 г. — директор Консерватории; после ее закрытия в 1831 г. покинул Польшу.

СТАДИОН Франц, граф (1806—1853) — австр. наместник во Львове.

СТАМАТИ Камилл Мари (1811—1870) — пианист и композитор; грек по происхождению, живший в Париже.

СТЕФАНИ Юзеф (1800—1876) — польск. скрипач, дирижер, педагог и композитор, товарищ Шопена по Главной школе музыки.

СУТЦО Екатерина Дмитриевна, княгиня — дочь Н. В. Обресковой, жена князя Ивана Сутцо, рус. пианистка, ученица Шопена.

ТАЛЬБЕРГ Зигмунд (1812—1871) — австр. пианист и композитор.

ТАНЬСКАЯ — см. *Гофманова-Таньская*.

ТЕЙХМАН Антоний (1798—1877) — польск. певец (тенор), виолончелист, композитор, дирижер и педагог; в 1835—1836 гг. был во Франции, встречался с Шопеном.

ТУРЧИНОВИЧ Роман (1813—1882) — польск. танцовщик, режиссер.

ТЮЛОН Жан Луи (1786—1865) — фр. флейтист и композитор.

УРАН Христиан (1790—1845) — нем. композитор и исполнитель на ряде струнных инструментов: скрипке, виоле и др.

ФАБЕР — англ. математик, механик-изобретатель.

ФЕТИС Франсуа Жозеф (1784—1871) — бельг. композитор, дирижер и музыковед, проф. Парижской консерватории и директор Брюссельской консерватории. Автор монографии о Шопене.

ФИЛД Джон (1782—1837) — ирл. пианист, композитор и педагог; в 1802 г. вместе со своим учителем М. Клементи приехал в Россию, где прошла вся его музыкальная деятельность (сначала в Петербурге, а с 1820 г. в Москве, где он умер и похоронен). Шопен познакомился с ним в Париже в 1835 г.

ФОНТАНА Юлиан (1810—1869) — польск. композитор и пианист, товарищ Шопена по Варшавскому лицей и Главной школе музыки, один из его самых близких друзей. Участник Ноябрьского восстания, в 1832 г. эмигрировал во Францию,

- где давал уроки музыки и концерттировал; одно время был ближайшим доверенным лицом Шопена и посредником в переговорах с издателями. В конце 1841 г. уехал в Америку, вернувшись после смерти Шопена в Европу, издал по поручению его семьи неопубликованные сочинения композитора.
- ФРАНКОММ** Огюст Жозеф (1808—1884) — фр. виолончелист и композитор (известен ряд его транскрипций произведений Шопена), с 1846 г. проф. Парижской консерватории. Один из ближайших друзей Шопена.
- ФРАНКОММ** Рене (1841—1860) — сын О. Ж. Франкомма, виолончелист.
- ФРЕЙЕР** Август (1803—1883) — польск. органист, композитор и педагог; товарищ Шопена по Главной школе музыки.
- ХАБЕНЕК** Франсуа Антуан (1781—1849) — фр. скрипач, педагог, композитор и дирижер; основатель Общества консерваторских концертов.
- ХАСЛИНГЕР** Тобнас (1787—1842) — венский муз. издатель.
- ХИЛЛЕР** Фердинанд (1811—1885) — нем. пианист, композитор, дирижер, музыкальный теоретик, историк музыки и критик; основатель Кёльнской консерватории. В первые годы пребывания в Париже Шопен был связан с ним горячей дружбой (сохранилась бронзовая медаль, на которой изображены Шопен и Хиллер, 1835).
- ХОТЕК** Карл (1783—1868) — камергер австр. двора, наместник Чешского королевства. Шопен познакомился с ним в 1835 г. в Карлсбаде и играл в его доме.
- ХУБЕ** Ромуальд (1803—1890) — польск. юрист, историк и правовед; проф. Варшавского университета. Шопен совершил совместно с ним свою первую венскую поездку.
- ЦЕХОМСКАЯ** Людвика, урожд. Енджеевич (1835—1879) — племянница Шопена, польская мемуаристка.
- ЦИХОЦКИЙ** Юзеф (?—1849) — польск. помещик, большой любитель музыки, знакомый Шопена.
- ЧАПЕК** Леопольд Эустахий (1792—1840) — чеш. пианист и композитор; в Вене между Чапек и Шопеном установились дружеские отношения.
- ЧАРТОРЫСКИЙ** Адам Ежи, князь (1770—1861) — польск. дипломат и полит. деятель, участник восстания Т. Костюшко. Был советником Александра I, министром иностранных дел и членом т. н. «негласного комитета». В период Ноябрьского восстания в течение некоторого времени возглавлял Национальное правительство; несмотря на консервативную политику Hôtel Lambert, руководимого Чарторыским, личный авторитет этого «польского короля de facto» был очень велик. Шопен хорошо знал Чарторыского.
- ЧЕРНИ** Юзеф (1785—1842) — венский педагог, композитор и музыкальный издатель.
- ЧЕРНИ** Карл (1791—1857) — венский пианист, педагог, композитор.
- ШВЕЙКОВСКИЙ** Войчех (1773—1838) — проф. Варшавского лицея.

ШЕРЕМЕТЕВА Анна Сергеевна, графиня (1810—1849) — сестра Е. С. Шереметевой, знакомая Шопена.

ШЕРЕМЕТЕВА В. П.— мать А. С. и Е. С. Шереметевых.

ШЕРЕМЕТЕВА Елизавета Сергеевна, в замуж. баронесса Дёлер (1818—1890) — ученица Шопена (ей посвящен Листок из альбома).

ШЕФФЕР Ари (1795—1858) — фр. живописец, автор незаконченного портрета Шопена.

ШЕНБЕЙН Христиан Фридрих (1799—1868) — нем. химик, открывший в 1839 г. газ озон и в 1844 г. пироксилин.

ШМІДТ Алоиз (1788—1866) — нем. пианист, композитор и педагог.

ШОЛЕ Жан Батист — фр. певец.

ШОПЕН Изабелла — см. *Барциньская И.*

ШОПЕН Людвика — см. *Енджеевич Л.*

ШОПЕН Миколай (Никола) (15 апр. 1771 — 3 мая 1844) — отец композитора; родился в семье колесного мастера и виноградаря Франсуа Шопена (1738—1814) и дочери ткача Маргариты Шопен (?—1793) в лотарингской деревне Маренвиль. В 1787 г. Шопен приехал в Польшу. Работал «писарем или счетоводом» на табачной фабрике в Варшаве. В 1794 г. он принял активное участие в восстании, возглавляемом Т. Костюшко. С 1802 г. занимался педагогической деятельностью. В 1810 г. окончательно переехал с семьей в Варшаву и вскоре стал преподавателем Варшавского лицея (основан в 1804 г.) и др. учебных заведений Варшавы (фр. язык, фр. литература, нем. язык). Содержал при Лицее пансион для шестисеми иногородних учеников Лицея. Отличался большой музыкальностью — играл на флейте, скрипке и клавесине, охотно участвовал в домашнем музицировании.

Его воспитанник Ф. Скарбек писал о нем в своих «Воспоминаниях»: «...Он был человеком высоконравственным и честным, который посвятил себя воспитанию польской молодежи, никогда не задаваясь целью превратить ее во французскую, внушить ей господствующие во Франции принципы. Уважая поляков и будучи преисполнен благодарности земле и людям, среди которых нашел гостеприимство и достойные жизненные условия, он чистосердечно отвечал им признательностью, добросовестно воспитывая их детей как полезных граждан Польши. Благодаря своему длительному пребыванию в нашей стране и дружеским связям с польскими домами, а главное, благодаря своему браку с полькой и отсюда — супружеским и родственным узам он стал настоящим поляком и на протяжении лет пользовался всеобщим уважением как всеми почитаемый педагог общественных школ, любовью своих учеников и их родителей и, в довершение всего, гордился сыном, который всегда и во всеуслышание называл себя поляком и стяжал своей родине славу колыбели одного из величайших музыкальных гениев».

ШОПЕН Текла Юстына; урожд. Кжижановская (14 сент. 1782 — 1 окт. 1861) — мать композитора; род. в деревне Длугой в Куявии (Польша) «в благородной, но небогатой семье». Получила основательное образование, хорошо владела фр. языком. Сирота, она, как полагают, была дальней родственницей Скарбков, в семье которых М. Шопен служил гувернером. Их бракосочетание состоялось 2 июня 1806 г. Отли-

чалась музыкальностью, обладала хорошим голосом, играла на фортепиано («с той дивной поэзией, которую она хранила в своей душе»). По словам современницы, близко ее знавшей, она была «достоинейшей женщиной, воплощением доброты и душевного тепла... сумевшей и детям своим привить горячую взаимную привязанность, воспитать в них кристальную честность, умение откликаться на все благородное, прекрасное и исполненное добра, воспитать в них достойную твердость характера, подкрепляющуюся подлинными этическими и моральными основами».

ШОПЕН Эмилия (1812—1827) — сестра композитора; рано умерла от туберкулеза. Обладала большими литературными способностями. Сохранилось несколько пьесок в стихах, написанных ею совместно с братом. Ф. Хёзник сообщает, что Фридерик с Эмилией основали «Развлекательное литературное общество» (по образцу варшавского Общества друзей науки). На заседаниях общества читались стихи и произведения собственного сочинения. Смерть Эмилии была сильным ударом для Шопена.

ШПОР Людвиг (1784—1859) — нем. композитор, скрипач, дирижер и педагог.

ШТАДЛЕР Максимилиан (1748—1833) — аббат, венский композитор.

ШТЕЙН Матеус Андреас (1776—1842) — австр. пианист и один из владельцев фирмы «Штейн и Штрейхер».

ШТЕЙНКЕЛЛЕР Рудольф — директор Венского театра.

ШУЛЬЧЕВСКИЙ Кароль Францишек (1813—1884) — польск. майор, после Ноябрьского восстания эмигрировал сначала в Париж, затем в Лондон, где был секретарем основанного в 1832 г. по инициативе Адама Чарторыского Литературного общества друзей Польши. Был одно время эмиссаром Hôtel Lambert в Лондоне.

ШУПИАНИЦИГ Игнац (1776—1830) — австр. скрипач, дирижер и композитор, друг Л. Бетховена. Возглавлял квартет, впервые исполнивший почти все камерные сочинения Бетховена.

ЭЛЬСНЕР Юзеф Антоний Францишек (1769—1854) — польск. композитор, скрипач, органист, дирижер, критик и теоретик музыки. С 1799 по 1824 г. — директор Варшавского Национального театра, с 1816 по 1821 г. — руководитель Школы пения и дикции и проф. Варшавского университета; основатель и ректор Главной школы музыки; проф. теории и композиции, воспитавший целую плеяду польских композиторов. Под его руководством Шопен получил музыкальное образование вначале на частных уроках, а затем в Главной школе музыки.

ЭМЕРСОН Ральф Уолдо (1803—1882) — амер. философ, публицист и поэт. А. Мицкевич писал о нем: «Идеи, которые излагает этот философ, удивительным образом совпадают с польской национальной идеей и как нельзя лучше выражают потребности нашей эпохи».

ЭРБО — друг Шопена, один из первых его знакомых в Париже.

ЭРНЕМАН Мориц (1800—1866) — нем. композитор и пианист, преподаватель Варшавской консерватории.

ЯН III СОБЕСКИЙ (1624—1696) — польск. полководец, сначала гетман, затем король Польши (1664—1696).